

ISSN 2308-6947

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

СЕВЕРО-ЗАПАД В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Межвузовский тематический сборник
научных трудов

Выпуск 26

Под редакцией В. Н. Никулина

Издательство
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
2020

УДК 930:338.431

ББК 66.017.717

С28

Рецензент

М. Ю. Лачаева — д-р ист. наук, проф.,
Московский педагогический государственный университет

Редакционная коллегия

А. Ю. Дворниченко, д-р ист. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет); *Т. М. Китанина*, д-р ист. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет); *В. Н. Никулин*, д-р ист. наук, проф. — отв. редактор (Балтийский федеральный университет им. И. Канта); *Л. Н. Жданович*, канд. ист. наук, доц. — отв. секретарь (Балтийский федеральный университет им. И. Канта); *З. А. Тимошенкова*, канд. ист. наук, доц. (Псковский государственный университет); *Е. Н. Швейковская*, д-р ист. наук (Институт славяноведения РАН)

В оформлении обложки использована картина художника Ф. В. Сычкова «Мяльщицы льна» (1905).

С28 **Северо-Запад в аграрной истории России** : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2020. — Вып. 26. — 286 с.

Сборник содержит статьи по актуальным проблемам как общероссийской, так и региональной аграрной истории дореволюционного, советского и современного периодов. Основное внимание уделено конкретным экономическим, социальным и политическим сюжетам аграрной истории страны. Представлены историографические темы, затронуты вопросы общественного движения.

Сборник адресован научным работникам, преподавателям, студентам-историкам и всем, кто интересуется историей Отечества.

УДК 930:338.431

ББК 66.017.717

© БФУ им. И. Канта, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Иванов В.И.</i> Монастырское крестьянство Вологодского уезда во второй половине XVI — первой трети XVII века.....	5
<i>Черкасова М.С.</i> Северная деревня в начале Петровских реформ (1690—1700-е гг.).....	24
<i>Комиссаренко А.И.</i> Роль волостных торгов в развитии регионального рынка в XVIII веке (по таможенным документам Вятской провинции)	44
<i>Степанова Л.Г.</i> Днепровский и Мелитопольский уезды Таврической губернии в материалах Генерального межевания первой половины XIX века.....	50
<i>Китанина Т.М.</i> Александр II и подготовка крестьянской реформы 19 февраля 1861 года (финансовые операции правительства в условиях предреформенного кризиса банковской системы).....	61
<i>Никулин В.Н.</i> Земства и неземледельческие промыслы крестьян северо-западных губерний России во второй половине XIX — начале XX века.....	79
<i>Козлов С.А.</i> «Хозяин... только тот, кто все знает, все умеет, все предвидит...»: Сергей Федорович Шарапов (1855—1911).....	92
<i>Жиров Н.А.</i> Сельское образование и школы духовного ведомства Орловской губернии во второй половине XIX — начале XX века.....	107
<i>Роднов М.И.</i> Финансирование хлебной торговли через частные банки (в поисках источников).....	117
<i>Смирнова О.А.</i> Письма «Из деревни» А.Н. Энгельгардта как результат изучения национальной культурно-хозяйственной традиции.....	124
<i>Жданович Л.Н.</i> Деятельность обществ сельского хозяйства Псковской губернии во второй половине XIX — начале XX века.....	139
<i>Дианова Е.В.</i> Агропросветительная деятельность сельскохозяйственных обществ Олонецкой губернии.....	155
<i>Ланской Г.Н.</i> Основные направления интерпретации значения столыпинской аграрной реформы в российской, английской и американской историографии.....	170
<i>Бершадская О.В.</i> Особенности осуществления столыпинской аграрной реформы в центральных и южных губерниях Российской империи.....	184

<i>Нарыкова Н. М.</i> Д. А. Столыпин (1818—1893) и становление аграрной социологии в России.....	189
<i>Кондрашин В. В.</i> Крестьянское движение в России в годы Первой русской революции.....	195
† <i>Шустов К. Б.</i> Статистическая характеристика крестьянского движения в российской деревне в начале XX века.....	213
<i>Карпачёв М. Д.</i> Воронежская деревня накануне революции 1917 года: промежуточные результаты аграрного реформирования.....	226
<i>Томилин В. Н.</i> Реорганизация колхозов СССР после реформы 1958 года	243
<i>Шевельков А. И.</i> Политика государства в развитии подсобных предприятий и промыслов в сельском хозяйстве Нечерноземной зоны РСФСР во второй половине XX века.....	260
<i>Логунова И. В.</i> Кадровый состав сельскохозяйственных работников накануне аграрной реформы 1990-х годов (на материалах Липецкой области).....	275
Об авторах	284

Монастырское крестьянство Вологодского уезда во второй половине XVI — первой трети XVII века

На основе сопоставления данных нескольких писцовых книг реконструируется состав монастырского землевладения и крестьянства Вологодском уезда в 1620-е гг. и определяется их доля в общем феодальном землевладении уезда. Подробно рассмотрен состав владений и крестьянства крупнейшего вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря с середины XVI в. Установлен высокий уровень мобильности и задолженности монастырских крестьян-порядчиков в конце XVI — начале XVII в.

Based on the comparison of several «pistzovy» books' data reconstructed the composition of the monastic land ownership and peasantry at the Vologda county in 1620s. Determined their big share in the general feudal land ownership of the county. The composition of the possessions and peasantry of the largest Vologda Pri-lutsk Monastery of Our Saviour is examined in detail from the middle of the 16th century. The high level of mobility and debt of monastic peasants-lessees was established in the late 16th and early 17th centuries.

Ключевые слова: Вологодский уезд, крестьяне, XVI—XVII вв., монастыри, землевладение, порядчики, задолженность, закрепощение.

Keywords: Vologda county, peasants, 16th—17th centuries, monasteries, land ownership, lessees, debt, enslavement.

Монастырское землевладение в 20-е гг. XVII в.

Описание Вологодского уезда, начатое в 1626/27 г., производилось раздельно по двум половинам. М.Б. Булгаков выявил и дал краткую характеристику 17 писцовых книг (8 по Первой и 9 по За-

озерской половине) [1, с. 187—194]. По данным Н.П. Воскобойниковой, в РГАДА сохранилась 21 писцовая и писцовая межевая книга Вологды и Вологодского уезда 20-х гг. XVII в. [2, с. 28—31]. Сведения об 11 монастырских владениях в Заозерской половине Вологодского уезда, извлеченные из нескольких писцовых книг, были обобщены и изучены В.Н. Сторожевым [3, с. 359—408]. Позднее эти писцовые материалы были им опубликованы [4]. В 1990 г. была сделана попытка дополнить эти данные сведениями по первой половине уезда [5, с. 48—50]. Сводные данные о монастырских земельных владениях и крестьянах в обеих половинах Вологодского уезда представлены нами ниже в таблице 1. Всего по писцовым книгам выявлены 32 монастырских владения. Общий размер их земельных угодий (все виды пашни, сенокосы, пашенный и непашенный лес) составляет почти 8360 дес. (без учета «черного» и «красного» леса и болот, которые измерялись, весьма условно, верстами). По выпискам из писцовых книг, сделанным в 1636 г., площадь монастырских «красных» и «черных» лесов и болот равнялась 499,25 верст на 310 верст, пашенных угодий — 29936,33 чети, сенокосов — 80 159 копен, леса пашенного и непашенного — 435 и 1436 дес. соответственно [6, ф. 1209, оп. 4, д. 5531, л. 404—464].

На этих землях зафиксированы 2126 живущих крестьянских и бобыльских дворов. Кроме монастырей в уезде находились владения церковных иерархов. На землях Вологодского архиепископа в Ракульской, Брюховской, Засодемской волостях и на Лежском волоке насчитывалось 307 дворов (373 чел.), к этому надо добавить 92 крестьянских двора (112 чел.) на землях, выделенных архиерейским приказным людям и детям боярским [6, ф. 1209, оп. 1, д. 14727, л. 129—132; д. 93, л. 31—32; д. 14726, л. 599—639]. Митрополит Ростовский имел населенные земли в Ракульской, Сямской и Верхвологодской волостях — 174 двора (216 чел.) [6, ф. 1209, оп. 1, д. 14727, л. 10—45]. На территории Тошинской и Чуровской волостей были испомещены патриаршие дети боярские — 8 дворов (10 чел. м.п.) [6, ф. 1209, оп. 1, д. 14727, л. 4—10], земли которых также относились к категории церковно-монастырских. Еще можно упомянуть 3 крестьянских двора на церковных землях погостов (6 чел. м. п.) [6, ф. 1209, оп. 1, д. 14728, л. 810—812]. Если объединить все вышеназванные земельные владения (2126 дворов + 584 двора), то общая сумма церковно-монастырских владений составит 2710 крестьянских и бобыльских дворов.

Таблица 1

Монастырское землевладение и крестьянство Вологодского уезда в 20-е гг. XVII в.

Монастыри, пустыни	Крестьяне		Бобыли		Итого		Пашня, четей в поле	Сенокос, копен	Лес, дес.	Источник
	Дворов	Чел. м. п.	Дворов	Чел. м. п.	Дворов	Чел. м. п.				
Спасо-Прилуцкий	270	376	196	229	466	605	4666	9944,5	366	6, ф. 1209, оп. 1, д. 14727, л. 283—390; 3, с. 385
Корнильево-Комельский	229	305	118	137	347	442	3348,1	6901	646,5	6, ф. 1209, оп. 1, д. 14726, л. 485—487
Спасо-Каменный	219	317	101	115	320	432	4424,5	5577	229,5	3, с. 398—402; 6, ф. 1209, оп. 1, д. 14727, л. 265—268
Павлово-Обнорский	143	164	54	61	197	225	2679,9	2896	—	6, ф. 1209, оп. 1, д. 14727, л. 530—534
Николо-Озерецкий	79	128	42	59	121	187	2497,1	2347	60	6, ф. 1209, оп. 1, д. 14727, л. 596—598
Глушицкий	61	87	32	40	93	127	1425,5	925	22	3, с. 394—397
Спасо-Нуромский	52	67	28	28	80	98	1322,9	3890	—	6, ф. 1209, оп. 1, д. 14727, л. 548
Кирилло-Белозерский	51	86	28	32	79	118	1728,7	2051	130,5	6, ф. 1209, оп. 1, д. 14727, л. 203—204
Спасо-Еуфимьев	50	94	24	46	74	140	853,3	1263	—	3, с. 390—394

Окончание табл. 1

Монастыри, пустыни	Крестьяне		Бобыли		Итого		Пашня, четей в поле	Сенокос, копен	Лес, дес.	Источник
	Дворов	Чел. м. п.	Дворов	Чел. м. п.	Дворов	Чел. м. п.				
Никола-Угрешский	19	34	43	58	62	92	240	350	2	6, ф. 1209, оп. 1, д. 14727, л. 625—627
Никентьева пустынь	37	54	16	17	53	71	1074,8	539	21,5	6, ф. 1209, оп. 1, д. 14728, л. 657—676
Катромский	24	34	12	13	36	47	391	124	—	3, с. 383—384
Славо-Рабангский	17	22	16	18	33	40	224	442	—	3, с. 376—378
Лопотова пустынь	15	32	11	15	26	47	686,5	928	21	3, с. 386—389
Песочный	11	24	8	12	19	42	364,5	385	6	6, ф. 1209, оп. 1, д. 14728, л. 635—637
Подольный	11	17	12	15	23	32	380	1187	—	3, с. 380—383
Славо-Печенгский	12	25	6	8	18	33	219,75	1284	10	6, ф. 1209, оп. 1, д. 14728, л. 654—655
Коптева пустынь	10	14	7	10	17	24	211	235	61	6, ф. 1209, оп. 1, д. 14727, л. 493—494
Рождества Богородицы	10	15	5	6	15	21	174,5	726	13	6, ф. 1209, оп. 1, д. 14727, л. 615—616
Троице-Сергиев	8	15	4	7	12	22	68	434	2	6, ф. 1209, оп. 1, д. 14727, л. 133—143
Арсеньева Сухарусева пустынь	7	8	5	5	12	13	221,8	531	11,5	6, ф. 1209, оп. 1, д. 14727, л. 604—606

Аксентьев, Персова пустынь	5	9	3	3	8	12	112	45	1	6, ф. 1209, оп. 1, д. 14727, л. 494—496 3, с. 374 3, с. 372—373
Решная пустынь	4	10	2	2	6	12	118	108	—	
Александрова пустынь на р. Куште	1	1	2	3	3	4	75	165	—	
Ферапонтов	2	4	—	—	2	4	449,4	714	77	3, с. 374—376; 6, ф. 1209, оп. 1, д. 14727, л. 269—278
Александрова пустынь на р. Шилгоре	2	3	—	—	2	3	46	60	21,5	6, ф. 1209, оп. 1, д. 14728, л. 676—679
Антоньева пустынь	1	1	1	2	2	3	63	130	—	6, ф. 1209, оп. 1, д. 14728, л. 639—642
Ильинская пустынь	—	—	—	—	—	—	65	190	8	6, ф. 1209, оп. 1, д. 14728, л. 684—685
Дмитриевская(?) пустынь на р. Юг	—	—	—	—	—	—	32	20	18	6, ф. 1209, оп. 1, д. 14728, л. 686—687
Игнатьева пустынь	—	—	—	—	—	—	26	45	12	6, ф. 1209, оп. 1, д. 14728, л. 687—689
Новоявленной Богородицы Владимирской	—	—	—	—	—	—	21	20	15	6, ф. 1209, оп. 1, д. 14728, л. 637—639
Богословский	—	—	—	—	—	—	10	50	22	6, ф. 1209, оп. 1, д. 14727, л. 606—607
<i>Итого</i>	1350	1946	776	941	2126	2887	28219,25	44506,5	1777	—

По подсчетам М.С. Черкасовой, в 1627—1630 гг. в вотчинных владениях служилых людей в обеих половинах уезда насчитывалось 1783 крестьянских и бобыльских двора, а в поместных — 6396 дворов [7, с. 42]. В совокупности крестьянское население светских феодалов составляло, следовательно, 8179 дворов, что почти в 3 раза больше, чем на землях церковно-монастырских. Всего, по имеющимся данным, на землях и церковных, и светских землевладельцев Вологодского уезда насчитывалось 10889 крестьянских и бобыльских дворов. Исходя из этой не совсем полной цифры (отсутствуют сведения о дворцовых и черносошных землях) долю церковно-монастырского землевладения в Вологодском уезде можно оценить в 25%, что почти на треть меньше среднего показателя по 8 уездам Замосковского края в 20-е гг. XVII в. [8, с. 253].

Возвращаясь к собственно монастырскому землевладению, следует отметить, что 5 самых крупных владений имели в уезде вологодские монастыри: Спасо-Прилуцкий, Корнильево-Комельский, Спасо-Каменный, Павлово-Обнорский и Николо-Озерецкий. На их землях в общей сложности насчитывался 1451 крестьянский и бобыльский двор, что составляло 68% всех монастырских крестьян уезда. Общий размер всех видов пашни (пашня паханная, пашня наездом, перелог, лесом поросло) этих монастырей определяется в 17615,6 чети пашни «в одном поле» (26423,4 дес.), что составляет около 62% всего фонда монастырской пашни. Такова же была доля их сенокосных угодий — 27665,5 копен (2766,55 дес.), а 1301 дес. пашенного и непашенного леса составляли 73% всего монастырского леса. Подробную характеристику монастырского землевладения содержит таблица 1.

На другом полюсе земельных владений вологодских обитателей, зафиксированных в писцовых книгах, находятся 5 мелких монастырей и пустыней: Ильинская пустынь, пустынь на р. Юг («на гате»), Игнатьева пустынь, монастырь Новоявленной (иконы) Богородицы Владимирской и Богословский монастырь. Эти монастыри не имели крестьянского населения, владели пустошами общей площадью 154 чети пашни (231 дес.), 325 копен сенокосов и 75 дес. пашенного и непашенного леса. По актовым, агиографическим и другим источникам прослеживается существование в Вологодском уезде в XVI—XVII вв. не менее 19 мелких сельских монастырей [9, с. 31—44]. В справочнике В.В. Зверинского на территории уезда значатся 58 монастырей [10, с. 30—31]. Однако по писцовым книгам 20-х гг.

XVII в. уверенно идентифицируются только 6 из них: Богословский монастырь, Арсеньева Сухарусева, Ильинская, Александрова (на р. Шилгоре), Коптева и Персова пустыни (последние две еще до описания, в 1585/86 и 1613/14 гг., были приписаны к Корнильево-Комельскому монастырю [6, ф. 1209, оп. 1, д. 14727, л. 494, 496]).

На территории уезда зафиксированы 4 владения, которые принадлежали монастырям, расположенным вне Вологодского уезда: Кирилло-Белозерскому (79 дворов), подмосковному Николо-Угрешскому (62 двора), крупнейшему в стране Троице-Сергиеву (12 дворов) и Ферапонтову (2 двора).

Владения и крестьяне Спасо-Прилуцкого монастыря

Самые крупные владения в Вологодском уезде в XVII в. имел Спасо-Прилуцкий монастырь. На его землях по писцовым книгам 1628—1630 гг. числилось 466 крестьянских и бобыльских дворов, 4666 четей пашни паханой, перелогом и лесом поросло «в одном поле» (или 6999 дес.), 9944,5 копны сенокосов (994,45 дес.) и 366 дес. леса пашенного и непашенного (табл. 2).

Таблица 2

Земельные владения и крестьяне Спасо-Прилуцкого монастыря в Вологодском уезде в 20-е гг. XVII в.

Волости и станы	Крестьяне		Бобыли		Пашня, четей в поле			Пашня, четей	Сенокос, копен	Лес, дес.
	—	—	—	—	—	—	—			
Слобода «за монастырем»	—	—	—	—	106	20	10	136	850	—
с. Выпрягово-Коровничье	52	69	61	64	241	285,5	222	748,5	6158	2
Тошинская волость, Верховская треть	23	25	13	15	86	281	223	590	785	8
Троицкий угол (на р. Лоста)	26	40	18	24	99,5	168	162	429,5	420	23
Лоскомская волость	28	43	14	17	94	55	61	210	303,5	25
Водожская волость	13	19	8	12	43	589	699,5	1335,5	1110	220

Волости и станы	Крестьяне		Бобыли		Пашня, четей в поле			Пашня, четей	Сено- кос, копен	Лес, дес.
Оларевская волость	18	24	10	10	57	72	83	212	388	25
Городской стан, Троицкий угол	16	21	13	15	71	60	77	208	160	19
Комельская волость	10	10	5	6	30	20	20	70	52	—
Авнежская волость	18	22	14	16	82	181	196	459	430	—
Троицкая треть, в Верхних стан- ках	66	103	40	52	220,5	80	104	404,5	146	21
<i>Всего</i>	270	376	196	229	1028	1791	1849	4666	9944,5	366

Источник: [6, ф. 1209, оп. 1, д. 14727, л. 311—312, 365—367, 372—374, 375—377, 387—390].

Основание этого монастыря относят к периоду между 1378 и 1382 гг. [11, с. 712—719]. В литературе встречается также дата 1371 г. [12, с. 22]. Самое раннее описание его владений представлено в сотной с писцовых книг 1543/44 г. [13, с. 67—74]. Документ этот показывает, что на землях монастыря складывалось несколько сельскохозяйственных комплексов, которые позднее стали называться ключами. Основным хозяйственным центром являлись подмонастырские земли Городского стана. Земли эти стал приобретать, очевидно, еще сам Дмитрий Прилуцкий. Пашенные угодья, на которых был основан впоследствии монастырь, принадлежали Илье и его соседу Исидору Выпрыгу [14, с. 7]. Именование последнего, очевидно, дало название выросшему здесь поселению — Выпрыгово. В этом сельце располагались дворы монастырских слуг, мастеров и «молотчих» людей (44 двора, 44 чел.). Основную же часть составляли дворы крестьянские «торговых и мастеровых людей» (68 дворов, 68 чел.). В соседнем Коровничьем сельце кроме дворов «торговых и мастеровых людей» (70 дворов, 72 чел.) выделены 4 двора монастырских половников. В ближайших к монастырю 17 деревнях и одном починке на р. Пудюге и Пудюжке записаны 39 живущих дворов (45 чел.).

Статус этих поселенцев в источнике не конкретизирован. В Троицком углу Городского стана в 10—12 верстах южнее Вологды на р. Лосте монастырь имел еще 13 деревень и 2 починка (31 двор, 34 чел.). Одна из деревень (Лоптуново) была населена «монастырскими половниками» (3 двора, 3 чел.). Все названные дворы в итоговой записи вошли в состав дворов «пашенных». Таким образом, этот крупнейший центр прилуцких владений включал 2 сельца (в итоговой записи они названы «селами»), 30 деревень, 3 починка и 1 пустошь. В итоговой записи значатся 70 дворов пашенных и 139 дворов торговых и мастеровых людей (217 чел.) [13, с. 71]. К этому же центру тянули еще 3 деревни (2 двора, 2 чел.) и пустошь на р. Вологде, которые монастырь выменял у великого князя, «а были черные». В одной из них, д. Лихарево, находится монастырский двор. В 1628—1630 гг. из 3 выменянных деревень присутствует только одна — Софоново, ставшая сельцом, в ней располагался монастырский двор и ез [6, ф. 1209, оп. 1, д. 14727, л. 287]. В 1568/69 г. эта деревня была взята под ямскую слободу, а вместо нее в 1573/74 г. монастырю пожалована д. Сычова (из поместных земель) [15, с. 41].

По писцовым книгам 1620-х гг. подмонастырские владения Спасо-Прилуцкого монастыря включали объединенное уже село Выпрягово-Коровничье, 3 сельца, 12 деревень, 9 пустошей и 1 пустошь, припущенную в пашню. Здесь записаны крестьяне (52 двора, 69 чел.) и бобыли (61 двор, 64 чел.), вместе 113 дворов, 133 чел. Возле монастыря описаны 7 монастырских хозяйственных дворов: конский, коровий, гостиный, кузнецкий, солодяной, токаренный, сапожный (в итоговой записи значатся 11 дворов). Интересной подробностью является то, что крупное поселение монастырских людей у стен обители названо Слободой. В переписной книге 1593 г. возле монастыря выделены сельцо Коровничье с двумя припущенными в пашню деревнями: д. Софоново и слобода Выпрягово, бывшая ранее сельцом [15, с. 41]. В ней располагались дворы монастырской «служни» (28 дворов, 29 чел.), конюхов (4 двора, 5 чел.), мастеров портных и сапожных, а также служебников (24 двора, 25 чел.) и детеньшей (9 дворов, 9 чел.) [6, ф. 1209, оп. 1, д. 14727, л. 283—312]. Эти данные показывают, что в конце первой трети XVII в. главный хозяйственный центр монастыря был менее населенным, чем в середине XVI столетия.

В Олареве слободке в 1543/44 г. за монастырем записаны 6 деревень: 11 дворов крестьянских (12 чел.) и один двор монастырский в

д. Воларево. Первые земельные владения (пустошь Сивцевская) монастырь покупает здесь еще в первой половине XV в. [12, с. 121]. В 1620-х гг. монастырская Оларевская вол. включала 5 деревень и 4 пустоши, которые были ранее деревнями (с 15 дворовыми местами). Несмотря на запустение, общая населенность возросла почти в три раза: 28 дворов, 34 чел. [6, ф. 1209, оп. 1, д. 14727, л. 366—367].

В Авнеге, на р. Великой, по сотной 1543/1544 г. за монастырем записано 8 починков («садытся ново, пашни нет»), включая один пустой, и 4 займища, всего 17 дворов, 18 чел. (статус этих дворов и населения не указан). Фактически эти поселения и земли принадлежали «монастырьку Дмитрия Прилуцкого займище», который располагался в устье р. Великой, впадающей в р. Лежу. В нем была церковь Воскресения Христова, игумен и три старца. Жалованная несудимая грамота на монастырек и его земли дана 5 февраля 1539 г. [12, с. 126, № 39], а в 1548/49 г. местный крестьянин Матвей Новоселов передал в монастырь свое «чищенье» вдоль р. Толшмы [12, с. 129, № 63]. Считается, что этот монастырек в 40 верстах к юго-востоку от Вологды был основан самим Дмитрием Прилуцким (до 1371 г.) и назывался Воскресенским. Из-за недовольства местных жителей он ушел и основал новый, Спасо-Прилуцкий монастырь, а этот монастырек, возможно, продолжал существовать [16, с. 180]. Однако похоже, что он был возрожден незадолго до описания, так как его починки вверх по р. Великой «садытца ново, пашни нет». Это говорит о том, что земли только начали осваивать и они не облагались государственным тяглом. Сам Спасо-Прилуцкий монастырь небольшие земельные владения в Авнежской волости получил, по-видимому, в начале XVI в. [16, с. 190].

По писцовой книге 1620-х гг. в Авнежской волости за монастырем значились треть с. Лаврентьевского, Воскресенский погост с двумя церквами на р. Великой (там располагался монастырский двор, но упоминаний о монастырьке уже нет), 7 деревень живущих, 8 пустошей: крестьянских 18 дворов (22 чел.), бобыльских 14 дворов (16 чел.) и 20 пустых дворовых мест [6, ф. 1209, оп. 1, д. 14727, л. 377—387].

В Водеге и Домшине в 1543/1544 г. монастырь имел сельцо Ермолинское Домшино, в котором находились 1 двор монастырский и 1 двор церковный, а «крестьян монастырских половников» 10 дворов (10 чел.). К сельцу примыкали 1 деревня и 4 починка (15 дворов, 16 чел.), а кроме того записаны 11 починков «без пашни» и 3 займи-

ща (30 дворов, 32 чел.). Село Ермолинское Домшино с деревнями и пустошами было куплено монастырем у братьев Беседных в 1531/32 г. [12, с. 125]. В 1593 г. к сельцу Домшино тянуло уже 14 деревень «в живущем», 10 деревень «пустых» и 14 пустошей. В 1620-х гг. это владение оставалось в сильном запустении: в с. Домшино и 2 деревнях было всего 13 дворов крестьянских (19 чел.) и 8 дворов бобыльских (21 чел.), зато насчитывалось 40 пустошей и 96 (!) пустых дворовых мест [6, ф. 1209, оп. 1, д. 14727, л. 341—360].

В середине XVI в. начинает складываться крупный комплекс земель в Тошне (на р. Вологде и в бассейне р. Тошны): в 12 деревнях насчитывалось 46 дворов, 47 чел. [13, с. 73—74]. В д. Илейкино и Сергеево были устроены монастырские дворы, в последнем из них жил посельской. Из сельского населения 9 чел. определяются монастырскими половниками, а 11 чел. названы «безпашенными». Чем занимались последние, точно не известно. Один из них, Истомка, назван «швалем», то есть был портным, другие, вероятно, тоже занимались различными промыслами или торговлей. Определения «безпашни», «безпашенный» означали прежде всего то, что земли этих крестьян не были обложены государевым тяглом. Это могло быть вызвано, например, и освоением новых земель. В 1620-х гг. центром этого владения стало сельцо Сергиево, к которому тянуло 4 деревни живущих и 10 пустошей: 1 двор монастырский, 23 двора крестьянских (25 чел.), 13 дворов бобыльских (15 чел.). Из 590 четей пашенных угодий только 86 четей (15%) составляла пашня паханная (20 четей — монастырская и 66 четей — крестьянская); 785 копен сенокосов.

С 1543/44 г. по 1630 г. состав владений монастыря и население претерпели серьезные изменения, и не только количественные. В начале этого периода в 5 земельных комплексах (условно говоря, волостях) монастырские владения включали 1 монастырек, 1 слободку, 3 сельца, 52 деревни, 26 починков (1 из них пустой), 7 займищ и 3 пустоши, то есть 81 живущее поселение и 11 пустых. Обращает на себя внимание значительная доля починков (они соотносились с деревнями как 1:2). Это свидетельствует об активном освоении новых земель в то время [16, с. 170—226]. В писцовых книгах 1620-х гг. выделены 10 земельных комплексов: подмонастырские владения в Городском стане (с. Выпрягово-Коровничье с деревнями); в Тошинской волости в Верховской трети; в Городском стане (?) в Троицком углу (сельцо Лоптуново на р. Лосте с деревнями); в Лоскомской волости; в Водожской волости; в Оларевской волости;

в Городском стане в Троицком углу (с Богородское с деревнями); в Комельской волости; в Авнежской волости; в Троицкой трети в Верхних станках (Игумнова слобода). На этих землях монастырю принадлежали 2 погоста, 4 села, 2 слободы, 6,3 сельца, 65,5 деревень, 1 починок живущий, 90 пустошей, 1 пустошь, припущенная в пашню, то есть 80,8 живущих поселений и 91 пустое! Количество пустошей превышало число живущих селений. В сумме живущие и запустевшие селения (171,8) почти в 2 раза превосходили показатели 1540-х гг., хотя численность живущих селений не изменилась. Следует обратить внимание на формирование в монастырских владениях таких крупных поселений, как села (их стало 4), и удвоение числа селец (с 3 до 6,3). Бросается в глаза массовое запустение монастырских земель и практически полное отсутствие починок.

Если представить общую структуру монастырского населения в 1543/1544 г., то окажется, что из 386 дворов (не считая 3 церковных и 7 монастырских хозяйственных) с населением 403 чел. пашенные крестьяне составляли менее трети всего населения (120 дворов, 132 чел.). Немногим больше крестьян отнесено к «непашенным» торговым и мастеровым людям (138 дворов, 140 чел.). Выделяются еще «безпашенные» крестьяне (58 дворов, 61 чел.), которые составляли 15% населения. В нескольких селениях отмечены половники: в сельцах Выпрягово и Ермолинское Домшино, в д. Лоптуново, Сергеево и Гридинское, всего 26 дворов, 26 чел. (7% от общего количества крестьянского населения). Половничество представляет собой одну из разновидностей порядка. В первой половине XVI в. эта форма порядка, очевидно, господствовала в Прилуцком монастыре.

Монастырские слуги (4 двора, 4 чел.), мастеровые люди (конюхи, кирпичники, кузнецы, плотники, портные, сапожники и др. — 27 дворов и 27 чел.) и явно близкие им «молотчии люди» сельца Выпрягово, которые «живут на монастырской земле, кормятся о монастыре» (13 дворов, 13 чел.), составляли вместе около 11% населения. Различие между «крестьянами торговыми и мастеровыми» и «мастеровыми людьми монастырскими» нам представляется в том, что первые были тяглыми крестьянами, активно занимавшимися промыслами и торговлей, а вторые — профессиональными мастерами-ремесленниками, обслуживавшими монастырь.

В писцовых книгах 1620-х гг. крестьянское население монастырских владений разделено писцами на два основных разряда: крестьян (270 дворов, 376 чел.) и бобылей (196 двора, 229 чел.) в соотноше-

нии 3:2. Никаких других категорий сельского населения источник не называет. Однако известно, что на землях Спасо-Прилуцкого монастыря широкое распространение во второй половине XVI в. получил кабальный поряд крестьян: имеется более 50 прилуцких порядных актов XVI в. [17, с. 21—40]. Возле монастыря описаны дворы монастырской «служни» (28 дворов, 29 чел.), конюхов (4 двора, 5 чел.), мастеров портных и сапожных, а также служебников (24 двора, 25 чел.) и детенышей (9 дворов, 9 чел.) [6, ф. 1209, оп. 1, д. 14727, л. 283—312].

В 1620-е гг. в монастырских владениях было зафиксировано на треть больше дворов и на 60% больше людей, чем в середине XVI в. Доля крестьян составила, по данным писцовых книг 1620-х гг., 56% всего населения монастырской вотчины, а бобылей — более трети всего населения. Однако особенности понимания бобыльства в государственных писцовых и переписных книгах XVII в. не позволяют делать скоропалительных выводов о каких-то реальных изменениях в положении и составе крестьянства [18, с. 21—40]. Сопоставление данных государственных и вотчинных описаний обычно обнаруживает серьезные различия и в количественных характеристиках крестьянского населения, и в понимании его стратификации [19, с. 230—242].

Прилуцкие крестьяне в конце XVI — начале XVII в.

Массовый характер заключения порядных договоров с крестьянами привел к появлению специальных «порядных книг». Они были введены в научный оборот А. С. Емельяновым в 40-е гг. XX в. [20]. Данные этих книг (1598, 1599 и 1605 гг.) использовала позже в своей монографии Л. С. Прокофьева [21, с. 95—116]. В 1979 г. 9 книг XVI в. были ею опубликованы под названием «окладные книги» [22, с. 367—404]. Однако отнесение этого источника к разновидности окладных книг не совсем справедливо. Правильным было бы использовать их самоназвание «порядные книги». Именно так они названы в помете на первой [20, с. 24] из книг: «Книги порядные монастырским крестьяном 107-го году». В преамбуле к тексту разъясняется основное содержание источника: «Лета 7107-го году ноября в 9 день по благословению Прилуцкого монастыря государя и отца нашего игумена Гурия яже о Христе з брагиною келарь старец Кирило да старец Яким Толкачев рядили в селе Богороцком крестьян» [22, с. 376].

Близкими по содержанию к этим «порядным» книгам являются монастырские дозорные книги начала XVII в. Самая ранняя из них датируется 1608 г. [23, ф. 61, д. 15, л. 63—66, 69, 71—76]. На ее близость к порядным указывает сам заголовок: «Книга вместо поряды дозорные монастырские вотчины крестьяном 117 году». Это описание, кроме указаний о размерах пашни «в живущем», «в пусте» и «на льготе», ничем не отличается от «порядных» книг конца XVI в. В дальнейшем, судя по всему, монастырские власти перестали пользоваться термином «порядные» книги, а подобные описания крестьянских хозяйств стали называть «дозорными» книгами (1615 г.). А. С. Емельянов упоминает еще дозорную книгу 1610 г., возможно ошибочно (опечатка?) [20, с. 136].

За 1598 г. сохранился, по-видимому, полный комплект порядных книг, охватывающий все основные земельные владения монастыря в Вологодском уезде: 6 сел, 1 слободу, 1 полусельцо и 61 деревню. По данным этого источника, в 7 монастырских ключах¹ насчитывалось 248 дворов с населением 287 чел., а также 7 бобьльских дворов, 7 чел. Сопоставление данных о количестве селений и дворов в писцовых описаниях и в порядных книгах приводит к выводу о том, что порядчики составляли не менее половины всего крестьянского населения. В разных монастырских ключах их доля могла колебаться приблизительно от 40% (в Подмонастырском) и 50% (в Домшинском) до 80% (в Сергиевском).

В порядных книгах 1598 г. из всего населения крестьян-порядчиков нам удалось выявить только 30 дворов (36 чел.), которые не имели задолженности перед монастырем ни денежной, ни семенной. Их доля в общем крестьянском населении составляла примерно 12%. Они зафиксированы в 5 монастырских ключах: Бурдуковском (4 чел., братья), Великорецком (9 чел.), Сергиевском (2 чел.) и Подмонастырском (19 чел.). В последнем основная их часть проживала в 2 деревнях — Никитино и Обакумово. В Домшинском ключе крестьян, свободных от долговых обязательств, не осталось, но первоначально у одного из них, в д. Кожевниково, значилось: «симян головных и денег нет», однако потом дописано: «симян четь ржи, 2 чети овса» [22, с. 370]. С учетом этой записи за всеми порядчиками в этом ключе стали числиться головные семена, а 35 чел. (70% от населения

¹ Ключ — территориальная хозяйственно-административная единица в системе монастырского управления, в которой объединялись обычно селения одной волости.

этого ключа) имели еще и головные деньги [22, с. 367—371]. В Богородском ключе только за одним порядчиком не отмечено долговых обязательств перед монастырем — это священник Михей Васильев [22, с. 376]. Денежные долги в целом имели две трети населения (66%) 7 ключей, в среднем он составлял 63 коп. на человека, долг по семенной ржи — 78% порядчиков, в среднем по 2,5 четверти на человека, а по овсу — 69%, в среднем по 5,1 четверти на человека.

В декабре 1599 г. вновь составлялись порядные книги. На сегодня известны книги только 2 ключей. Поименное сопоставление порядчиков 1598 и 1599 гг. показывает, что за один только год население Подмонастырского и Сергиевского ключей «сменилось» почти на 30%. Более детальное исследование раскрывает особенности этого процесса. В обоих ключах через год из «старых» порядчиков продолжали жить 84—86%, но за этот год население пополнилось крупной партией новых порядчиков (58 чел.), что составило к числу оставшихся старых почти 60%. Так что «смена» населения за этот год происходила в основном за счет притока новых порядчиков, а не выхода старых.

По данным Л. С. Прокофьевой, за период с 1598 г. по 1605 г. население в монастырских владениях (58 селах и деревнях) сменилось более чем наполовину [21, с. 110]. В Сергиевском ключе в 1608 г. числились 56 чел., не считая детей и племянников (отмечаются 3 раза без указания числа) [23, ф. 61, д. 15, л. 71—75]. Среди них сами крестьяне, проживавшие в тех же селениях в конце XVI в., или их дети насчитывали 23 чел. (включая 2 сыновей), то есть за 10 лет население сменилось почти на 60%. В Домшинском ключе соотношение старых и новых поселенцев примерно одинаковое: старых, с 1598 г. — 21 чел., новых — 20 чел, то есть население сменилось наполовину [23, ф. 61, д. 15, 63—66, 69]. Сопоставление имен крестьян, проживавших в 35 селах и деревнях этого ключа в 1615 г., с именами жителей, числившихся в этих же селениях по порядной книге 1605 г., показало, что к 1615 г. осталось только 36% крестьян [21, с. 118].

При скрупулезном изучении порядных книг выявляются деревни, в которых за один только год население менялось почти полностью. Так, в д. Никитино (Подмонастырского ключа) из 9 крестьян 1598 г. за год убыло 7 чел., а вместо них в 1599 г. поселилось 7 новых. В д. Гридинское (Сергиевского ключа) убыли 4 чел. из 7, а поселились 9 новых [22, с. 374, 391, 395, 401]. В 1608 г. здесь продол-

жали жить 3 чел. из состава 1598 г. и 1 — из поселенцев 1599 г. [23, ф. 61, д. 15, л. 71—72]. Такие единовременные «массовые» переселения наводят на мысль о существовании своеобразных общин крестьян-порядчиков, которые переходили от одного землевладельца к другому.

Сопоставление порядных книг 1598 и 1599 гг. с дозорной книгой 1608 г. по Сергиевскому и Домшинскому ключам показывает, что среди крестьян-порядчиков, длительное время (до 10 лет) проживавших на одном месте, отмечается тенденция к увеличению размеров запашки (общий баланс изменений у 7 чел. составил +1,252 плуга) и уменьшению всех видов задолженности («головных денег» у 9 чел. — на 4 руб. 30 коп., семян ржи у 10 чел. — на 4,33 чети, а овса у 8 чел. — на 9,16 чети) [22, с. 367—375, 394—397; 23, ф. 61, д. 15, л. 63—66, 69, 71—76]. При этом общее распределение земельных наделов между крестьянскими дворами в начале XVII в. имело явную тенденцию к уменьшению. Можно говорить и об общем усилении долговой зависимости прилуцких крестьян, особенно семенной: выявленных на сегодня хлебных кабал 1590-х гг. в 3,5 раза больше, чем денежных за эти же годы [24, с. 20, 74].

В ходе бурных событий Смутного времени произошли катастрофические изменения в составе крестьянского населения. Многие деревни запустели, в других владениях население полностью сменилось. Система кабальной зависимости крестьян-порядчиков, созданная во второй половине XVI в., была в ряде владений Прилуцкого монастыря разрушена. В 1625 г. «после литовского и казачья разоренья» монастырские власти «досмотрели и переписали крестьян, хто на чем живет». При описании Домшинского сельца с д. Родионцово оказалось, что у крестьян нет никаких долгов перед монастырем: «головных симян ржы и овса сказали за ними ни за кем нет и денег головных нет же», «а старые де головные деньги и симяна ржаные и овसानые были за старыми жыльцы и те де жыльцы вымерли». Новые крестьяне после разорения «подымались своими симяны, а инные имали у посельских старцов на симана ржы и овса взаймы да заплатили» [23, ф. 61, д. 15, л. 86]. Получается, что население этого ключа полностью сменилось в бурные годы Смутного времени и не имело никаких кабальных долгов.

После стабилизации обстановки система долговой зависимости стала вновь возрождаться. В книге денежных кабал, составленной в 1638 г., зафиксированы 110 крестьянских кабал, самые ранние из

которых датированы концом XVI в., но большая часть (56 актов) относится к 1630-м гг. Эти крестьяне-должники (118 чел.) составляли в то время только 36% всех монастырских крестьян [21, с. 127] — разительный контраст с почти полным (на 90%) закабалением в конце XVI — начале XVII в.

Подведем некоторые итоги.

1. Вологодский уезд в XVI в. был районом активной церковно-монастырской колонизации. В первой трети XVII в. здесь действовали 28 монастырей, имевших земельные угодья, из них 23 обладали населенными землями. Всего же в уезде насчитывалось 32 монастырских владения, которые принадлежали, помимо вологодских, Троице-Сергиеву, Николо-Угрешскому, Кирилло-Белозерскому и Ферапонтову монастырям. Кроме монастырей в уезде располагались земельные владения Патриарха, Ростовского митрополита и Вологодского архиепископа. Общая доля церковно-монастырского феодального землевладения в уезде составляла, очевидно, треть всех феодальных владений уезда (2710 крестьянских и бобыльских дворов) и была выше уровня многих центральных уездов.

2. По писцовым книгам 1620-х гг., на землях Спасо-Прилуцкого монастыря, крупнейшего вологодского землевладельца, значились 466 крестьянских и бобыльских дворов, а площадь земельных угодий оценивалась в 6033 дес. (без учета «черного» леса и болот).

3. В этом монастыре к концу XVI в. была создана система кабального порядка крестьян, которая охватывала не менее половины всех крестьян. Массовый порядок крестьян привел к необходимости составления порядных книг, в которых ежегодно фиксировали условия порядка и размер задолженности. С 1608 г. порядные книги превращаются в дозорные, а в XVII в. подобные книги во многих монастырях стали называться окладными.

4. На землях Прилуцкого монастыря в конце XVI — начале XVII в. прослеживается высокая «текучесть» крестьян-порядчиков: за год в отдельных владениях эта часть населения могла поменяться на треть, а за 10 лет — на две трети. В некоторых случаях крестьяне порожались и переселялись, судя по всему, общинами.

5. Разорение, гибель крестьян, опустошение селений в Смутное время дезорганизовали, а в некоторых владениях Спасо-Прилуцкого монастыря полностью разрушили систему кабальной зависимости крестьян-порядчиков. Только в 30-е гг. XVII в. она вновь стала возрождаться.

Список источников и литературы

1. *Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия (историография, компьютер и методы исследования). М., 1986.

2. *Воскобойникова Н. П.* Писцовые книги Вологодского уезда из фондов ЦГАДА // Тезисы докладов и сообщений III Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников (Вологда, 21—23 июня 1990 г.). Вологда, 1990.

3. *Сторожев В. Н.* Монастырское землевладение на Вологде по данным 1627—1630 гг. (Историко-статистический этюд) // Сб. статей, посвященный В. О. Ключевскому. Ч. 1. М., 1909.

4. *Писцовое* описание монастырских вотчин в Заозерской половине Вологодского уезда от 1627—1630 годов // Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке / сост. В. Н. Сторожевым. Пг., 1918. Вып. 2.

5. *Иванов В. И.* Монастырское землевладение в Вологодском уезде по писцовым книгам конца 20-х — начала 30-х гг. XVII в. // Тезисы докладов и сообщений III Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников (Вологда, 21—23 июня 1990 г.). Вологда, 1990.

6. *Российский* государственный архив древних актов.

7. *Черкасова М. С.* Сельское население Вологодского уезда в конце XVI — первой половине XVII века (система учета, типы источников, уровни анализа) // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2013. Вып. 20.

8. *Готье Ю. Г.* Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. 2-е изд. М., 1937.

9. *Черкасова М. С.* Малые сельские монастыри Комельского леса в XV—XVII вв.: Проблема источников // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2012. Вып. 19.

10. *Материал* для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. 2.

11. *Анишина А. П.* Димитриев Прилуцкий в честь всемирнолюбивого Спаса, Происхождения честных древ Креста Господня мужской монастырь // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 14.

12. *Черкасова М. С.* Архивы вологодских монастырей и церковей XV—XVIII вв.: исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012.

13. *Шумаков С. А.* Сотницы (1537—1597 гг.), грамоты и записи (1561—1696 гг.). М., 1902.

14. *Савваитов П. И.* Описание вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. 4-е изд. Вологда, 1914.
15. *Переписные* книги вологодских монастырей XVI—XVIII вв. Исследование и тексты. Вологда, 2011.
16. *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение земель России в XVI в. Историко-географическое исследование по материалам монастырей. Л., 1988.
17. *Иванов В. И.* Крестьяне-порядчики вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря XVI века // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2019. Вып. 25.
18. *Иванов В. И.* Бобыли русской северо-западной деревни конца XV — XVII века: происхождение и «тайны» трансформаций // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. трудов / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2016. Вып. 22.
19. *Дмитриева З. В.* Сравнительно-историческое изучение государственных и вотчинных переписей за первую четверть XVII в. (к проблеме достоверности данных писцовых книг) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. Вып. 22.
20. *Емельянов А. С.* Новопорядные крестьяне вологодской монастырской вотчины второй половины XVI в. : дис. ... канд. ист. наук. Л., 1947.
21. *Прокофьева Л. С.* Вотчинное хозяйство в XVII веке (по материалам Спасо-Прилуцкого монастыря). М. ; Л., 1959.
22. *Вотчинные* хозяйственные книги XVI в. Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574—1600 гг. / под ред. А. Г. Манькова. М. ; Л., 1979. Вып. 2.
23. *Государственный* исторический музей. Отдел письменных источников.
24. *Дадькина М. М.* Кабалы Спасо-Прилуцкого монастыря второй половины XVI — XVII в. Исследование. Тексты. М. ; СПб., 2011.

Северная деревня в начале Петровских реформ (1690—1700-е гг.).

Проанализированы положение крестьян на Русском Севере в начальный период Петровских реформ, государственная ревизия монастырей, формы и соотношение государственной и владельческой ренты, хлебные и денежные долги крестьян, деятельность крестьянской общины. Учтены неблагоприятные природно-климатические факторы тех лет.

The situation of the chair in northern Russia during the beginning period of the Petrovsky reforms, the state audit of monasteries, the form and the ratio of the state and ownership rents, bread and money debts of peasants, the activities of the peasant community were analyzed. Unfavorable natural and climatic factors of those years were taken into account.

Ключевые слова: северная деревня, крестьянство и община, налоги и повинности, реформы и Северная война, хлебные неурожаи и голод.

Keywords: northern village, peasantry and community, taxes and duties, Reforms and Northern war, bread crops and famine.

Петровская эпоха во многом стала переломной в истории России. Реформы государственного строя, всех звеньев управления, создание регулярной армии и флота, победа в Северной войне, расширение международных связей страны, культурный подъем — все это оказалось возможным ценой громадного напряжения людских и финансовых ресурсов страны.

Часть преобразований была связана с изменениями в политическом и социально-экономическом положении церкви и духовенства (упразднение патриаршества, частичная секуляризация, введение Синода и Духовного регламента 1721 г.). Важными направлениями

церковной политики государства в начальный период реформ (1690—1700-е гг.) стали его усиленный контроль над финансово-экономической деятельностью архиерейских кафедр и монастырей (землевладение, промыслы, кредит, налогообложение), пристальный учет имущества и зависимого населения, строгая регламентация деревянного и каменного строительства. Перепись Устюжской епархии в августе — сентябре 1697 г. установила у нее более 21 тыс. руб. наличных, и в этом факте конфискационная направленность государственной политики в отношении церкви выразилась вполне отчетливо [1, с. 109—113]. Для изучения ее последующих шагов ценным источником является обширный комплекс переписных книг Монастырского приказа 1701—1703 гг. [2].

Эти книги отразили ревизию большого числа монастырей, соборных и приходских церквей, некоторых архиерейских кафедр России. Она была проведена в связи с передачей управления церковью, имевшей свыше 138 тыс. крестьянских дворов, из ведения прежних ведомств — Большого дворца и Патриаршего разряда — Монастырскому приказу, наделенному широкими финансово-хозяйственными и судебными функциями, под руководством графа И. А. Мусина-Пушкина [3; 4]. Монастырский приказ имел несколько «повытий», а духовные учреждения Вологодской епархии были отнесены к повытью подьячих Ф. Иванова и Н. Мухина. На местном уровне управление монастырскими имениями поручалось приказным стольникам и специальным сборщикам. Ревизией вологодских монастырей и архиерейского дома занимались стольники А. М. Вешняков, В. И. Кошелев и Л. В. Кологривов, получившие на время административно-финансовые прерогативы [5, ф. 948 (Архиерейский дом), оп. 2, кн. 32, л. 6—7, 29; 6, с. 145; 7, с. 209—210; 8, с. 405—406, 415]. Места в Вологде, Белозерске и Кириллове где они работали, назывались «съезжий двор монастырских дел». Там имелись подьячие и сторожа. Отдельно от них составлением «колоколенных переписных книг» в Вологодской епархии в январе — феврале 1701 г. занимался стольник В. Б. Плохого [5, ф. 1260 (Коллекция столбцов XVI—XVIII вв.), оп. 1 (Архиерейский дом), № 12174]. Транспортные и кормовые расходы на содержание названных стольников и их разъезды по монастырям (к некоторым приходилось добираться по рекам и озерам) были возложены на архиерейскую кафедру [8, с. 298—299, 301, 303, 316].

Обширный комплекс описей (переписных книг) Монастырского приказа не раз становился предметом изучения как в общероссий-

ском масштабе (прежде всего в капитальной монографии И. А. Бульгина), так и на региональном уровне, в том числе на страницах межвузовского сборника «Северо-Запад в аграрной истории России» [9]. Высказанное в свое время И. А. Бульгиным мнение о полной секуляризации церковно-монастырского землевладения и хозяйства в России в 1701—1705 гг. с последующим переходом к частичной секуляризации до сих пор остается дискуссионным [4, с. 79—80, 102, 114].

По Вологодской епархии сохранилось несколько рукописных сборников, каждый из них содержит подробные описания Спасо-Прилуцкого [2, оп. 1, кн. 14], Павло-Обнорского [2, оп. 1, кн. 14, № 41; 10, с. 17—107] и Спасо-Каменного [2, оп. 1, кн. 37; 11, с. 137—200] монастырей. Сборник № 33 включает описания Лопотова Пельшемского, Иннокентьева-Комельского, Евфимьева Сямженского, Александро-Куштского монастырей и нескольких пустыней — Спасо-Репной, Успенской Семигородней, островных Спасо-Преображенской на р. Кубенице, Спасо-Вожеозерской и Рождественско-Вондожской [2, оп. 1, кн. 14, л. 367—389; кн. 37. л. 171—177]. Описания в нем датированы сентябрем 1701 — мартом 1702 г. До подачи в Монастырский приказ проведенные описания были рассмотрены стряпчими Вологодской архиерейской кафедры, поскольку имеют их подписи — Я. Воробьев (октябрь 1701 г.) и И. Сечихин (март 1702 г.). Возможно, сделано это было в Москве, где они «ходили за делью» [5, ф. 883 (Собрание Суворовых), оп. 1, кн. 238, л. 146]. По двум монастырям — Николо-Озерскому и Спасо-Печенгскому — описи стольников В. И. Кошелева и Л. В. Кологривова 1702—1703 гг. включены в сборник № 23 [5, ф. 496 (Духовная консистория), оп. 1, кн. 23].

У Спасо-Каменного и Спасо-Прилуцкого монастырей в апреле — сентябре 1702 г., помимо сельских вотчин, были переписаны также соляные промыслы в Тотьме и Сольвычегодске — варницы, амбары, строения, дворы на посаде, зафиксированы их размеры. Их податной статус был таким же, как и тяглых посадских людей — «всякие великого государя подати и в ямские отпуски и в мирские поборы по окладу тотемцов посадских людей в посад с миром в ряд» [2, оп. 1, ч. 1, кн. 37, л. 177]. Возведение строений привело к появлению долга властей приказному человеку вологодского архиерея Вас. Борисову в 200 руб. и разным посадским людям Вологды и Тотьмы в 96 руб.

В данной статье проанализированы некоторые недостаточно еще разработанные вопросы государственной ревизии церковно-монастырских учреждений Вологодской епархии в начале 1700-х гг. Опи-

си рассматриваются в более широком, чем это обычно делается, хронологическом диапазоне, не ограничиваясь только 1701—1702 гг., а в рамках 1690—1700-х гг. и в сопоставлении с делопроизводственной документацией. Это челобитные, денежные и хлебные кабалы, приходе-расходные книги мирских старост — как в виде выписок из них, приводимых в описях 1701—1702 гг., так и некоторые непосредственно дошедшие до нас, выявленные в Государственном архиве Вологодской области [5]. Названные документы показывают возрастающее налогообложение церковно-монастырских крестьян (владельческая и государственная рента), функционирование общинных институтов, соотношение денежной и хлебной задолженности на крестьянах, разнообразие практикуемых духовными корпорациями окладных единиц, а также некоторые природно-климатические факторы тех лет. Последние до сих пор оставались вне поля зрения специалистов, поэтому с них, собственно, и начнем. И здесь, помимо хозяйственной документации, важны поздние летописные памятники Севера.

Налоговое бремя особенно тяжело сказывалось на положении северной деревни в связи с постигшим ряд уездов в 1690-е гг. хлебным недородом. Сошлемся на коллективные челобитные крестьян к архиерейским и монастырским властям с просьбой отсрочить выплату оброков, выдать заемный хлеб не только на посев, но и просто «на еду» или отпустить в мир покормиться на полученные от них «кормежные письма» [12, с. 983—984; 5, ф. 1260, оп. 1, №10637, 11875, 12310, 12311, 12313, 12328, 13154, 13313]. В одной такой челобитной архиеп. Гавриилу в 1700 г. поименовано 50 выборных «от семей» крестьян Лежского Волока: «...нам, бедным, твоих, государь, домашних оброков и всяких податей платить будет нечего... и ныне пить и есть стало нечего, оскудали до конца» [5, ф. 1260, оп. 1, №11306, л. 5]. К владыке обращались и его «холопы, скудные детишки боярские» из-за нехватки хлебного жалованья [7, с. 231]. Жители с. Ивановского (из пригородной волости Ракулы) в мае 1700 г. сообщали: «...помираем голодную смертью и твоей архиерейские работы и своей работы стало не за чем, за скудостью своєю хлеба купить не на што... пожалуй нас, сирот своих, ради нашей скудости и бедности вели, государь, на еду ржи и овса в заем нам, сиротам, давать, что тебе, государю, от нас святой дух возвестит» [5, ф. 1260, оп. 1, №11510]. Звучали просьбы о выдаче хлеба не взаймы (с обязательным возвратом с нового урожая), а просто «в милостыню, чтоб нам

не помереть голодною смертию» [7, с. 229]. В челобитной священника церкви Козьмы и Демьяна архиеп. Гавриилу 1697/98 г. говорится о запустении его прихода в вотчине Дионисьево-Глушицкого монастыря: «...в прошлых годах 203 и 204 (то есть в 1694/95—1695/96 гг. — М. Ч.) хлеб у меня не родился» [12, с. 981]. Из села Белого (Брюховской волости) крестьяне — «последние сироты» писали, что они скудны и бедны хлебом и скотским кормом, просили архиерея дать отсрочку в уплате стрелецких денег [7, с. 233—234].

Помимо челобитных жителей Вологодского уезда, есть данные о хлебом недороде в челобитной благовещенского попа Белозерской волости Едомы 1698 г.: в прошлом году у них «всякой хлеб позяб, а сего году недосевка большая и рожь не родилась, а та, что уродилась, ее божиим изволением градом побило, и скотинишко всякую на хлебе съели, и на 206 год за скудость святителской дани платить нам, нищим, стало нечем» [13, с. 74].

В Вологодской летописи под 7200 г. (1691/92 г.) отмечены три напасти: 1) массовая смертность младенцев (так в ту пору называли детей до 7—8 лет) — «скорбь сыпучая, воспица, и тою болезнею младенцы помирали зело премного»; 2) лошадиный падеж; 3) «ржаной хлеб противу прежних лет не дородился, вплоы и меньши не дошел» [14, с. 189]. Из-за сильных морозов и дождей в летние месяцы «рожь, овес и всякую гобину познобило и во многих местах яровые поля стоят, полосы не сжаты и снегом запали до декабря, ни жать, ни возить нельзя и конской корм... везде сгнил». Летописью обрисована широкая территория, охваченная недородом — «вся Поморские страны, Колмогорской, Важеской, и Вычегодское усолье, и Устюгской и Тотемской уезды — всюду хлебы не поспели и великими мразы побило» [14, с. 190]. В архиерейской приходо-расходной книге 1696/97 г. отмечено, что с отдаваемых в аренду («кортому») полевых пожен у приписной Николо-Мокрой пустыни платежи «за скудостью кортомщиков не взяты», поскольку в 203 г. «сенные покосы у них водой потопило, застоялись не кошены» [5, ф. 948, оп. 2, кн. 31, л. 30].

Природно-климатические катаклизмы 1696—1697 гг. подробно описаны также и в Двинской летописи, рисующей неблагоприятную для земледелия картину в Поморье: великая засуха от морских ветров, морозы и холод великие, «вельми студеныя весна и лето», «от водной мокроты многие места не сеяны, покинуты», «страда сенная вельми дождлива и протяжна, хлеба озимой ржи и овса самое малое

число жали... под снег попала немалая часть, и всякие плоды земные не родились... многие люди для прокормления брели в верховские города» [15, с. 84—86].

Верховскими обычно назывались города и посады «верховьев» Двины — Красноборск, Сольвычегодск, Устюг Великий, хотя и в них в те же годы природно-климатическая обстановка была не лучше. В переписной книге Устюжской епархии 1696/97 г. отмечены «мирская скудость и непомерный большой платеж в государев денежный сбор... зяблые годы», в которые приходские церкви не имели никакого хлебного дохода [16, оп. 1, кн. 76, л. 248, 252, 256, 1082]. Помимо Белозерского, Двинского и Вологодского уездов, есть данные о неурожаях и хлебной скудости в 1697 г. в Тотемском уезде [5, ф. 1260, оп. 2 (Спасо-Прилуцкий монастырь), № 3241]. Сведения о недороде идут до 1700 г., в том числе и по Московскому уезду, где Спасо-Прилуцкий монастырь имел свое вотчинное село Яуртово [5, ф. 1260, оп. 2 (Спасо-Прилуцкий монастырь), № 3591—3593].

Некоторые челобитные крестьян архиеп. Гавриилу в 1706 г. с просьбами выдать зерно на посев имеют его собственноручные пометки на обороте: «Скудны домовые крестьяне, посеять жеребьев своих им нечем» [5, ф. 1260, оп. 1, № 13154]. Масштабные хлебные долги указаны переписной книгой 1701—1702 гг. на крестьянах Павло-Обнорского монастыря в его вотчинных селах Вологодского, Костромского, Пошехонского, Ярославского уездов. По одной только Подмонастырной округе отмечено ржи 85 четвертей, овса 1008 четвертей, ячменя 5 четвертей, и вернуть эти долги «вскоре на заимщиках невозможно». Помимо хлебных та же перепись зафиксировала 512 руб. денежных долгов, «а даваны тем монастырским многим крестьянам из монастыря в те кабалы лошадами и коровами, и конским кормом, и деньгами» [10, с. 100, 102]. В переписной книге Дионисьево-Глушицкого монастыря 1701—1702 гг. на его крестьянах зафиксировано денежного долга по 63 кабалам 111 руб. 12 алт. 2 ден., а хлебного по 102 кабалам 65,5 четв. ржи и 168,5 четв. овса [17, с. 158—159].

Приведенные пропорции хлебных долгов показывают первенствующее значение в северной деревне посевов овса, что сказывалось на структуре потребления и кормовой базе для скота. В записях по выдаче овса учтен расход архиерейской кафедры на прокорм лошадей, малых телят, быков, баранов и птицы. Красноречивы данные о соотношении зерновых культур в вотчине Иннокентьево-Комель-

ского монастыря: в *посеве* 68% овса и 27% ржи, а в *умолоте* 81 и 17% соответственно. У Николо-Озерского монастыря посевы овса составляли 61%, а ржи — 36% [18, с. 138].

Значительными были долги крестьян Спасо-Каменного монастыря: они складывались из недоимок по платежам, повытно разверстанным (по 8—13 руб.), и кабальных долгов по уплате чрезвычайных налогов (разовых «запросов»). Недобор по повытным платежам составлял в разных селах 49–63% (в абсолютном выражении 974 руб.), а всего кабальных долгов — 635 руб., прежде всего голландским купцам: И. А. Гутману — 300 руб., Вл. Иевлеву де-Юнгу — 120 руб. Общая сумма «доимки» с крестьян Спасо-Каменного монастыря составила 1609 руб. Числилась на нем и непоставка ржаной муки — 250 четвертей [11, с. 172], тот самый «запрос», который был введен Петром I для обеспечения хлебом ратных людей в Архангельске на случай нападения шведской эскадры в 1702 г. («для нынешней Свейской войны»). Подобные требования государства на фоне хлебного дефицита губительно сказывались на положении северной деревни.

Помимо воздействия неблагоприятных природно-климатических факторов, собираемость налогов в начале 1700-х гг. затруднялась принципом их взимания — с количества дворов по переписи 1677/78 г., тогда как к началу XVIII в. реальная численность крестьянских дворов у ряда монастырей существенно уменьшилась. Например, в вотчине Спасо-Каменного монастыря по прежней переписи значилось 472 двора, налицо же в 1708 г. было только 172 жилых двора, а 300 пустых — их жители сошли безвестно, были взяты в солдаты, в работники, отправлены в «новозавоеванные города». Вот почему вместо 1141 руб. недоимок удалось собрать лишь 69 руб. [19, с. 120]. Не учитывая такое сокращение, налоговый пресс государства, однако, чутко реагировал на всякого рода «прибылые дворы». Так, архиерейская кафедра в результате земельных обменов со служилыми людьми в 1680—1690-е гг. получила более 60 «новоприбылых дворов», которые отнюдь не были избавлены от выплаты корабельных денег, на корабельную починку, выплату мастерам и ратным людям [5, ф. 1260, оп. 1, № 11292; 7, с. 218—219].

Хлебный недород и сопутствующие ему рост цен и падеж скота из-за нехватки кормов на фоне возрастающих государственных налогов объясняют отмечаемый «взлет» обычно коллективных, целыми мирами заемных и кабальных записей в 1690—1700-е гг.,

к которым вынуждены были прибегать архиерейские, помещичьи и монастырские крестьяне [5, ф. 1260, оп. 1, № 10369—10391, 10663—10706, 10750, 10751, 10953—10973, 11010, 11298—11300, 11985, 12170; оп. 2, № 3232, 3851—3853, 3860, 3862, 3879]. Особенно красноречива заемная запись практически всех общин в вологодских владениях Спасо-Прилуцкого монастыря (вотчинных старост и мирских выборных) упомянутому выше И. А. Гутману 10 января 1704 г. на огромную сумму в 1200 руб. и на короткий срок — до 14 ноября того же года [20, с. 91—94]. Целью займа было немедленное получение средств «на всякие великого государя подати и на мирские расходы и платежи». Оригинал кабалы по вертикали наполовину разорван, что может свидетельствовать о позднейшем погашении долга. Так же разорваны и многие другие заемные записи начала 1700-х гг. Указания на денежные и хлебные займы мирских старост у архиерейских слуг и торговых иноземцев включены в переписную книгу Павло-Обнорского монастыря 1701—1702 гг. [10, с. 35].

Большие хлебные долги числились на крестьянах с. Глубокое в Заозерской половине Вологодского уезда в вотчине Спасо-Прилуцкого монастыря — по 95 кабалам 41 четверть ржи, 88 четвертей овса и 3 полуосьмины ячменя [4, с. 298]. И. А. Булыгин считал эти данные слишком обобщенными и не связывал их с чрезвычайными обстоятельствами 1690-х гг. А между тем в 1696/97 г. в Прилуках случился массовый падеж лошадей (более 100 на конюшном дворе в монастыре, а еще в деревнях и волостях «лошади валились»). Кроме того, в пожаре 9 апреля 1700 г. сгорели многие хозяйственные службы, амбары, запасы «стоялой ржи» и более 200 кулей ржаной муки, 76 дворов подмонастырской слободы [14, с. 190]. Об этих событиях говорится в «Летописце» архиерейского слуги и книжника Ивана Слободского. Описанные им потери совпали по времени с повышенными требованиями государства сдавать «запросный хлеб» и лошадей для драгунов. В 1701 г. в вотчине Спасо-Прилуцкого монастыря с. Глубоком рожь «вызябла» [5, ф. 1260, оп. 2 (Спасо-Прилуцкий монастырь), № 3811]. Не случайно в приходо-расходной книге его мирского старосты отмечено: «ходоку такому-то найму дал 7 алт., ходил к Вологде бить челом на ссуду хлеба» [5, ф. 1260, оп. 2 (Спасо-Прилуцкий монастырь), № 3811, кн. 3865, л. 2].

Крестьяне Иннокентьево-Комельского монастыря для выплаты «стрелецких денег, на корабельное строение и на иные платежи» заняли «в кабалу» у голландца И. А. Гутмана 150 руб., которые по-

гашались внесением 150 четвертей овса и выполнением натуральных повинностей («многие работы работали»). Для полного прекращения долга И. А. Гутману им пришлось занять у архиерейского слуги Вас. Борисова 150 руб. «и теми денгами они у иноземца ту кабалу выкупили» [21, с. 76—77].

Мирской староста М. Леонтьев по приговору общины в вотчине Лопотова Пельшемского монастыря «розвычивал» здесь с 17,25 вытей «во всякие государевы платежи и мирские держи» по 12 руб. с выти. Указанный норматив весьма высокий, поэтому крестьянской общине пришлось для выплаты стрелецкого хлеба и денег в корабельное строение занять у посадского человека Т. И. Королькова, торгового иноземца И. А. Гутмана и вологодского помещика А. Ф. Засецкого крупные денежные суммы [22, с. 60—61].

В условиях резкого похолодания, повышенной влажности («от водной мокроты многие места не сеяны, покинуты»), дефицита зерна и падежа скота возросла заболеваемость и смертность населения. Двинская летопись сообщает: «...на людей была скорбь ножная, многие болели ногами и щеками. А иные от тое скорби умирали, а иные пили сосновую воду и тем лечились» [15, с. 95]. О крестьянской скудости и нищете как причине дворовой пустоты часто упоминается в переписных книгах Иннокентьево-Комельского монастыря и архиерейских вотчин 1701—1702 гг.: «сошлые и скудные крестьяне; хозяева сошли в мир от хлебной скудости, сошли безвестно, скитаются / бродят в мире / розбрелись в мир, кормятся от скудости в мире» [21, с. 76—89].

Экстремальные обстоятельства 1690-х – начала 1700-х гг. потребовали от церковных властей корректировки феодальной ренты. По указу архиеп. Гавриила с крестьян «за скудостью их хлебных припасов — ржи, овса и ячмени ничего не имано из-за Божьего посещения, поскольку их засеянный хлеб вызяб». По этой же причине столовые припасы или не взимались, или брались в половинном размере. Из архиерейских амбаров в ряде деревень Лежского Волока хлеб выдавался выборными целовальниками «для прекормления самым скудным крестьянам». Амбары с запасами «озимовой и яровой ржи, пшеницы, ячменя» имелись в ряде сел Спасо-Каменного и Сямженского Евфимьева монастырей. Над ними также надзирали житничные целовальники, выдававшие хлеб «на селской обиход» [11, с. 166, 172, 255]. В свое время в сборнике «Северо-Запад в аграрной истории России» была опубликована новаторская статья З. В. Дмитрие-

вой о житничных целовальниках как важном институте русской общины в XVII в., их налогово-хозяйственных и кредитных функций и о видах документации (выборные памяти от мира, приходо-расходные хлебные книги) [23, с. 104—108; 24, с. 30—54].

В восточных волостях архиерейской вотчины (Яренский уезд) хлебный недород как причина крестьянского скитальчества в мире либо ухода «неведомо куды», «ради прекормления в Сибирь / в сибирские городы» (сшел / съехал / в отъезде) отражен в общеуездной переписной книге 1701—1702 гг. [25]. Н.В. Башнин тщательно изучил миграции архиерейских крестьян Яренского уезда в Сибирь по комплексу писцовых и переписных книг XVII в. в сочетании с разнообразной внутривотчинной документацией [26, с. 127—143]. Информация о таких перемещениях в общеуездной переписи 1701—1702 гг. логично продолжает подобные наблюдения. «Скитальчество меж двор» Башнин считает эквивалентом нищенства. Факторами же миграций были «хлебная нужда», денежная задолженность по кабалам, недостаток земли. Социальным выражением возрастающей крестьянской бедности / скудости становилось бобыльство, поэтому определения «бездворовый / безпахотный бобыль» и «нищей бобыль» нередко употребляются как синонимы [27, с. 438].

Миграции и повышенная смертность среди взрослого населения привели к росту детского сиротства, о чем сообщается в описи Павло-Обнорского монастыря 1701—1702 гг. [10, с. 95]. В с. Никольском на Пенье по сравнению с 1680-ми гг. было 30% пустых дворов, а к 1710 г. дворовая пустота в вологодских селах монастыря Никольском и Флоровском возросла до 65%, что объяснялось рекрутскими наборами, трудовыми мобилизациями плотников, кузнецов и каменщиков «на вечное житье» в Петербург, Таганрог, Воронеж, бегством крестьян из-за хлебных недородов. По описи Спасо-Прилуцкого монастыря 1701—1702 гг. И.А. Булыгин выделяет 1690-е гг. как время наибольшего бегства крестьян и бобылей — рост на 52% по сравнению с 1670—1680-ми гг. [4, с. 297].

У Павло-Обнорского монастыря имелась группа детенышей — «монастырские крестьянские дети разных деревень сироты, нет у них ни отцов, ни матерей». Сирот этих в голодные годы привозили и «пометывали под монастырь», и «даются им из казны одне рубашечки» [10, с. 97]. Обычно именно крестьянская община брала на свое попечение детей-сирот в деревнях, но в данном случае масштаб сиротства был столь велик, что стало необходимым вмешательство

монастырских властей. Сирот-детенышей корпорация разместила в отдельных избах, кормила казенным хлебом, привлекая к боронованию пашни, сгребанию сена, пастьбе скота под монастырем и в селах. В архиерейских селах в господских дворах также отмечены по двое-трое «робят-сиротинок» 8—14 лет, «взяты из крестьян» [5, ф. 883, оп. 1, кн. 238, л. 170, 171—172, 173].

До десятка детей разместил в специальной келье Иннокентьев-Комельский монастырь, им тоже шили рубашки. Возраст сирот (4—8 лет) в совокупности с рядом других фактов снова свидетельствует о последнем десятилетии XVII в. как о периоде повышенной смертности в Вологодском уезде [21, с. 74]. К детскому сиротству приводило и бегство родителей: отец бежал в 1697 г., а сын 5—7 лет «взят за сиротство в монастырь» [21, с. 80]. В 1702 г. возникает много дел о пропавших без вести людях за 7 лет до того (то есть в 1695 г.), ушедших покормиться в мир мужьях и женах, но так и не вернувшихся [5, ф. 1260, оп. 1, № 12583, 12753, 12958—12961]. В переписных книгах 1701—1702 гг. едва ли не в каждом дворе упоминаются племянники, пасынки, «приимыши» — и все они детского возраста (4—8 лет). Есть среди них и «бобыльские сироты». На фоне распада семей общинные традиции взаимопомощи и меры, принимавшиеся монастырскими властями, смягчали драматизм детского сиротства.

В описях 1701—1702 гг. упоминаются приходо-расходные книги мирских старост по сбору государственных и общинных платежей. С ноября 1701 г. по июнь 1702 г. в вотчине Павло-Обнорского монастыря староста с. Никольского К. Кириллов произвел их «розвычивание» в три побора: в первый — по 3 руб. с выти, во второй — по 1,5 руб., в третий — по 13 алт. [10, с. 34—35]. В с. Фроловском староста И. Андреев с января по июнь 1702 г. осуществил четыре побора: первый — по 1 руб. с выти, второй — по 12 алт., третий — по 4 руб., четвертый — по 21 алт. 1 ден. [10, с. 42]. С учетом количества дворов в названных селах (в Никольском — 155, во Фроловском — 73) выть здесь включала по 4—5 дворов, а денежная рента на двор составляла 1,3—1,5 руб. Десятью годами ранее, согласно приходо-расходной книге 1694 г., у Павло-Обнорского монастыря практиковались два вида оброка — большой и малый. Различия между ними по тяжести были существенны: первый — по 4—8 руб., второй — по 0,5—0,6 руб. с выти. Первый, повышенный оброк взимался с меньшего числа вытей — 10, по сути, на нем специализировались несколько деревень (в Вологодском уезде — д. Чечулино, Рыково,

Вантеево, в Ярославском — д. Делятино), тогда как большинство крестьян выплачивало «малый» оброк. В структуре доходов денежная рента у этой корпорации в 1694 г. составляла 42% [28, с. 89, 100, 101]. Налогообложение в начале 1700-х гг. отличалось явной унифицированностью и для большинства дворов принесло существенное усиление эксплуатации, идущей в первую очередь от государства. Его фискальное давление, осуществлявшееся вопреки неблагоприятным природно-климатическим факторам и демографическому спаду, сдерживало денежную эволюцию вотчинных и части крестьянских хозяйств, и на тех и на других сказываясь самым губительным образом.

В вотчине Иннокентьево-Комельского монастыря была д. Большие дворцы, к которой тянуло еще 30 деревень. Здесь 124 крестьянских и бобыльских двора были положены в 122 окладные единицы, называвшиеся *деньга*. Староста И. Кириллов по приговору мирских людей произвел здесь с ноября 1701 по июнь 1702 г. четыре побора «во всякие великого государя платежи и мирские расходы»: в первый побор по 1 руб. с деньги, во второй — по 26 алт. 4 ден., в третий — по 15 алт. 4 ден., в четвертый — по 6 алт. [21, с. 89]. Все эти сборы фиксировались в его приходных и расходных книгах.

Кроме них, крестьяне платили денежное и хлебное жалованье пяти монастырским слугам по полтине, а хлеба — по четверти ржи и овса каждому. Иначе описана разверстка платежей в архиерейских владениях в Засодимской волости 1701—1702 гг. Здесь мирской староста Л. Иванов с выборными от каждой деревни на период с 1 сентября 1700 г. по 1 сентября 1701 г. положил 8 руб. 32 алт. с выти. На следующие полгода (с 1 сентября 1701 г. по 26 марта 1702 г.) мирской староста Ф. Иванов по общинному приговору установил с выти 6 руб. 21 алт. 2 ден. Снова мы видим существенное усиление фискального пресса за короткий срок, когда за целый год с выти суммарно полагалось почти 9 руб., а за следующие полгода — более 6 руб.

Окладная единица в вотчине у Сямженского Евфимьева монастыря называлась *побор*. В разных его селах с побора взималось от 26 алт. до 34 алт. 2 ден., но приходо-расходных книг староста здесь не вел. С учетом крестьянской скудости денежный и хлебный оброк на монастырь были отменены, вместо них «крестьяне работают в подмонастырных полях, пашню пашут и жнут, и молотят, и сено косят». На крестьянах еще числилась задолженность по кабале стольнику Д.Ф. Потемкину в 100 руб., «что займовали в новгородские подводы». Выть практиковалась у Лопотова Пельшемского мона-

стыря и Спасо-Репной пустыни: у первого их было 17 с четвертью, у второй — 4. Повинность по приготовлению хлебопродуктов для крестьян Спасо-Репной пустыни была нормирована — по осьмине «делать ядреца на крупу» и по полуосьмине на толокно с выти. У Николю-Озерского монастыря окладная единица называлась *плуг*, поземельный размер которого в разных деревнях был равен 108—136 четв., а норматив денежной ренты с плуга составлял 4 руб. [18, с. 138].

В ряде селений Дионисьево-Глушицкого монастыря (д. Шера и д. Архипов починок) переписной книгой 1701—1702 гг. суммарно отмечены «шесть *четвертух*» (возможно, это четвертые части выти). С них в монастырскую казну вжималось по 10 алт. В другой глушицкой деревне — Княжево — было пол-3 (то есть 2,5) выти, с которых вносилось 8 руб. (то есть по 3,2 руб. с выти), то есть размеры обложения внутри одной сравнительно небольшой монастырской вотчины весьма отличались [17, с. 173]. Какими по величине были в ней взимания на государство, неизвестно из-за утраты конца текста в данном источнике.

Об упомянутом выше бобыльстве следует сказать подробнее. В количественном отношении данная прослойка сельского населения не была значительной. Например, у Спасо-Прилуцкого монастыря при 567 крестьянских дворах бобыльских было 44, или 7%; правда, еще 23 не имевших своих дворов бобыля в качестве «захребетников» проживали в чужих дворах. Наряду со 172 беглыми крестьянами опись 1701—1702 гг. отметила 42 беглых бобыля [4, с. 292, 296—297]. У архиерейского дома при 1201 крестьянском дворе было только 6 бобыльских (в самом крупном его вотчинном комплексе — Лежском Волоке, в остальных местах Вологодского уезда их вообще не отмечено). Всего же в архиерейских вотчинах, по подсчетам Н. В. Башнина, доля бобыльства составляла 3,8% на фоне неизмеримо преобладающей доли крестьянства — 92,6%. Наибольшая масса бобыльских дворов — 91% — была сосредоточена в архиерейских вотчинах Яренского уезда, где проживало 74% населения, в абсолютных цифрах — 160 чел.

Норматив взимания «на поупку конских кормов, сена и овса в государевы аргамачьи конюшни» приходо-расходной книгой архиерейского дома в 1696/97 г. отмечен одинаковый — по 2 алт. 4 ден. с крестьянского и бобыльского двора (общим числом 3591). С архиерейских и монастырских вотчин (по 21 обители) епархии было собрано 287 руб. Вместе с тем внутривотчинные взимания с бобылей

были дифференцированными. Если с «нищих безпахотных бобылей» взять, по сути, было нечего, то беспашенные бобыли платили денежный оброк по 2 алт. 3 ден. со двора. Не имевшие своих дворов бобыли платили по 6 ден. с человека [27, с. 438; 2, оп. 1, ч. 1, кн. 14, л. 142]. Приведенные данные взяты из переписных книг Спасо-Прилуцкого и Спасо-Каменного монастырей за 1701—1702 гг. В эволюции аграрного строя последнего товарно-денежная направленность вообще была слабо выражена. Не случайно только три его деревни облагались унифицированным денежным оброком, причем окладная единица — выть — соотносилась с деревней в целом: д. Мелентьева и д. Большой двор были положены (каждая) в выть, платившую по 3 руб. Налицо и резкое различие в окладах: д. Калинина, составлявшая полвыти, должна была платить 4 руб.

В архиерейской вотчине на Лежском Волоке (1195 дворов и около 4 тыс. чел. м. п.) мирской староста Карп Данилов работал вместе с выборными от каждых 10 вытей семью целовальниками. Если соотнести полученные 70 вытей с общим количеством дворов (1195), то ориентировочно выть здесь включала 17 дворов. С 1 сентября 1700 г. по 1 сентября 1701 г. оброчные деньги на кафедру и разные государственные платежи («в стрелецкий хлеб, ямские и поломяничные, по купку конских кормов, корабельную починку, на дачу мастеровым людям») целовальники собрали в первый и второй «розруб» по 12 руб. с выти, или примерно 1,4 руб. со двора. В первой половине 1702 г. было произведено четыре розруба: в первый — по 4 руб. с выти, во второй — по 8 руб., в третий — по 4 руб., в четвертый — по 6 руб. [27, с. 255]. Выходит, что два повытных розруба в одном году (1700/01 г.) суммарно оказались практически равны четырем розрубам *половины* следующего года. Это вновь свидетельствует о предельно высоких темпах роста государственных платежей в первые годы Северной войны.

Оплата должности К. Данилова по приговору крестьян составляла 12 руб., а работы подьячего — 15 руб. в год [27, с. 256]. Это увеличивало денежную нагрузку на крестьянский двор. К числу мирских расходов следует отнести продуктовые и денежные выплаты на содержание вотчинных приказчиков архиепископа, а также их нормированные административно-судебные пошрины [27, с. 258].

Отметим некоторые сведения и о самом К. Данилове. Сохранился «выбор и излюб» на него всех мирских людей (поименованы 70 чел. «от семей») 9 октября 1700 г. Оказывается, Карп уже имел

опыт подобной работы: он «человек доброй, прожиточной и грамотной, и в старостах бывал, и мирским людям никакова убытка не учинил, и ныне в старостах ему быть мочно, и нам всем, мирским людям, ево, старосту, во всем слушать, всякие мирские домовые денежные поборы платить неотложно» [5, ф. 1260, оп. 1, № 11306, л. 3]. В одной из челобитных крестьян Лежского Волока архиерею сообщается, что они «на многих сходках» уже пытались избрать старосту, но «никого охотников нет и в жребий идти всякой опасаетца» [5, ф. 1260, оп. 1, № 11306, л. 1]. Так выбор волощан повторно остановился на уже бывавшем в старостах Карпе Данилове.

Местом его пребывания было с. Раменье. Выбранная и «излюбленная» общиной кандидатура была одобрена вотчинными агентами, а с «их подачи» — и архиеп. Гавриилом. По согласованию с ним «для споможения» К. Данилову следовало избрать от каждых 10 вытей по целовальнику, чтобы те собирали в своем «десятке» разные подати, а затем приносили собранные деньги в с. Раменье К. Данилову, получая от него расписки [5, ф. 1260, оп. 1, № 11306, л. 8]. В октябре 1702 г. на смену ему пришел новый староста — М. Дмитриев, определивший к денежному сбору в обширной вотчине 7 целовальников [29, № 2234]. Судя по переписной книге Дионисьево-Глушицкого монастыря 1701—1702 гг., «всякие великого государя подати» платили в московские приказы *сами* мирские старосты, а не слуги корпорации [17, с. 159].

По архиерейской вотчине в Коквицкой волости Яренского уезда уцелел источник с необычным названием — «клочевая роспись всякой мирской денежной держи» за 1700 г. С введением гербовой бумаги, оплачиваемой особым сбором, использование столбцов, вероятно, обходилось дешевле, кроме того, самой гербовой бумаги в первые годы после введения гербового сбора не доставало. Название шло от слова «клучни» — мелкие кусочки столбцовой бумаги, на которых писец Стенка Алексеев при выборном от мира целовальнике Лазаре Иванове Ярукове делал свои записи: «...в 1700-м году в сентябре месяце писал по мирскому велению целовальничей приговор и выбор Лазарю Ярукову, за те писма 3 алт. 2 ден». В росписи отражены расходы общины на оплату труда писца по оформлению необходимых документов. «Пробегая глазами» эти записи, мы словно присутствуем при повседневной жизни далекой северной общины. Налоговые обязательства составляли едва ли не основной нерв этой повседневности: «...марта в де[нь] о запасе муки список писал,

за то 4 ден.»; «...апреля в де[нь] на Усть-Выми на мирском совете писал приговор, как мука собрать, за письмо 4 ден.»; «...приходил из Еренска пристав ради стрелецких денег, писал список, за письмо 4 ден.»; «...мая в 18 де[нь] ехал пристав ради скорой взятки запросного хлеба муки к городу (Архангельску. — М. Ч.), за письмо с памяти 1 алт.» [5, ф. 1260, оп. 1, № 11279]. И так практически каждый месяц, а то и несколько раз в месяц. Что же касается «клочней» — клочков столбцовой бумаги, их немало в отдельном виде сохранилось в архиве Покровской церкви Ерогодской волости Устюжского уезда. По содержанию преобладают платежные отписи земских целовальников, выданные ими церковным старостам в приеме с тех налогов с церковных деревень и половничих дворов. Размер же клочков небольшой — иногда 5 на 6 см, чаще 15 на 16 см [5, ф. 1260, оп. 3 (Устюжский архиерейский дом), № 307—309, 313—320, 325, 328, 331, 339—341, 353—355, 366—368].

Сведения о платежах северных крестьян можно найти в немногих уцелевших в отдельном виде приходо-расходных книгах не только мирских, но и церковных старост. Удалось выявить книгу Покровской церкви за 1708—1711 гг. Она велась церковным старостой с. Морозовых Харитоном Ивановым «с товарищи». Книга начинается с записи 15 марта 1708 г. о платеже с двух половничих дворов церковной деревни Артемьевской 30 алт. «что на подъем в Питербурх». В том же месяце сборщику М. Никифорову было заплачено подымных денег с церковной деревни 1 руб. 6 алт. 4 ден. «вместо солдатов». В феврале 1709 г. сотскому М. Коробовскому было заплачено 2 гривны «на питербургского работника». В записи от 18 января 1710 г. фиксируется приезд в Ерогодскую волость пристава Ильи Паюсова для высылки «в складство с 50-ти дворов по 1 человеку в Питербурх». Приставу за «езду» было дано 2 гривны [5, ф. 1260, оп. 3 (Устюжский архиерейский дом), кн. 416, л. 2, 4, 9, 15].

Укажем на записную книгу по розрубке платежей в Спасском приходе Глубоковского ключа вологодского Прилуцкого монастыря за 1710 г. Староста Осип Тимофеев «по совету с мирскими людьми» «розрубал» в несколько взиманий платежи на муку и сухари, направляемые в Петербург и Нарву. Вотчинный комплекс, названный по озеру Глубокому, находился на значительном удалении от Прилуцкого монастыря (в 360—370 верстах к северо-востоку), в Троицкой трети Заозерской половины Вологодского уезда, включал 25 деревень, образующих два прихода — Спасский и Ильинский [11,

с. 42, 83—84, 101; 30, с. 100, 111—114]. Окладной единицей для подобной разверстки служила местная мера — *пузо*. Первый розруб был совершен 3 февраля, второй — 7 марта 1710 г. (оба раза по 1 руб. с «пуза»). Третий розруб староста произвел 10 апреля 1710 г. (по 1,5 руб.), четвертый — 15 мая (по 20 алт.), пятый — 25 июня («по рублю в канцелярию», скорее всего Семеновскую, она же Ижорская, она же Ингерманландская, руководимая А.Д. Меншиковым). Шестой розруб, состоявшийся 28 июля, касался только вотчинных и мирских «держей» и составлял 1 руб. с «пуза», что существенно уступало суммарным взносам на государство за февраль — июнь, практически ежемесячным. Последний в 1710 г., седьмой розруб имел место 25 октября, нагрузка его составила 2 руб. с «пуза», а собранные деньги направлялись «в работников и плотников» [5, ф. 1260, оп. 2, №3865, л. 1].

Высокая «частотность» мирских розрубов помогала общине справиться с совокупностью возрастающих налогов. В последующих записях данной книги отражены выплаты монастырскими крестьянами Спасского прихода Глубоковского ключа по каждой деревне на уровне каждого двора с указанием его доли в «пузе» — половина, четверик, шестуха, осьмерик-осьмуха. При подведении общего итога указано «всего пузов 11» [5, ф. 1260, оп. 2, №3865].

К упомянутой записной книге старосты О. Тимофеева 1710 г. содержательно близки расписки мирских ходочков 13 марта и 8 апреля 1710 г. о собранных деньгах под муку и сухари для последующей их отправки в Нарву. По Спасскому приходу расписку старосте дал Иван Евсеев (на взятые 17 руб. 10 алт.), по Ильинскому — Иван Вшивков (на 5 руб.) «во всякие государевы платежи» [5, ф. 1260, оп. 2, №3866, л. 1—2]. Эти деньги они должны были доставить в Вологду на «подмонастырный съезжий двор» прилуцкому приказчику А. Субботину, получив у него «отповедь-отписку». Уже 14 апреля 1710 г. в Глубоковскую вотчину была направлена память от него о том, что И. Вшивков с собранными деньгами на съезжий двор явился, деньги сдал, но с крестьян снова требовалось: «...достальные деньги отправляйте и присылайте немедленно, потому что тех денег спрашивают безсрочно» [5, ф. 1260, оп. 2, №3863]. Еще одна расписка по Ильинскому погосту была составлена 3 декабря 1710 г. крестьянином д. Хвастуновой И. Е. Комлевых мирскому посыльщику А. Р. Волкову. В ней говорилось, что И. Е. Комлевых по указу вели-

кого государя записался в работники в Санкт-Петербург на три месяца. На дорожные расходы он взял у общины 2 руб. 2 алт. [5, ф. 1260, оп. 2, №3867].

В «держевой» росписи мирского старосты О. Тимофеева от февраля 1710 г. имеется запись его расходов на солдата Афанасия Максимова: «...на поезде к Вологде масла купил 8 алт. 2 ден., табаку 2 ден., портки 6 ден.» [5, ф. 1260, оп. 2, №3864, л. 1]. В данном случае речь идет не о посланном в армию рекрутном солдате, а о привлечении военных к правежу налогов на месте и принудительным наборам работников. Обычно с такими заданиями посылались солдаты гвардейского Преображенского полка. Кроме А. Максимова в «держевой» росписи отмечены и другие солдаты: кто-то «денег правил во всем приходе», кто-то — «ради работников мастеровых людей».

Несомненная военизация на низовом уровне управления дополнялась вмешательством и гражданских лиц. В анализируемом источнике отмечен приезд боярина И.М. Беседнова с подьячим И. Бурцевым «ради денежного правежу с товарищи и проводниками», расходы на содержание которых были учтены старостой О. Тимофеевым [5, ф. 1260, оп. 2, №3864, л. 4]. Такого же порядка и сообщение об «экспедиции» в Глубоковскую вотчину «для муки» отставного дворянина Ив. Сьянова.

В заключение приведем мнение Е.Н. Баклановой (Швейковской) о росте податного гнета более чем в два раза, что в условиях Северной войны резко понизило хозяйственный уровень и рабочие возможности крестьянских дворов. В результате накапливались недоимки по государственным платежам и феодальной ренте, разорялись и заустевали дворы, усиливалось имущественное неравенство и социальное сопротивление крестьянской массы [31, с. 118, 129; 32, с. 342]. Так бедность-оскудение-нищенство-сиротство-бегство становились постоянными явлениями повседневной жизни северной деревни. И учитывать все сказанное необходимо в наших размышлениях о цене победы в Северной войне и Петровских реформ для страны и народа.

Список источников и литературы

1. *Черкасова М.С.* Община и церковь на севере России накануне Петровских реформ // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. №48.

2. *Российский* государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 237 (Монастырский приказ).

3. *Горчаков М. И.* Монастырский приказ (1649—1725 гг.). Опыт историко-юридического исследования. М., 1868.

4. *Булыгин И. А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977.

5. *Государственный* архив Вологодской области.

6. *Описание* свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище. Вологда, 1905. Вып. 8.

7. *Описание* свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище. Вологда, 1905. Вып. 12.

8. *Хозяйственные* книги Вологодского архиерейского дома XVII — начала XVIII в. / сост. Н. В. Башнин. М. ; СПб., 2018.

9. *Соколова Н. В.* Описания церковно-монастырских владений в процессе секуляризации начала XVIII в. (на материалах Нижегородского уезда) // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2008.

10. *Шамина И. Н.* Опись имущества и вотчин вологодского Павлова Обнорского монастыря 1701—1702 годов // Вестник церковной истории (ВЦИ). 2010. № 1—2 (17—18).

11. *Переписные* книги вологодских монастырей XVI—XVIII вв. Исследования и тексты. Вологда, 2011.

12. *Башнин Н. В.* Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV—XVII вв.: Исследование и тексты. М. ; СПб., 2016.

13. *Описание* свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище. Вологда, 1900. Вып. 3.

14. *Полное* собрание русских летописей. Л., 1982. Т. 37 : Устюжские и вологодские летописи XVI—XVIII вв.

15. *Титов А. А.* Летопись Двинская. М., 1889.

16. *РГАДА.* Ф. 236 (Патриарший дворцовый приказ).

17. *Башнин Н. В.* Документы из архива Дионисиева Глушицкого монастыря: опись имущества и строений 1701 г., переписные книги вотчины 1702 г. // ВЦИ. 2013. № 3—4 (31—32).

18. *Черкасова М. С.* Государственная ревизия вологодских монастырей в начале XVIII в. // Управление и экономика: Опыт, теория, практика. Вологда, 2009.

19. *Мясникова Л. Н.* Документы ГАВО о судостроении в XVI — начале XVIII в. // Историческое краеведение и архивы. Вып. 5. Вологда, 1996.

20. Торговые иноземцы в Вологде в XVII — первой четверти XVIII в. : сб. документов и материалов / сост. М. С. Черкасова. Вологда, 2019.

21. *Шамина И. Н.* Преподобный Иннокентий Комельский и основанный им монастырь // ВЦИ. 2009. № 1—2 (13—14).

22. *Шамина И. Н.* Документы по истории Григориева Пельшемского монастыря XVII — начала XVIII в. // ВЦИ. 2011. № 3—4 (23—24).

23. *Дмитриева З.В.* Житничные целовальники в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря в XVII в. // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. Калининград, 1986.
24. *Дмитриева З.В.* Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI—XVII вв. СПб., 2003.
25. *Мацук А.М., Мацук М.А.* Коми край в начале XVIII в. Переписная книга Яренского уезда 1710 г. Сыктывкар, 2015.
26. *Башин Н.В.* «Сшел в Сибирь»: миграции населения яренской вотчины Вологодского архиерейского дома в XVII в. // Российская история. 2019. № 1.
27. *Башин Н.В., Черкасова М.С., Шамина И.Н.* Описи вологодских монастырей как источники по аграрной и демографической истории // Переписные книги вологодских монастырей XVI—XVIII вв. Исследования и тексты. Вологда, 2011.
28. *Шамина И.Н.* Приходо-расходная книга вологодского Павлова Обнорского монастыря 1694 г. // ВЦИ. 2013. № 3—4 (31—32).
29. *Курдюмов М.Г.* Описание актов, хранящихся в императорской Археологической комиссии. Коллекция П. И. Савvaitова // Летопись занятий Археологической комиссии за 1914 год. Пг., 1915. Вып. 27.
30. *Крестьянские челобитные XVII в.* Из собраний ГИМ. М., 1994.
31. *Бакланова Е.Н.* Крестьянская община и двор на русском Севере: Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976.
32. *Швейковская Е.Н.* Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня в конце XVI — начале XVIII в. М., 2012.

**Роль волостных торгов
в развитии регионального рынка в XVIII веке
(по таможенным документам Вятской провинции)**

Проанализирован комплекс таможенных источников о развитии региональной торговли в Вятской провинции в XVIII в. Показаны масштабы торговли на волостных рынках и ее роль в формировании товарных отношений на Русском Севере.

Analyzed complex custom-sources about the development of trade in Vjatka region and role of the formulate commercial bargains in Russian North during XVIII century.

Ключевые слова: таможня, пошлина, торговые пути, волость, уезд, Вятская провинция, Русский Север.

Keywords: custom house, duty, trade routes, volost, country, Vjatka province, Russian North.

Изучение формирования рыночных связей в России позднефеодального периода опирается главным образом на исследования товарооборота крупных торгово-промышленных центров, таких как Москва, Петербург, Ярославль, Псков, Вологда, Нижний Новгород, Астрахань и другие города [1, с. 84—85]. При этом исследователи использовали обширные массивы таможенных книг, документов Коммерц-коллегии, Сената, Камер-коллегии, хранящихся в фондах Российского государственного архива древних актов, областных архивов и рукописных отделов библиотек [2]. Торговля в сельских поселениях зачастую оставалась вне поля зрения таможенной администрации. Тем большую ценность приобретают документы таможенных «караулов» — своеобразных филиалов провинциальных и губернских таможен. Нами обнаружены таможенные книги и отдель-

ные записи о торговых сделках, сохранившиеся в фонде Хлыновской провинциальной таможни за 1718—1753 гг., то есть до упразднения внутренних таможен в России.

Центр Вятской провинции город Хлынов в это время приобрел значение поставщика сельскохозяйственной продукции в районы русского Поморья, Верхнего и Среднего Поволжья, Западной Сибири [3; 4]. Так, в 1741 г. к Архангельскому порту вятские купцы, преимущественно хлыновские, слободские, котельнические, отправили 26 526 четвертей ржи, 9580 четвертей семени льняного, 572 куля ржаной муки [5, ф. Хлыновской таможни, № 834, д. 328, л. 1—30; д. 340, л. 1—308]. Сельскохозяйственная продукция приобреталась купцами у крестьян на волостных ярмарках и торгах в уездах Вятской провинции. В Хлыновском уезде, например, насчитывалось 35 зимних ярмарок, в Слободском — 25, в Орловском — 10, в Котельническом — 12. Повсеместно происходила продажа крестьянами зерна, муки, сала, кожи и других продуктов земледелия и животноводства. Основная масса закупленных товаров в зимний период вывозилась к Ношувльской пристани через таможенный караул на реке Летке, с началом навигации весной отправлялась на речных судах по реке Лузе, впадавшей в приток Северной Двины, реку Юг, и затем переправлялась к Архангельскому порту [6, с. 171, 174]. Нельзя не отметить, что Хлынов от Ношувльской пристани отделяли 190 верст. В летнее время преодолеть это расстояние было практически невозможно из-за болотистого и лесистого грунта, но и перевозка по зимним дорогам с января по апрель «представляла собой... тяжелое дело» в условиях частых «снежных заносов, а в оттепель из-за непролазной грязи и колдобин» [6, с. 175—176]. Тем не менее сюда из вятских волостей скупщики — купцы и крестьяне — везли партии хлебобпродуктов, а также рыбы, мяса, сала, масла, юфти (выделанной кожи), шкурки белок и горностаев [5, ф. Экономических примечаний к Генеральному межеванию, № 1395, д. 143].

К концу XVIII в. от Ношувльской пристани ежегодно отправлялось по водным путям 50—100 барок, грузоподъемностью до 20 тыс. пудов каждая. Чтобы загрузить эти суда, вятские купцы нанимали обозы из 2—3 тыс. крестьянских подвод или саней для вывоза товарной продукции к Ношувльской пристани. Сотни крестьян-извозчиков обслуживали этот торговый путь, как и путь Хлынов — Ярославль, по которому к ярославским мануфактурам поступало кожевенное сырье [5, ф. Хлыновской таможни, оп. 1, д. 349, л. 1—17; д. 344, л. 1—26; д. 360, л. 1—103].

На волостные торги товар доставлялся в основном государственными крестьянами, доля крестьян монастырских была незначительной. Всего в провинции было зарегистрировано по второй ревизии около 260 тыс. душ м. п. [7, с. 161; 8, с. 94—124]. Крестьянская торговля в таможенных источниках представлена до середины XVIII в., то есть до отмены в стране системы внутренних таможен. Первые сведения относятся к концу второго десятилетия века — 1718 г. Сохранились таможенные документы Летского, Ошланского и Кырмыжского караулов.

Выгодное географическое положение Летской волости на торговом пути к бассейнам рек Луза и Северная Двина вызывало приток скупщиков с обширной территории Вятского края. За зимний период с января до конца марта 1718 г. Летский караул учел 244 торговые сделки по скупке у крестьян доставленных зимними обозами товаров, по нашим подсчетам, на сумму 1510 рублей. Было продано 1671 четверть ржи, 541 четверть муки ржаной, 153 четверти солода. Купцы и крестьяне-скупщики приобрели этот товар в близлежащих волостях Великоречецкого и Берёзовского станов (тяглых и оброчных), а также в более удаленных местах Вятского края — Спенцынском стане, Филипповой слободке Хлыновского уезда, волостях Слободского и Котельнического уездов. Торговля на Летском карауле, по всей видимости, не являлась первоначальной. Она лишь замыкала цепь операций по скупке различной продукции. Хотя закупки партий хлебной продукции до 5 четвертей ржи и отмечаются в 20% сделок, но первоначально они не превышали 1—2 четвертей. Следует отметить также, что общая величина товарооборота на Летском карауле колебалась в зависимости от различных факторов. На него влияли природно-климатические условия и, конечно, уровень урожайности в текущем году. Например, в 1740 г. Летским караулом зафиксирован, по нашим подсчетам, товарооборот в 67 руб. 48 коп. только по 16 сделкам, а в 1742 г. он равнялся 256 руб. 10 коп. по 21 сделке, в 1747 г. товарооборот достиг 1078 руб. 44 коп. по 31 сделке, в 1751 г. упал до 425 руб. 47 коп. по 71 сделке [5, ф. Хлыновской таможи, оп. 1, д. 329, л. 1—7; д. 347, л. 1—9, 36; д. 125, л. 1—15]. Также неодинаковым было и число покупателей к Летке: в 1740 г. они были из 5 волостей Вятского края, в 1742 г. — из 9, в 1747 г. — из 17, в 1751 г. — из 12 волостей. В целом Летский торг в середине XVIII в. специализировался на скупке хлебопродуктов с вывозом их в северные области Русского Поморья, преимущественно в Архан-

гельск. В 1747 г., по данным Хлыновской таможни, из 1498 четвертей ржи, закупленных на других вятских волостных рынках, 1382 четверти были поставлены через Летский караул к Ношульской пристани. Тогда же непосредственно на Летском торжке состоялись закупка 844 пудов муки ржаной и 35 500 пшеничных «витушек» (один из видов крестьянского хлебопечения).

Источники свидетельствуют, что подавляющее число скупщиков, торговавших на Летке, являлись «капиталистскими» крестьянами из волостей Великоорецкого стана — Загарской, Медянской, Гороховской. В 1747 г. их насчитывалось 237 человек из 349, прибывших на этот торг, в 1751 г. — 45 из 71 [5, ф. Хлыновской таможни, оп. 1, д. 329, л. 1—7; д. 347, л. 1—9, 36; д. 125, л. 1—15].

Для скупки товарного хлеба и других продуктов сельского хозяйства крестьяне обычно объединяли свои деньги, а для формирования обозов — подводы или сани. Поэтому торговля на Летке была сравнительно крупной. В этом убеждают такие свидетельства: из 31 сделки 25 были свыше 10 рублей, 19 таможенных записей регистрировали сделки от 10 до 50 руб., их общая сумма составляла 435 руб., или 45 % из 1087 руб. 44 коп. стоимости общего объема торговли. Отмечены также торговые операции (6 сделок) на суммы от 50 до 100 руб., они покрывают 43 % товарооборота [5, ф. Хлыновской таможни, оп. 1, д. 232, л. 17—20]. О скупке свидетельствуют и таможенные записи за 1751 г., из которых видно, что четверть торговых сделок находилась в руках перекупщиков, плативших особую «перекупную» пошлину. В основном они представляли собой «первостатейных» крестьян, закупавших товары как у сельских жителей, привозивших их к Летке, так и у крестьян малодворных деревень, починков и займищ во время посещения их жилищ.

Размеры торговых операций на других волостных торжках — Кырмыжском, Ошланском, Нолинском и Сунском, сведения о которых относятся к 1718 г., значительно уступали товарообороту Летского торга. Если на Летке он превышал 1500 руб., то на Кырмыже, как показали наши подсчеты, он был равен 91 руб. 67 коп. при 74 сделках, а на Ошлане — только 33 руб. 88 коп. при 25 сделках. Эти волости находились далеко от торговых путей, в лесной и болотистой местности. Но и приведенные наблюдения показывают процесс складывания рыночных связей в вятской деревне в XVIII в.

Интерес представляют мотивы, побуждавшие скупщиков осуществлять закупки на волостных рынках. Лишь в немногих тамо-

женных документах можно обнаружить косвенные указания на них. Например, если скупщик прибывал на торг с наличным капиталом, он обязан был зарегистрировать его в таможенном карауле и уплатить пошлину за «явленные деньги на товарную покупку». Судить о величине его сделок довольно сложно, ибо капитал мог и не найти себе применения. Весьма важным для выявления торговых контактов может служить торг в с. Нолинском. Находясь в южной части Вятской провинции в нижнем течении речки Воя, Нолинская волость открывала выход продукции из центральных и южных волостей — Кырчанской, Сорвижской, Косинской, а также из ряда северо-западных волостей Казанского уезда. В 1736 г. местный таможенный караул («застава») записал явку денег «на товарную покупку» 23 приезжих торговцев, их наличный капитал составил 3250 руб. 81 коп. Из них 13 торговцев представляли Казанский уезд, остальные — вышеназванные волости Вятского края. Более половины торговцев-скупщиков, участвовавших в торге на Нолинском волостном рынке, показали «явленные деньги» в сумме от 50 до 100 руб., на их долю приходилось до одной четверти всего денежного оборота. Денежные суммы ряда казанских торговцев-скупщиков были значительно больше, чем у вятских крестьян. Так, крестьянин-скупщик из с. Архангельского Алацкой дороги Казанского уезда С. И. Смирных в 1736 г. дважды торговал на Нолинском рынке: в мае он предъявил «явленные деньги» в сумме 741 руб. 78 коп., в августе — 322 руб. 10 коп. Активно торговали и другие казанские крестьяне, к примеру, из с. Сретенского Арской дороги Василий Шмаков, Моисей Захаров, Иван Соковнин, Иван и Фёдор Кочкины и другие.

В торговых операциях волостных торжков постоянно участвовали крестьянские семьи вятчан: Подчиваловых — Игнатий и Фёдор, Булатовых — Павел и Кондратий, Белтуховых — Яков, Самоваловых — Ефим, Шутовых — Никифор, Шишкиных — Фокей, Шукиных — Анкидин, Логотнёвых — Ефрем. Радиус их торговых операций превышал в среднем почти 150 верст. Вятский край являл собой территорию, которая играла весомую роль в складывании внутреннего рынка на Русском Севере, обеспечивая товарно-денежные отношения с Поморьем, Поволжьем, Западной Сибирью [3, с. 446—455; 9, с. 7].

Подведем общие итоги. С очевидностью можно утверждать, что таможенные записи волостных караулов и книги Хлыновской провинциальной таможни дают возможность выявить процесс внедре-

ния товарно-денежных отношений в сельскую среду Вятского края в XVIII в. и определить степень товарности крестьянского хозяйства в этот период. В волостном торге наблюдалась регулярная деятельность «капиталистских» крестьян в рамках формирующего регионального рынка.

Список источников и литературы

1. *Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Итоги изучения начального этапа складывания всероссийского рынка // Вопросы истории. 1961. № 4.
2. *Кафенгауз Б. Б.* Очерки внутреннего рынка России в первой половине XVIII века. М., 1958.
3. *Комиссаренко А. И.* Хлыновский рынок в 30—40-х годах XVIII века // Города феодальной России : сб. ст. памяти Н. В. Устюгова. М., 1966.
4. *Комиссаренко А. И.* Крестьянская торговля на Вятке в первой половине XVIII века // Труды МГИАИ. М., 1966. Т. 24.
5. *Российский* государственный архив древних актов.
6. *Истомина Э. Г.* Водные пути России во второй половине XVIII — начале XIX века. М., 1982.
7. *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII веке — первой половине XIX века. М., 1963.
8. *Булыгин И. А.* Развитие товарно-денежных отношений в крестьянском хозяйстве. Крестьянская торговля // История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. 3 : Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVII в. — 1861 г.). М., 1993.
9. *Ковальченко И. Д., Милов Л. В.* Всероссийский аграрный рынок XVIII — начала XX века. М., 1974.

**Днепровский и Мелитопольский уезды
Таврической губернии
в материалах Генерального межевания
первой половины XIX века**

В статье анализируются сведения Экономических примечаний к Генеральному межеванию Днепровского и Мелитопольского уездов Таврической губернии. Выявляются специфические черты хозяйственного освоения данной территории в первой половине XIX в.

The article analyzes the information of Economic notes to the General survey of the Dnieper and Melitopol counties of the Tauride province. The specific features of the economic development of this territory in the first half of the XIX century.

Ключевые слова: Генеральное межевание, Таврическая губерния, Днепровский уезд, Мелитопольский уезд, Экономические примечания, хозяйственное освоение.

Keywords: General survey, Taurida province, Dnieper county, Melitopol county, Economic notes, economic development.

После присоединения к Российской империи земель Крымского ханства встал вопрос об их заселении и хозяйственном освоении. Материковая территория, примыкавшая к Крымскому полуострову, представляла собой малонаселенные степи, где ранее кочевали ногайцы. Эти земли необходимо было обжить переселенцам. После образования в 1783 г. Таврической области северо-восточная часть бывшего Крымского ханства вошла в Днепровский и Мелитопольский уезды [1, с. 21]. После упразднения Таврической области в 1796 г. ее территория была включена в состав Новороссийской губернии, причем Днепровский уезд оказался в обширном Перекопском уезде [2, с. 229—230]. С образованием в 1802 г. Таврической губернии Дне-

провский и Мелитопольский уезды снова были выделены как отдельные территориальные единицы [3, с. 288—291]. В 1842 г. территория Мелитопольского уезда была разделена на две части с выделением отдельного Бердянского уезда [4, с. 50].

Территорию Днепровского уезда с запада и юго-запада вплоть до Перекопского перешейка омывали воды Черного моря, на севере — Днепровский лиман и впадающий в него Днепр. На юге от Крымского полуострова уезд отделяло озеро Сиваш. На востоке Днепровский уезд граничил с Мелитопольским уездом. Границами Мелитопольского уезда на юге было Азовское море, на востоке его территория простиралась до р. Берды, на северо-востоке — до р. Конки и соседствовала с Екатеринославской губернией. По воспоминаниям старожилов, в начале XIX в. эта местность представляла собой нетронутую степь с высокой травой и богатой фауной. В реках и Азовском море отмечалось изобилие рыбы. Вековечная целина наблюдалась на левобережье р. Молочной, где обитали ногайцы. Старожильческое и пришлое население в основном занималось скотоводством. Хлеба сеялось в этих местах немного, в основном он выращивался для собственного потребления [5, с. 17—19]. Побывавшие здесь в 30-х гг. XIX в. современники отмечали, что поселянский хлеб в селах Днепровского уезда имел хороший рост, но часть посевов уничтожалась палаящим ветром. Расселение в уезде было неравномерным, невелико было количество населения на помещичьих землях [6, с. 40—49]. В Мелитопольском уезде населения было больше, чем в Днепровском, хотя расселение и водворение переселенцев происходило менее организованно [6, с. 53—54].

Заселение северной части Таврической области, расположенной на материке, началось сразу после ликвидации Крымского ханства. В конце XVIII в. территория Перекопского и Мелитопольского уездов, лежавшая на пути из других регионов России в Крым, заселялась государственными крестьянами из русских и украинских губерний, переселяемыми помещиками крепостными крестьянами, отставными солдатами, беглыми крепостными и приглашаемыми на новую территорию русскими людьми из Молдавии и других частей Османской империи [7, с. 353]. Среди первых поселенцев на новых землях Мелитопольского уезда Таврической губернии оказались государственные крестьяне из общины духоборцев, ранее проживавшие в Новороссийской, Екатеринославской, Тамбовской и Воронежской губерниях, в Харьковском и других уездах Слободской Укра-

ны, а также в Финляндии и на Кавказе. Их переселяли в Таврическую губернию на Молочные воды по указанию Александра I. В это время возникли поселения духоборцев Богдановка, Ново-Богдановка, Троицкое, Спасское, Ново-Павловка, Терпенье, Федоровка, Семеновка, Тамбовка на правом берегу реки Молочной [8]. В 1820 г. из Екатеринославской губернии на левобережье реки Молочной были переселены молокане, основавшие три молоканские слободы: Астраханку, Ново-Васильевку и Ново-Спасское [9, с. 27—29].

В 1803 г. в Мелитопольском уезде появились первые поселения иностранных колонистов — меннонитов, выходцев из Пруссии, которым правительство предоставляло льготные условия для переселения. Они основали частновладельческие хутора и колонии (Лихтенау, Блюмштейн, Мюнстерберг, Альтенау, Орлов, Блюменорт, Розенорт, Тиге, Гуттерталь, Иоганнесруэ и др.) на левобережье р. Молочной и образовали Молочанский меннонитский округ. В дальнейшие степные земли уезда стали осваиваться немецкими колониями лютеран и католиков [10, с. 209]. Территорию побережья Азовского моря от р. Берды до озера Молочного и верховьев р. Токмак занимали ногайцы, переселенные с Кубани в 1790 г. [11, с. 378].

В Мелитопольском и Днепровском (тогда еще части Перекопского) уездах еще в XVIII в. появились села и деревни, основанные государственными и помещичьими крестьянами-переселенцами из различных губерний Российской империи. В Днепровском уезде государственные крестьяне основали поселения Алешки, Казачьи лагера, Кардашник, Большая Знаменка, Малая Знаменка, Каменка, Водяная [12, с. 55]. В 1807 г. в Мелитопольский уезд были переселены буджакские ногайцы, в 1810 г. последовало новое переселение ногайцев с Кубани. Однако наблюдались и обратные процессы. В 1841—1843 гг. по указанию правительства духоборы были переселены с берегов р. Молочной в Закавказье. На бывшие места их жительства селились крестьяне из соседних поселений, а также из Екатеринославской, Воронежской, Тамбовской, Курской, Орловской, Полтавской и Черниговской губерний. Главной причиной переселения крестьян в Таврическую губернию из других губерний Российской империи было малоземелье на старом месте жительства, недостаток в пахотной и сенокосной земле. Переселение в губернию сектантов объяснялось стремлением правительства очистить от их «вредного воздействия» православное население внутренних губерний и заселить русскими и украинскими крестьянами неосвоенные окраины [7, с. 358].

В течение первой половины XIX в. на территории Мелитопольского и Днепровского уездов происходили значительные изменения в расселении населения, что отражалось на хозяйственной деятельности и освоении территории. К 60-м гг. XIX в. в Днепровском уезде насчитывалось 1 094 747 дес. земли. По статистическим данным, на его территории имелось 1 местечко, 8 колоний, 53 селения, 53 деревни, 137 хуторов и разных мелких сельбищ. На 1 января 1866 г. в уезде проживало 73 270 душ обоего пола. Основными занятиями государственных крестьян на территории уезда были все виды сельскохозяйственной деятельности, добыча соли и извозничество. Помещики и землевладельцы занимались тонкорунным овцеводством, приносящим значительную выгоду [10, с. 218]. В Мелитопольском уезде насчитывалось 1 369 885 дес. земли, он был населен плотнее, чем Днепровский. В нем насчитывалось 3 местечка, 50 селений, 33 деревни, 43 колонии и 35 хуторов и различных мелких сельбищ и выселков. В Мелитопольском уезде на 1 января 1866 г. проживало 168 031 душа обоего пола. На территории уезда преобладающей отраслью сельского хозяйства было тонкорунное овцеводство. Однако уезд отличался более плодородными почвами, на которых селились колонисты. Большое разнообразие здесь наблюдалось и в занятиях сельским хозяйством [10, с. 221—222]. В Бердянском уезде, выделенном из территории Мелитопольского, по статистическим данным, насчитывалось 811 904 дес. земли. На 1 января 1866 г. в уезде проживало 141 857 душ обоего пола. Кроме 2 заштатных городов — Орехова и Ногайска, в Бердянском уезде имелось 1 местечко, 28 селений, 32 деревни, 4 немецкие колонии, 56 меннонитских колоний, 42 болгаро-молдаванские колонии, 2 хутора [10, с. 224].

Процесс освоения территорий Днепровского и Мелитопольского уездов Таврической губернии на протяжении первой половины XIX в. прослеживается по материалам Генерального межевания. Это масштабное мероприятие проводилось в Российской империи с конца XVIII в. «с целью упорядочить дворянское землевладение, донельзя запутанное разновременными законами и неразумной практикой» [13, с. 293]. Проведение Генерального межевания было необходимо для учета земельного фонда и закрепления прав землевладельцев на новых территориях. Однако в регионах, где не было помещичьего землевладения, межевание шло по особым правилам с учетом особенностей землевладения [14, с. 214]. Генеральное межевание в Таврической губернии велось с учетом особенностей колонизации, по-

скольку здесь наблюдались процессы формирования дворянского землевладения и параллельно с этим заселения и хозяйственного освоения территории переселенцами [15, с. 380].

В межевом отделе РГАДА сохранились материалы Генерального межевания по Днепровскому и Мелитопольскому уездам Таврической губернии, в том числе полевые записки землемеров [16, ф. 1339, оп. 1], уездные планы [16, ф. 1356, оп. 1, 2] и планы дач [16, ф. 1354, оп. 473, 474, 476, 477], а также Экономические примечания к планам. Использование данных источников позволяет изучить расселение и хозяйственное освоение территории, состояние природной среды, имевшиеся демографические ресурсы в период межевания. Особый интерес представляют Экономические примечания, составленные в 30-е гг. XIX в. по Днепровскому и Мелитопольскому уездам. По характеру содержащихся в них сведений их можно отнести к Полным экономическим примечаниям. Они позволяют получить расширенные данные о количестве и качестве земельных угодий, грунте земли, флоре и фауне.

Для анализа сведений Экономических примечаний по Днепровскому и Мелитопольскому уездам были составлены электронные базы данных по методике, апробированной при изучении других регионов [17, с. 94—104]. В качестве первоначальных данных в них вносились сведения о видах и количестве земельных угодий, составе грунта, видах животных, птиц, рыб и растений на конкретных дачах, территории которых были описаны в этих источниках. В 30-е гг. XIX в. Генеральное межевание возобновилось на материковой части Таврической губернии. Ранее эта территория была охвачена Генеральным межеванием, проводившимся в конце XVIII — начале XIX в., и часть ее уже была описана в Камеральных экономических примечаниях Перекопского уезда [16, ф. 1355, оп. 1, ед. хр. 1559].

В Экономических примечаниях Днепровского уезда 1833 г., составленных старшим землемером, коллежским секретарем Одинцовым, имеются сведения о межевании 20 дач на его территории [16, ф. 1355, оп. 1, ед. хр. 1552]. На обмежеванной территории находились поселения ногайцев и крымских татар, расположенные в присивашских степях, села и деревни государственных и помещичьих русских крестьян по сторонам дорог из города Перекопа в города Алешки, Мариуполь, Никополь, Орехово. Среди обмежеванных оказались земельные угодья сел Заводовка, Западные Каиры, Любимовка, Агайман, Нижние Серагозы, Верхние Серагозы, Князь-Григорь-

евка, колония герцога Генриха Ангальт-Кётенского «Аскания Нова». В целом количество обмежеванной земли достигало 387481 дес. 1915 саж. Под поселениями на этой территории находилось 1551 дес. 1525 саж. земли, под пашней — 64187 дес. 945 саж., под сенокосами — 327518 дес. 238 саж. Лес занимал 248 дес. 1730 саж., к неудобным местам было причислено 77953 дес. 1888 саж. земли. В 33 поселениях насчитывалось 34006 дворов, в них проживало 19365 душ обоего пола (10098 мужских и 9267 женских).

Качество земли было указано на 18 дачах. На 13 из них (72,2%) почва относилась к чернозему, на 5 дачах грунт был иловатый (на 2 дачах были солонцы, еще на 2 — частично песок, на 1 даче иловатый грунт сочетался с солонцами и местами с песчаной почвой). На 17 дачах лучшие урожаи давала рожь, на 15 — пшеница и просо, на 5 — ячмень. Сенные покосы отличались своим высоким качеством в долине, в степи они были средними.

В Экономических примечаниях подробно описывалась природная среда территории. В степной зоне водились верблюды и дикие лошади, которые упоминались на 11 дачах из 18. В долине р. Днепр имелся дровяной лес (березовый, дубовый, ивовый), здесь водились дикие кабаны и выдры. Повсеместно упоминались зайцы, лисицы и волки. Среди птиц чаще всего имелись дрофы, орлы, стрепеты, куропатки (упоминались на 17 дачах), перепелки, журавли (на 16 дачах). На 5 дачах зафиксированы коростели и скворцы, на одной — аисты. Среди водоплавающих птиц на 17 дачах замечены дикие утки, цапли и кулики, на 16 дачах — дикие гуси, на 8 — бекасы, на 7 — пеликаны и лебеди, на 5 — гагары.

В Экономических примечаниях Днепрового уезда Таврической губернии 1834 г., составленных землемером Мельниковым, зафиксированы 22 дачи [16, ф. 1355, оп. 1, ед. хр. 1553]. Их земельные угодья располагались на берегу Азовского моря, Утлюкского лимана и озера Сиваш, р. Большой и Малый Утлюк, при степных дорогах. Однако из-за отсутствия части планов дач количество и категории размежеванных земель указаны не везде. В составленную базу данных о земельных угодьях вошли сведения только о 13 дачах. Количество обмежеванной земли на них достигало 155339 дес. 895 саж. На территории дач находилось 23 поселения с 1480 дворами, в которых проживало 6652 души обоего пола (3770 мужских и 2882 женские). Под поселениями располагалось 208 дес. 460 саж., под пашен-

ными угодьями — 7248 дес. 675 саж. К сенокосной земле было отнесено 13263 дес. 2178 саж., степь занимала 32107 дес. 800 саж. Неудобной было признано 10105 дес. 260 саж. земли.

В базу данных о плодородии земли вошли сведения обо всех 22 дачах. На 17 дачах (77,3%) грунт земли был отнесен к сероиловатому, на 3 дачах (13,7%) — к серопесчаному, на 1 — к сероглинистому и еще на 1 — к чернозему. На всех дачах выращивались рожь, пшеница и просо, на 4 (с сероглинистым и серопесчаным грунтом) — еще и овес. Сенные покосы отмечены только на 16 дачах, и везде они признаны средними. Подробное описание природной среды в Экономических примечаниях 1834 г. имеется только у 2 дач. Среди птиц, которые водились на их территории, названы дрофы, журавли, соловьи, жаворонки. На одной даче упоминаются ястребы и перепелки. Отмечено наличие водоплавающей дичи — диких уток, гусей, куликов.

В Экономических примечаниях Мелитопольского и Днепровского уездов, оформленных в 1834 г. старшим землемером Одинцовым, содержались сведения о 12 дачах Днепровского уезда и 29 дачах Мелитопольского [16, ф. 1355, оп. 1, ед. хр. 1558, л. 1—31]. Дачи Днепровского уезда, расположенные на побережье Днепровского лимана и в прибрежной полосе Днепра, уже межевались в 1799 г., поскольку относились тогда к территории Перекопского уезда. За прошедшие годы в связи с хозяйственным освоением изменились данные о категориях земель. Межеванию на этот раз подверглись казенные земли, отрезанные от Кинбурнской крепости, огородная земля, принадлежащая Кинбурнскому военному гарнизону, соляные озера и соляная контора ведомства Крымского соляного правления, земельные угодья сел Большая и Малая Знаменка, Водяного, расположенные вдоль большой столбовой дороги из города Симферополь в город Орехов, а также земля, отделенная от Екатеринославского уезда местечку Никополь. В целом на этой территории было обмежевано 70682 дес. 37 саж. земли, из которых 313 дес. 730 саж. — земли поселений, 10337 дес. 1892 саж. — пашни, 48320 дес. 854 саж. — сенокосы, 2497 дес. 308 саж. — лес, 15219 дес. 960 саж. — неудобных земель. В 3 селах и 2 сельцах насчитывалось 1423 двора, в которых проживало 6186 душ обоего пола (3054 мужских и 3132 женские).

Состав грунта был указан только у 7 дач, в 4 из них грунт был песчаный, в 3 — чернозем. На песчаном грунте лучшие урожаи давали рожь и ячмень, на черноземе из посеянного хлеба без удабри-

вания все зерновые культуры давали хорошие урожаи. На этом грунте хорошими признавались и сенные угодья. В прибрежной полосе Днепра рос мелкий кустарник и небольшой вербовый лес и лоза. Имелись также участки дровяного осинового, ольхового и дубового леса. При описании природы землемеры отмечали распространение зайцев, волков и лисиц, а в прибрежной зоне — кабанов и выдр. Среди птиц встречались орлы, соловьи, жаворонки, дрофы, перепелки, стрепеты, водная фауна была представлена дикими гусями, утками, лебедями, журавлями, пеликанами и прочими мелкими птицами. На Днепре и Днепровском лимане водились цапли, кулики, бекасы. В Днепре вылавливали осетров, белуг, сомов, стерлядь, карпов, судаков, тарань, шук, окуней, линей.

В целом в Экономических примечаниях 1833—1834 гг. по Днепровскому уезду Таврической губернии содержатся сведения о 613 503 дес. 447 саж. земли, из которой 2073 дес. 315 саж. находилось под поселениями, 81773 дес. 1112 саж. — под пашенными угодьями, 389 102 дес. 870 саж. — под сенокосами и 2746 дес. 2383 саж. были неудобьями.

В Мелитопольском уезде землемеры в 1834 г. уделили наибольшее внимание межеванию казенных земель, а также земель духоборцев, колонистов и меннонитов, осваивающих регион по течению р. Молочной. Были обмежеваны земельные угодья духоборческих деревень Тамбовка, Богдановка, Терпение, Троицкая, Спасская, Родионовка, Ефремовка, Кириловка, Горелая, деревень государственных крестьян Семеновка, Ново-Александровка, Ново-Николаевка, Михайловка, ногайских селений Аз-Берда и Караджи, различных хуторов и селений. Одной дачей был обмежеван Молочанский колонистский округ, на территории которого были поселены 22 немецкие колонии, в том числе Пришиб, Дурлах, Вейнау, Альт-Нассау, Гоффенталь, Альт-Монтпль, Вальдорф, Тифенбрун, Блюменталь. В них насчитывалось 796 дворов, в которых проживали 4613 душ обоего пола (2401 мужская и 2212 женских). Общая площадь территории составляла 67 131 дес. 1146 саж., в том числе 15 226 дес. 984 саж. земли относились к черноглинистой, на которой «из посевов при благоприятной погоде без удабривания всякий хлеб и травяной сенокос родятся хорошо» [16, ф. 1355, оп. 1, ед. хр. 1558, л. 23].

Еще в одну дачу был выделен Молочанский меннонитский округ с 41 колонией и хутором, располагавшийся на левом берегу р. Молочной. В Экономических примечаниях нет сведений о количестве и

качестве земельных угодий, но имеется подробное описание природных особенностей дачи. Земля в округе относилась к чернозему, на котором «без удабривания из посева родится лучше: рожь, пшеница, ячмень, овес и просо, а прочие семена и сенные покосы средственны» [16, ф. 1355, оп. 1, ед. хр. 1558, л. 30]. Жители этих поселений занимались хлебопашеством и скотоводством, хозяйства были зажиточными.

Всего по данным Экономических примечаний 1834 г. в Мелитопольском уезде было обмежевано 251 946 дес. 1041 саж. земли, из которой 2680 дес. 435 саж. находилось под 49 поселениями, 28 006 дес. 867 саж. — под пашней, 206 491 дес. 518 саж. — под сенокосами, 16 117 дес. 901 саж. — под неудобными местами. В поселениях насчитывалось 2015 дворов и, по данным ревизии, проживало 10 077 душ обоего пола (5356 мужских и 4721 женская).

Состав грунта земли на 20 дачах определялся как серопесчаный. На нем лучшие урожаи давали рожь, пшеница и просо. Сенные покосы считались посредственными. На 1 даче грунт был песчаным, без удабривания на нем лучше родились рожь, пшеница, ячмень и просо. Еще на 1 даче, расположенной на берегу Азовского моря, грунт описывался как песчаный с мелкими раковинками, малоплодородный. Остальные 3 дачи располагались на черноземе. На всех обмежеванных территориях встречались зайцы, волки и лисицы, среди птиц — орлы, дрофы, стрепеты, коростели, куропатки, в речных поймах — цапли, журавли, дикие гуси, утки, кулики, бекасы, в лиманах — лебеди, дикие гуси, утки, журавли, цапли, пеликаны, гагары, бакланы, кулики, бекасы. В р. Молочной водились караси, гольцы, лини и разная мелкая рыбы, в лиманах — тарань, судаки, сазаны, карпы, лещи, упоминались также осетры, белуга, камбала. В то же время в Азовском море лов рыбы из-за мелководья не проводился.

По Мелитопольскому уезду сохранился исходный вариант Экономических примечаний, в котором представлено описание поселений. Однако количество различных видов земельных угодий указывается не всегда, нередко встречается запись: «сколько земли по имению на оную плана неизвестно» [16, ф. 1355, оп. 1, ед. хр. 1557, л. 8]. Однако исходный вариант примечаний позволяет расширить сведения о конкретных поселениях за счет их более подробного описания. В отличие от описаний, составленных по всем требованиям Экономических примечаний, в данном варианте перечисляются все высеваемые культуры, а не только дающие лучшие урожаи. Так, при

описании села Большой Токмак отмечалось, что «посев хлеба производится рожь, пшеница, ячмень, овес, просо и малою частию гречиха и родится весь посредственно». Более подробно характеризовались и покосы сена, которые «при дождливой весне бывают изобильные, а при засухах плохие» [16, ф. 1355, оп. 1, ед. хр. 1557, л. 7]. В исходном варианте Экономических примечаний по Мелитопольскому уезду представлены количественные сведения о земельных угодьях по Молочанскому меннонитскому округу, в который была объединена 41 колония переселенцев [16, ф. 1355, оп. 1, ед. хр. 1557, л. 19–21].

Таким образом, дошедшие до нашего времени Экономические примечания по Днепровскому и Мелитопольскому уездам Таврической губернии предоставляют возможность изучить особенности хозяйственного освоения данной территории во время Генерального межевания, проводившегося в 30-е гг. XIX в. Неосвоенные земли привлекали переселенцев, традиционно занимавшихся хлебопашеством. Особенно интенсивно они осваивались в Мелитопольском уезде, где почва была более плодородной. В Днепровском уезде крупные поселения возникали в местностях с благоприятными для развития животноводства и хлебопашества условиями. Однако, по данным Экономических примечаний к Генеральному межеванию, на материковой территории Таврической губернии вплоть до 1830-х гг. имелись значительные резервы нераспаханных земель. Большая территория была занята степью и сенокосами, позволявшими заниматься традиционным для этой местности скотоводством и развивать тонкорунное овцеводство.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-09-00236 «Генеральное межевание и освоение южных территорий Российской империи в конце XVIII — первой половине XIX века».

Список источников и литературы

1. *Об устройстве* Таврической области. 8 февраля 1784 г. №15925 // ПСЗРИ. СПб., 1830. Собр. I. Т. XXII.
2. *О новом разделении* государства на губернии. 12 декабря 1796 г. №17634 // ПСЗРИ. Собр. I. Т. XXIV.
3. *О разделении* Новороссийской губернии на три губернии: на Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую, и обустройство там судебных мест. 8 октября 1802 г. №20449 // ПСЗРИ. СПб., 1830. Собр. I. Т. XXVII.

4. *Весь* Бердянск и его уезд. Адресно-справочная и торгово-промышленная книга. Симферополь, 1911.

5. *Дзякович П. К.* Рассказы старожилов // Очерк города Мелитополя и его уезда в географическом отношении. Мелитополь, 1898.

6. *Путевые записки* при объезде Днепровского и Мелитопольского уездов Таврической губернии в 1835 году Ивана Андреевского. Одесса, 1839.

7. *Секиринский С. А.* Из истории крестьянской колонизации Таврической губернии в конце XVIII — первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961 г. Рига, 1963.

8. *Воловик С. В., Крылов Н. В., Крылова А. Н.* Степь да степь кругом... // Мелитопольский район: прошлое и настоящее. Мелитополь, 2000. URL: <http://vmelitopole.ru/stati/melitopolskij-rajon/sela-melitopolskogo-rajona-v-gody-grossijskoj-imperii> (дата обращения: 01.02.2020).

9. *Гузилов И. В.* Ново-Васильевка (молоканская) // Мелитопольский краеведческий журнал. 2013. № 1.

10. *Краткое* историко-статистическое обозрение Таврической губернии // Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистическим комитетом / под ред. К. В. Ханацкого. Симферополь, 1867. Вып. 1.

11. *Скальковский А.* О ногайских колониях Таврической губернии // Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистическим комитетом / под ред. К. В. Ханацкого. Симферополь, 1867. Вып. 1.

12. *Лашков Ф. Ф.* Исторический очерк крымско-татарского землевладения (Продолжение) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1894. № 24.

13. *Ключевский В. О.* Курс русской истории // Соч. : в 9 т. М., 1989. Т. 4.

14. *Герман И. Е.* История русского межевания. М., 1914.

15. *Степанова Л. Г.* Особенности Генерального межевания Таврической губернии в первой половине XIX в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. М., 2019. № 6.

16. *Российский* государственный архив древних актов.

17. *Степанова Л. Г.* Природные ресурсы крестьянского хозяйства в Боровичском уезде Новгородской губернии по оценкам первых русских земельных кадастров // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 6.

Т. М. Китанина

**Александр II и подготовка крестьянской реформы
19 февраля 1861 года:
финансовые операции правительства
в условиях предреформенного кризиса
банковской системы**

В статье рассмотрены свежие документальные источники, введенные в последнее время в научный оборот и позволившие скорректировать утвердившиеся среди исследователей взгляды на причины, содержание и последствия крестьянской реформы 1861 г. и столыпинских аграрных преобразований. Обозначены новые сюжетные линии и иные подходы к осмыслению и интерпретации места и роли общественных и политических сил, занятых в реформах.

This article discusses recent documentary sources that were introduced lately into scientific circulation, allowing a correction of researcher-held views on the causes, content, and consequences of the peasant reform of 1861 and the Stolypin agrarian reforms. The paper outlines new storylines and approaches to understanding and interpreting the place and role of social and political forces involved in the reforms.

Ключевые слова: крестьянство, отмена крепостного права, столыпинская реформа, банки, источники, историография.

Keywords: peasantry, abolition of serfdom, Stolypin reforms, banks, sources, historiography.

*Памяти профессора МГУ
Ларисы Георгиевны Захаровой*

Советская и постсоветская историография достигла значительных результатов в изучении одной из центральных проблем XIX столетия в истории России — великих реформ Александра II. В науч-

ный оборот введен огромный комплекс документальных материалов, позволивших раскрыть содержание, реализацию, экономические и социальные последствия реформ. Несомненная заслуга в этом принадлежит прежде всего представителям научной школы профессора Петра Андреевича Зайончковского.

В последние десятилетия заметно расширились территориальные рамки исследований процесса проведения реформ, несколько меняются наши представления о соотношении политических и общественных сил, задействованных в их осуществлении, возникают новые сюжетные линии и иные подходы к их осмыслению и интерпретации. Наконец, вводятся в научный оборот свежие документальные источники, позволившие внести некоторые коррективы в устоявшиеся в научной среде взгляды.

Представляется, что научные изыскания последних лет не меняют принципиально основополагающую канву изложения предреформенных событий, но, безусловно, дополняют и обогащают ее. В русле именно такого подхода выдержана предлагаемая вниманию читателя статья.

Александр II вступил на престол 19 февраля 1855 г. Еще продолжалась Крымская война, стоившая стране немалых жертв и разрушений, приведшая Россию к потере европейского авторитета. О дипломатических и военных успехах начала XIX в., когда Россия впервые за свою многовековую историю оказалась законодательницей европейской политики, можно было в это время только вспоминать. В условиях европейской изоляции и политического напряжения внутри страны все более возрастало недовольство действиями верховной власти как в общественных, так и в околоправительственных кругах. Известны высказывания П. А. Валуева, занимавшего в то время пост губернатора Курляндии, о том, что озлобление против порядков до 1855 г. — «беспредельное и всеобщее» [1, с. 161]. Академик А. Ф. Кони, тонкий и умный наблюдатель, заметил: «Севастопольский погром, блистательно подтвердив прекрасные свойства русского человека, выражавшиеся... в его уменьи умирать, доказал совершенную непригодность общественного быта и военно-бюрократического строя для жизни этого человека» [2, с. 22—23].

По-видимому, можно было легко избежать бесславной для России Крымской военной кампании, о чем свидетельствовали современники событий. В частности, в мемуарах князя В. П. Мещерского, внука Н. М. Карамзина, находим следующие строки: «Николай I с

обычным фанатизмом верил трем вещам: своей военной силе, помощи австрийцев и пруссаков и правоте своего дела... Николай I верил еще одному: дружбе королевы английской Виктории к нему, и эта вера тоже сыграла свою роковую роль...» [3, с. 18]. И далее: «В ходе событий тогда было действительно что-то роковое; все шло по какой-то инерции... к роковой развязке, к войне, и к какой войне! — напомнившей 1812-й год, к войне для России страшной, но нигде, ни в каких гостиных, ни в каких умах — не чувствовалось и не слышалось иного настроения, как патриотическая готовность идти навстречу этой войне, не взирая ни на какие угрозы, не взирая на то, что... становясь на реальную и прозаически практическую почву, нетрудно было бы повернуть дело и затянуть его в сферу бесконечных дипломатических переговоров и найти почетный ему исход помимо войны...» [Там же, с. 21].

Одним из тяжелейших последствий Крымской войны стал глубокий финансовый кризис. Очевидно, что именно кризис ускорил проведение буржуазных по своей природе великих реформ. К этому выводу в последние годы склоняется ряд исследователей. Вспомним, что в доперестроечное время большинство историков, изучавших период реформ, считало, что решающим стимулом к началу их реализации послужило крестьянское движение и революционная ситуация 1859—1861 гг. Однако отечественные историки-аграрники убедительно доказали, что аграрное движение конца 1850-х — начала 1860-х гг. носило сугубо локальный характер и не могло решительным образом повлиять на обращение правительства к реформам. Что касается революционной ситуации, то следует учесть, что в последние годы ряд историков ставит под сомнение само ее существование. Этот вопрос и ныне остается дискуссионным.

В результате Крымской войны финансовое положение страны резко ухудшилось, «внешний государственный долг возрос до 430 млн руб., задолженность дореформенным банкам — 525 млн руб., внутренний выпуск билетов казначейства — до 108 млн руб., и за счет огромной эмиссии бумажных денег было полностью расстроено денежное обращение», — писал И. Ф. Гиндин в своем известном труде [4, с. 27]. Хронический дефицит государственного бюджета (в течение нескольких довоенных десятилетий) и состояние платежного баланса призывали имперское правительство к коренному изменению финансовой политики. «Устойчивый “источник” покрытия дефицита путем систематического заимствования средств в казенных банках» [Там же] уже не оправдывал себя.

Вновь обратимся к высказываниям И. Ф. Гиндина: «Одним из серьезнейших препятствий для быстрого экономического роста России в период капитализма являлся крайний недостаток капиталов в стране. Особенно остро этот вопрос стоял в 60—70-х годах XIX в... Напряженное состояние государственного бюджета являлось одной из главных причин, задерживавших на многие годы создание устойчивого денежного обращения — одной из важных общих мер экономической политики» [4, с. 20—21].

Советская историография, к сожалению, обошла вниманием финансовый кризис 1850—1860-х гг. и его непосредственную связь с условиями крестьянской реформы 1861 г. В итоге мы знаем о предреформенном кризисе финансово-кредитной системы крайне мало. Наши познания в этой области сводятся к тому, что государственный долг России, ставший результатом военной операции, достиг колоссальной по тем временам суммы — 1 млрд руб., что дефицит бюджета возрос в 6 раз — с 52 до 307 млн руб., что правительство, особенно Министерство финансов, было обеспокоено, что сам Александр II признавал положение в стране «страшным» и требовал от ведомств максимального сокращения расходов. В письме к брату, великому князю Константину Николаевичу, от 1 февраля 1857 г. он писал: «Всего более занимает нас финансовый вопрос, без которого, как ныне все убедились, невозможно дело решить», то есть приступить к крестьянской реформе [5, с. 7].

Следует напомнить, что 1860-е гг. были удивительным временем — временем тревог, надежд и ожиданий. Об общественной атмосфере 60-х гг. замечательно писал выдающийся естествоиспытатель Климент Аркадьевич Тимирязев: «Поколение, для которого начало его сознательного существования совпало с тем, что принято называть шестидесятыми годами, было, без сомнения, счастливейшим из когда-либо народившихся на Руси. Весна его личной жизни совпала с тем дуновением общей весны, которое пронеслось из края в край страны, пробуждая от умственного ооченения и спячки, сковывавших ее более четверти столетия» [6, с. 139]. О том же вспоминал в своих «Записках» другой современник, князь Д. А. Оболенский: «Мы мечтали об освобождении крестьян, мы мечтали о лучшем устройстве судов, о возможности более гласного обсуждения общественных вопросов... И вот наступило время, где мечты наши осуществились. Нужно было России пройти через испытание Крымской войны, чтобы стряхнуть сон и взять из выработанного новым поколением людей то, что пригодно для блага государства» [7, с. 290].

В наше время мы с трудом представляем себе, какой необычайный подъем общественного настроения и активности охватил всю мыслящую Россию, сколь велики были ожидания и какому сильному влиянию и даже воздействию подвергались правительственные начинания. Общественное мнение, общий настрой на изменение существовавших порядков несомненно подталкивали правительство к решению кардинального вопроса — освобождению крестьян. Именно тогда академик А. Ф. Кони написал: «Повеяло теплом нового царствования, и ледяной покров безмолвия и ложного благоденствия стал быстро таять» [2, с. 37]. Альфред Рамбо, известный французский историк, один из авторов многотомной «Истории XIX века», сообщал о своих наблюдениях: «Казалось, что консервативная Россия минувшей эпохи исчезла с лица земли: всякий называл себя либералом. В стране проснулся дух гордых надежд и смелых инициатив... Тысячи голосов заговорили в газетах, журналах, книгах, в гостиных, на улицах. О чем прежде могли только думать, о том говорили теперь во всеуслышание... В своем стремлении к реформам общественное мнение желало бы осуществить все их разом, но вскоре увидели, что все вопросы тормозились вопросом об освобождении крестьян... Невольного населения России насчитывалось тогда 47 миллионов 400 тысяч душ, из которых 20 миллионов было государственных крестьян, 4 миллиона 700 тыс. удельных, горнозаводских, фабричных и пр., 21 миллион помещичьих и 1 миллион 400 тысяч дворовых людей» [8, с. 413]. Приведенные А. Рамбо данные о численности крепостных в России близки к подсчетам известного советского историка В. А. Фёдорова на основе 10-й ревизии 1858 г. [9, с. 19]. Характерное для этого периода, по словам В. В. Леонтовича, «стремление к либеральному абсолютизму» выплеснулось на страницы публицистики.

Но реально приступить к подготовке реформы было далеко не просто.

Александр II не являлся либералом в отличие от своего брата и единомышленника, великого князя Константина Николаевича, который, как считал А. Ф. Кони, «душою отдался преобразовательным стремлениям своего царствующего брата... словом и делом, советом и личным участием содействовал успешному переходу великодушных предположений в практическое осуществление» [10, с. 36]. Профессор А. В. Манько в книге «Чтения об особах российского императорского дома» характеризовал личность Александра II, отметив

«благородство характера, великодушие и спокойное мужество, умение владеть собой... культурность ума», наконец, способность к восприятию чужих мнений [11]. Это были качества, позволившие императору вступить на новый внутривосточный курс, predetermined фактически всей изменившейся обстановкой, когда требовалось идти в ногу со временем. «Севастополь ударил по застоявшимся умам», — писал В. О. Ключевский.

В конце 1855 г. Александр II издает несколько указов, свидетельствующих о возможных переменах. Третьего декабря ликвидируется Высший секретный цензурный (Бутурлинский) комитет, возвращаются некоторые права университетам, отнятые после революций 1848 г., разрешается свободная выдача заграничных паспортов и т. д. В день коронации императора, 26 августа 1856 г., объявляется амнистия политическим заключенным, в том числе оставшимся в живых декабристам, петрашевцам, участвовавшим в восстании полякам, и от полицейского надзора в результате освобождается 9 тыс. человек. Не забыл Александр II и о крестьянстве: на 3 года был отменен рекрутский набор и списаны недоимки.

Справедливую оценку этим мерам дала, полагаю, Л. Г. Захарова: не всегда последовательные, носившие скорее эмпирический характер, они не были следствием «никакой общей программы» и, выходя за привычные, апробированные границы, не вписывались, однако, в николаевскую политическую систему, а были «даже прямо противоположны ей» [1, с. 177]. Но это противоречило высказыванию Александра II в Государственном совете 19 февраля 1855 г. при вступлении на престол, когда он торжественно провозгласил себя приемником дел своих августейших предков и «незабвенного нашего родителя». «Александр II, — замечает далее Л. Г. Захарова, — встал на путь освободительных реформ не в силу своих убеждений, а как военный человек на троне, осознавший “уроки” Крымской войны, как император и самодержец, для которого превыше всего были престиж и величие державы» [1, с. 177].

В 1992 г. Московский университет подготовил тематический сборник статей, включивший статью американского исследователя, профессора Университета штата Айова Стивена Хока «Банковский кризис, крестьянская реформа и выкупная операция в России. 1857—1861». С. Хок пишет следующее: «Недооцененной оказалась роль кризиса банковской системы, который стал бичом реформы. Именно он определил условия освобождения и ослабил, таким образом, последующее экономическое развитие страны» [12, с. 91].

Это высказывание заслуживает глубокого внимания. Осуществление реформы в период тяжелейшего финансового кризиса не могло не наложить отпечаток на условия освобождения крестьян в целом и особенно выкупной операции и, более того, на последующее поступательное движение российской экономики, прежде всего ее аграрного сектора. «В 1859 г., — отмечал С. Хок, — когда правительственные чиновники начали разработку законодательства по крестьянской реформе, они оказались перед лицом кризиса: растущий государственный долг, инфляция, отрицательный платежный баланс, неблагоприятный климат для внешних займов, невозможность восстановить обратимость рубля и, наконец, крах государственных кредитных учреждений. В этих условиях и готовилась реформа» [12, с. 91]. И далее: «Банковский кризис сделал необходимой резкую перестановку в приоритетах финансовой политики правительства. Это не позволило ему субсидировать приобретение крестьянами земли в собственность, как было сделано в Пруссии и Австрии. Это на многие годы обременило крестьян высокими процентами на их выкупные долги, существенно увеличившими ежегодные выкупные платежи. Это оказалось на руку тем, кто стремился свести к минимуму размеры крестьянских земельных наделов. Это стало дополнительным аргументом в пользу того, что выкуп должен быть постепенным, а не единовременным и обязательным. Это сделало необходимым ограничить обращение кредитных бумаг, выпущенных для помещиков, в ущерб их держателей» [Там же].

В конце 1858 г. при министре финансов А.М. Княжевиче сложился кружок молодых финансистов — приверженцев распространенной и модной в те годы теории экономического либерализма. «В основе идей этого направления экономической мысли лежало представление об экономическом развитии как естественном процессе, не нуждающемся в государственном вмешательстве. Упор делался на частный интерес, акционирование промышленности, торговли и банков, а также на привлечение иностранного капитала», — отмечает И.Н. Левичева [13, с. 80]. К лету 1859 г. «образовался сложный клубок проблем: растущий государственный долг и необходимость перестройки его структуры, отрицательный платежный баланс, неблагоприятный климат для внешних займов, необходимость развития транспорта и подготовки крестьянской реформы», а «в начале 1859 г. российская банковская система оказалась на грани краха» [Там же, с. 80—81].

Для борьбы с кризисными явлениями правительство Александра II приняло в 1858—1859 гг. комплекс финансовых мер, лишь частично рассмотренных и комментированных в отечественной литературе. Эти меры были разработаны специально созданными Банковской и Финансовой комиссиями, состоявшими из восьми членов каждая. В своем большинстве члены комиссий были активными сторонниками реформ. В их число входили влиятельные финансисты, трезво оценивавшие экономическую обстановку в стране и возможные последствия финансового кризиса.

Любопытно наблюдение С. Хока относительно состава комиссий: «Хотя этих людей историки часто называют просвещенными бюрократами, они имели узкий взгляд на вещи, рассматривая решение проблем, стоящих перед Россией, преимущественно через фискальные рамки. Они были захвачены идеей железных дорог и в не меньшей степени враждебны к помещичьей расточительности, которую они презирали. Все они выступали за налоговую реформу и упорно противостояли дефицитному бюджетному финансированию» [12, с. 95].

Замечание Хока справедливо, но хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. На рубеже 1850—1860-х гг. в общественно-научных и деловых кругах России все настойчивее стала утверждаться мысль о необходимости осуществления в стране буржуазной индустриализации, артериями которой признавались железные дороги. Позднее, в 1860-х гг., идея о необходимости перехода экономики России на промышленные рельсы окрепла, приобретая новых сторонников. Старый и, казалось бы, забытый спор между западниками и славянофилами о том, каким путем пойдет Россия, в новых условиях возродился с небывалой остротой. Защитники промышленного пути развития страны, возглавляемые Д. И. Менделеевым, открыто выступали в печати против апологетов аграрного поступательного движения, идеологом которого являлся Л. Н. Толстой. Два гения так и не сумели найти общего языка («Толстой зовет нас к сохе», — писал Менделеев). Спор разрешило правительство, объявив в самом начале 1870-х гг. индустриализацию приоритетным направлением экономического развития государства [14, с. 251—264].

Состав Банковской и Финансовой комиссий был весьма показательным. Прежде всего следует назвать выдающегося деятеля крестьянской реформы Н. А. Милютину, занимавшего пост директора Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, брата

Д. А. Милютин и племянника П. Д. Киселева — реформатора государственной деревни в царствование Николая I. Оценивая деятельность Н. А. Милютина, которого современники признавали «душой» реформы 1861 г., академик А. Ф. Кони писал: «За возможность быть полезным родине он, с виду сдержанный и спокойный, платил кровью своего сердца и соком своих нервов» [21, с. 30]. А. К. Дживелегов, посвятивший в юбилейном издании 1911 г. специальную статью общественно-государственной деятельности Н. А. Милютина в период подготовки крестьянской реформы, назвал его ярким представителем западного просвещенного абсолютизма, занявшим центральное место в «небольшой группе последовательных сторонников разумного освобождения» крестьян [15, с. 69] (в среде крепостнического большинства Милютин слыл красным и даже революционером).

Мысль Милютина, «самого талантливого из бюрократов Александровского царствования», работала «в направлении от государства к крестьянам, а не наоборот. Поэтому он не находил ничего непоследовательного в том, что освобожденные от вотчинной опеки крестьяне попадали под такую же строгую опеку государственных властей» [Там же, с. 76, 86].

Другим членом комиссий, имевшим репутацию высокопрофессионального финансиста, являлся Юлий Андреевич Гагемейстер. Последовательный сторонник отмены крепостного права, он писал в записке 1856 г. «О финансах России»: «Отмена крепостного права есть для России вопрос жгучий, неотложный, требующий самого скорого разрешения. Промышленное и политическое развитие России обуславливается отчасти разрешением этого вопроса, в котором правительство, хотя бы из видов самосохранения, вынуждено будет сделать первый шаг» [16, с. 34]. В 1858 г. Гагемейстер был назначен директором Кредитной канцелярии Министерства финансов, в следующем году вошел в группу представителей Редакционных комиссий и одновременно возглавил несколько комиссий при Министерстве финансов: комиссию для улучшения системы податей и сборов, комиссию об устройстве земских банков, комиссию о реорганизации государственных кредитных учреждений.

Ю. А. Гагемейстер был сторонником отмены подушной подати, считая ее ликвидацию «благодетельной» мерой, с удовлетворением приветствовал предпринятый Министерством государственных имуществ перевод подати с души на землю и промыслы в 17 губерниях «западной полосы» России. Он высказывался за улучшение хозяй-

ственного положения государственных селян, что невозможно, «пока не отменится общественное владение землями и правительство не наделит крестьян отдельными участками» [16, с. 16—17]. В 1860 г. Гагемейстеру было присвоено высшее звание для гражданских чиновников того времени — статс-секретаря его величества, а позднее он занял пост сенатора.

Активную позицию в комиссиях, насколько известно, занимал Евгений Иванович Ламанский, позднее возглавивший основанный в 1860 г. Государственный банк. Выпускник Александровского лицея, Ламанский в 1853 г. поступил на государственную службу в Министерство финансов. В следующем году он опубликовал «Исторический очерк денежного обращения в России с 1650 по 1817 г.», выступив с идеей объединения казенных банков в единый центральный банк. Одновременно Е. И. Ламанский являлся членом императорского Русского географического общества, в котором председательствовал генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич. Русское географическое общество, как известно, на своих заседаниях исключительное внимание уделяло перспективам будущего пути развития России, что соответствовало запросу дня. В 1855 г. Ламанский возглавил секретариат РГО, в 1859 г. был назначен членом Редакционных комиссий по подготовке крестьянской реформы 1861 г.

Дальнейшая его служебная карьера была связана с деятельностью «Комиссии, учрежденной по предметам начертания проекта о Земских банках, Особого банка для казенных вкладов и преобразованию Коммерческого банка». В 1867 г., после «увольнения с должности» управляющего Государственным банком барона А. Л. Штиглица, Е. И. Ламанский занял его пост. Дальнейшему карьерному продвижению Ламанского помешало участие в молодости в кружке петрашевцев [17, с. 96—100].

К работе в многочисленных финансовых комиссиях накануне реформы были привлечены и выдающиеся российские финансисты, возглавившие впоследствии финансовое ведомство. Это Михаил Христофорович Рейтерн, член Совета министра финансов, находившийся в родственных связях с выдающимся поэтом пушкинской эпохи В. А. Жуковским, и Николай Христианович Бунге, «шестидесятник», профессор политической экономии, ректор Киевского университета Святого Владимира.

Какие меры предприняли государственные финансовые комиссии для смягчения условий тяжелейшего финансового кризиса в

преддверии крестьянской реформы? Прежде всего комиссии пришли к выводу о необходимости долгосрочных актов, и в первую очередь выпуска бессрочных облигаций, что являлось одной из попыток «перестроить структуру банковского долга» [12, с. 95]. Эта новация вызвала крайнее недовольство и обеспокоенность помещиков, стремившихся вернуть банковские вклады.

Комитет финансов, опираясь на выводы созданной в мае 1859 г. Комиссии по реформированию банковской и денежной системы, предложил ликвидировать поземельные банки (Государственный заемный банк, сохранные кассы и приказы общественного призрения), произвести конверсию долгов этих банков и преобразовать банковскую систему. Следующим шагом стало создание правительственной комиссии для устройства земских банковских учреждений, первоочередной задачей которой была ликвидация казенных банков и, как указывалось в Трудах Комиссии, опубликованных в 1860 г., переход «к системе частных и совершенно самостоятельных земских банков в форме товарищества землевладельцев или же акционерных компаний или же, наконец, в какой-нибудь новой, приспособленной к местным потребностям, форме» [17, с. 82—83]. Тогда же было принято решение преобразовать Государственный коммерческий банк в Государственный банк.

Как видим, законодательные постановления о реорганизации кредитно-банковской сети следовали одно за другим и привели накануне реформы к неожиданным и тяжелым для поместного дворянства последствиям. Шестнадцатого апреля 1859 г. под вполне благовидным и, казалось, рациональным и своевременным предложением было издано Высочайшее распоряжение о прекращении выдачи ссуд под залог населенных имений. Поскольку Высочайшее распоряжение (Указ) от 16 апреля 1859 г. ни в одной из исследовательских работ о крестьянской реформе не фигурирует, включая труды, посвященные деятельности дореформенных банков, позволю себе дословно привести его содержание: «16 апреля 1859 г. Высочайшим распоряжением были приостановлены ссуды под залог помещичьих имений впредь до составления новых банковских правил о размере ссуд не по числу душ, а по количеству и стоимости земли» [18, ф. 563, оп. 1, д. 9, л. 33; 19, с. 72—78].

Формально Указ означал запоздалое осуществление давно назревшей меры — переход к капиталистическому принципу оценки помещичьей земли при ее банковском залоге. Но в действительности

его значение выходило далеко за рамки указанной в документе цели. Во-первых, отказ от принятия банками в залог помещичьих имений означал сохранение столь необходимых в условиях кризиса финансовых средств в руках казны. Во-вторых, Указ, несомненно, нанес сильнейший удар по владельцам поместий, ибо они лишились одного из важнейших каналов государственной финансовой поддержки привилегированного дворянского землевладения — фундамента политической власти дворянства.

Со времен Елизаветы Петровны сложились, а в царствование Екатерины II окончательно оформились пять основных, с нашей точки зрения, каналов прямой гарантированной государственной помощи дворянскому землевладению:

1. Пожалование дворянству земель, населенных государственными крестьянами, то есть юридически свободным сословием. Известно, что Петр I за более чем четверть века царствования передал в неволю 187 тыс. душ государственных (казенных) крестьян, Екатерина II за 34 года пребывания на троне — примерно 850 тыс. человек, а Павел I за свое короткое (менее 5 лет) царствование пожаловал в частные руки около 550—600 тыс. душ государственных крестьян. Практика пожалования прекратилась (или почти прекратилась) при Александре I, объявившем при коронации в 1801 г., что отныне населенные земли в частные руки передаваться не будут.

2. Раздача или продажа по низким ценам ненаселенной казенной земли. По сведениям академика Н. М. Дружинина, только присоединение Крыма и Северной Таврии увеличило дворянское землевладение на 625 тыс. дес. ненаселенной земли.

3. Законодательная поддержка, в том числе указы о создании майоратов Екатерины II в 1774 г. и Николая I в 1845 г. Эта форма землевладения, укрепившаяся в странах Западной Европы, не нашла широкого применения в России, где накануне отмены крепостного права насчитывалось только 20 крупных майоратов.

4. Финансовые «услуги» государства: создание в 1754 г. Дворянского заемного банка ипотечного кредита и преобразование его в 1786 г. в Государственный заемный банк в связи с расширением операций.

5. Почти полное освобождение поместного землевладения от налогов.

Квинтэссенцией поддержки дворянского привилегированного землевладения явилась, естественно, Жалованная грамота дворян-

ству 1785 г. С введением в действие нового правительственного постановления помещики лишались одного из важнейших источников государственного покровительства привилегированному землевладению. Следует заметить, что наряду с мерами прямой поддержки дворянства существовали способы косвенного порядка, такие как таможенная политика (протекционизм), тарифные узаконения (система внутренних и вывозных тарифов) и пр.

Важно подчеркнуть еще одно значение Высочайшего распоряжения 16 апреля 1859 г. Оно было обнаружено неожиданно для землевладельцев и в тяжелое послевоенное время. На наш взгляд, оно стало своего рода предупреждением владельцам поместий, все еще надеявшимся на сохранение прежних крепостнических устоев, о решительном настрое правительства, встающего на путь реформаторства.

Созданная 10 июля 1858 г. по инициативе Министерства финансов правительственная комиссия, состоявшая из 14 человек — представителей кружка при Министерстве финансов, имела целью разработку законодательства о восстановлении долгосрочного сельскохозяйственного кредита, то есть именно она, видимо, должна была определить дальнейшую судьбу дворянского землевладения [12, с. 97].

Исследователь истории Государственного банка И.Н. Левичева пишет: «В ходе работы этой Комиссии были приняты решения о консолидации вкладов упраздненных банков, которые объявлялись государственным долгом. <...> В рамках подготовки консолидации вкладов было издано Положение о 5-процентных банковских билетах. Указ о выпуске этих билетов был издан 1 сентября 1859 года. Билеты выпускались для обмена на них вкладных билетов упраздненных казенных банков. Поскольку дореформенные банки выдавали ссуды, как правило, долгосрочные, а вклады в основном имели характер краткосрочный и до востребования, обмен вкладных билетов ликвидируемых казенных банков на новые 5-процентные банковские билеты позволял привести в соответствие условия востребования вкладов с условиями платежей со стороны заемщиков. Вновь выпускаемые 5-процентные банковские билеты должны были погашаться в течение 37 лет путем ежегодных тиражей. <...> В течение первых двух месяцев завершилась ликвидация счетов Государственного заемного банка и Санкт-Петербургской сохранной казны. Все их дела и счета по операциям были переданы в Государственный банк» [13, с. 84, 85, 92].

Подготовив поместное дворянство к мысли о неизбежности реформ и законодательно несколько смягчив возможные риски финансового кризиса, но, разумеется, не ликвидировав их вовсе, Александр II смог приступить к дальнейшей подготовке крестьянской реформы. Отныне перед ним стояли две неотложные задачи. Первая — добиться, чтобы инициатива проведения буржуазных по своему содержанию реформ исходила из землевладельческой среды, а не от правительства. Это было необходимо для законодательного обоснования действий в условиях конфронтации помещиков с правительством и неопределенности последствий реформы. Вторая задача заключалась в том, чтобы приложить максимум усилий с целью сохранения механизма реализации реформ именно в компетенции правительства, иначе трудно было предугадать, насколько готовившийся в министерствах проект реформы будет урезан дворянским сообществом. Об этом Александру II напоминал великий князь Константин Николаевич. В одном из писем брату он писал: «Дай Бог, чтобы удержали все эти вопросы в наших руках и остались в голове движения».

Отклики в дворянской среде на издание Указа 1859 г. были весьма показательны. Обратимся к заметкам А.И. Кошелева, крупного либерального деятеля славянофильского толка, известного, в частности, следующим высказыванием о либеральном общественном движении: «Мы столько стоим за предоставление людям свободы, сколько против того, чтобы люди у нас ее выхватили...» [20, с. 223].

В опубликованной в 1864 г. статье «О нашем денежном кризисе» Кошелев писал: «Нуждаться в деньгах, быть в крайности естественно человеку, у которого нет никаких капиталов, но прискорбно, крайне тяжело быть без гроша человеку, имеющему их в избытке; а между тем в этом положении находятся теперь девять десятых из людей богатых. Сколько лиц, пользующихся общим доверием, нуждаются в деньгах и не могут их получить в ссуду потому только, что ссудные кассы все закрыты...» [21, с. 6—7].

Каковы же были финансовые итоги крестьянской реформы 19 февраля 1861 г., кто выиграл в этой неравной борьбе за право называться свободным земельным собственником?

Профессор П.А. Зайончковский, многие годы возглавлявший научное направление по изучению крестьянской реформы, называл цифру финансового выигрыша государства — 700 млн руб., то есть именно государство оказалось в положении финансового, так сказать, «победителя».

Какие изменения произошли в положении главных фигурантов крестьянской реформы?

По подсчетам отечественных историков-аграрников, на одних земельных отрезках в результате реформы крестьяне потеряли не менее 5 млн дес. земли, оставаясь до выкупа, законодательно растянувшегося на 49 лет, «временнообязанными», со статусом «общинных землепользователей». На плечи крестьянства в условиях финансового кризиса легли тяжелой ношей выкупные платежи и, более того, все организационные и административные расходы, связанные с проведением реформы.

Царское правительство, по словам С. Хока, «не потратило ни копейки на проведение великой реформы по превращению более 20 млн бывших крепостных крестьян в собственников» [12, с. 98]. Близкую оценку реформаторской политики правительства Александра II по крестьянскому вопросу приводит Л.Г. Захарова: «Остается впечатление о приоритете имперских интересов в заботах царя-освободителя. Не “улучшение быта” бывших крепостных, как это официально провозглашалось, а дальнейшее расширение и усиление империи было целью политики Александра II. Иначе нельзя объяснить тот факт, что государство не вложило в крестьянскую реформу ни одного рубля, что при этом более $\frac{1}{3}$ бюджета шло на военные расходы, что выкупная операция, разорительная для крестьян, была выгодна для государства» [1, с. 187]. За 1861—1906 гг. правительство взыскало с бывших помещичьих крестьян свыше 1,6 млрд рублей!

Что же произошло с владельческим помещичьим хозяйством в результате реформы? Согласно законодательству, при расчете с помещиками за переданную крестьянам надельную землю, оцененную в 1218 млн руб., государство обязывалось полностью компенсировать эту сумму. Однако помещики получили от правительства 902 млн руб., то есть 316 млн были вычтены из оценочной суммы в пользу государства в качестве задолженности помещичьего землевладения земельным банкам и прочим государственным кредитным учреждениям. Но и оставшаяся сумма была выплачена помещикам не реальными «живыми» деньгами, а пятипроцентными банковскими билетами и выкупными свидетельствами, о которых речь шла выше и которые котировались на бирже в то время значительно ниже их номинальной стоимости.

Обратимся к откликам современников событий. Вот что записал в «Воспоминаниях», вышедших «по горячим следам» в 1864 г., князь

В. П. Мещерский: «Тогда начался разгар эпохи выкупных свидетельств... Это была своего рода историческая по интересу минута в жизни нашего большого света. Потом понято было всеми, насколько она была на деле печальная роковая эпоха в жизни нашего дворянства, — потом, когда помочь горю нельзя было, но тогда она была блестящая, эта эпоха выкупных свидетельств. В каждую семью, в каждый дом сваливались с неба крупные тысячные суммы, в виде выкупных свидетельств, сначала котировавшихся на бирже очень низко, чуть ли не на 18 проц. ниже номинальной стоимости, и вот эти-то выкупные продавались и превращались в капиталы, на которые одни бросились в заграничные поездки, а другие стали жить очень роскошно в Петербурге и в Москве. Замечательно было, что только меньшая часть тогда владельцев выкупных, в виду низкой их цены, решилась выждать повышения цен; большая же часть с изумительной легкостью бросилась их реализовать... На деле, после выкупной операции начался исторический процесс разорения дворянства, все это понимали» [3, с. 432—433]. Действительно, реформа привела к падению экономического потенциала великорусского центра — главного оплота дворянского землевладения.

Советские экономисты начала 1920-х гг. отмечали, что в самом экономическом содержании реформы 1861 г. заключались положения, тормозившие дальнейшее развитие крестьянского законодательства (см. работы Б. Д. Бруцкуса и др.). Лишь 20 лет спустя при министре финансов Н. Х. Бунге правительство вынуждено было пойти на пересмотр ряда законодательных статей «Положения» о реформе. В итоге с 1 января 1883 г. вводился обязательный выкуп крестьянских наделов, то есть реализовано было отвергнутое властями в 1859 г. требование возникших в марте того же года Редакционных комиссий — удивительного органа, обладавшего чрезвычайными полномочиями (прямая отчетность перед государем), подобного которому Россия не знала ни до, ни после реформы.

В 1881 г. правительство снизило выкупные платежи в целом на 27% годового оклада для большинства крестьянских дворов и осуществило специальное снижение для крестьянских хозяйств губерний, пришедших в упадок и запустение (Олонецкая и др.). Это было связано с общим пересмотром государственной аграрной политики, обусловленным становлением ведущих аграрных отраслей на капиталистические рельсы (развитие промышленного мукомолья, элеваторной системы, сахарного, табачного производства, винокуренного промысла и др.) [22, с. 19—26].

Список источников и литературы

1. *Захарова Л.Г.* Александр II // Российские самодержцы, 1801—1917. М., 1994.
2. *Кони А.Ф.* Великая княгиня Елена Павловна // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем : в 6 т. М., 1911. Т. 5.
3. *Мецкерский В.П., князь.* Мои воспоминания. Ч. 1. СПб., 1897.
4. *Гиндин И.Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 годы). М., 1960.
5. *1857—1861.* Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. М., 1994.
6. *Тимирязев К.А.* Развитие естествознания в России в эпоху 60-х годов // Соч. : в 10 т. Т. 8. М., 1939.
7. *Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского.* 1855—1879. СПб., 2005.
8. *Рамбо А.* Живописная история древней и новой России. М., 1994.
9. *Фёдоров В.А.* Падение крепостного права в России : документы и материалы. Вып. 1 : Социально-экономические предпосылки и подготовка крестьянской реформы. М., 1966.
10. *Кони А.Ф.* Великий князь Константин Николаевич // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем : в 6 т. М., 1911. Т. 5.
11. *Манько А.В.* Чтения об особах российского императорского дома. М., 1994.
12. *Хок С.* Банковский кризис, крестьянская реформа и выкупная операция в России. 1857—1861 // Великие реформы в России. 1856—1874 / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992.
13. *Левичева И.Н.* Становление и развитие Государственного банка // Из истории государственной кредитной системы России. Вторая половина XVIII в. — начало XX в. М., 2004.
14. *Китанина Т.М.* Индустриализация и железнодорожная политика правительства в 1880-е — 1917 г. (К вопросу об экономическом освоении Севера Европейской России) // Россия и мир в конце XIX — первой половине XX в. : сб. к 85-летию Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2017.
15. *Дживелегов А.К.* Николай Алексеевич Милютин // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем : в 6 т. М., 1911. Т. 5.
16. *Гагемейстер Ю.А.* «О финансах России» и о необходимых мерах по их упрочению, начало 1856 г. // Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). СПб., 1999.

17. *Левичева И. Н.* Ламанский Евгений Иванович. Управляющий Государственным банком в 1867—1881 годах // Из истории государственной кредитной системы России. Вторая половина XVIII в. — начало XX в. М., 2004.

18. *Российский* государственный исторический архив.

19. *Китанина Т. М.* Несколько соображений по поводу отмены крепостного права 19 февраля 1861 г. // Социально-культурные аспекты истории экономики России XIX—XX веков : тр. исторического факультета СПбГУ. СПб., 2012. Т. 9.

20. *Записки А. И. Кошелева.* М., 1991. Ч. 1.

21. *Кошелев А. И.* О нашем денежном кризисе. М., 1864.

22. *Китанина Т. М.* О периодизации аграрного развития России в пореформенные десятилетия XIX в. в связи с правительственным законодательством // Проблемы аграрной истории Северо-Запада России. К 150-летию отмены крепостного права в России : тр. межрегион. науч. конф. Псков, 2011.

**Земства и неземледельческие промыслы крестьян
северо-западных губерний России
во второй половине XIX — начале XX века**

На основе разнообразных материалов, преимущественно земского происхождения, изучена история деятельности местных органов самоуправления Новгородской, Псковской и Санкт-Петербургской губерний, нацеленной на становление, развитие и поддержку местных крестьянских промыслов в пореформенный период.

Based on a variety of materials, mainly of zemstvo origin, the article studies the history of local self-government bodies' activity of the Novgorod, Pskov and St. Petersburg provinces, which aimed to establish, develop, and support local peasant occupations during the post-reform period.

Ключевые слова: северо-западные губернии России, крестьянство, Новгородское земство, Псковское земство, Санкт-Петербургское земство, земские сборы, местные крестьянские промыслы.

Keywords: north-western provinces of Russia, the peasantry, Novgorod zemstvo, Pskov zemstvo, St. Petersburg zemstvo, zemstvo fees, local peasant occupations.

Наряду со строительством и обустройством школ и больниц, наймом учителей и врачей, развитием дорожной инфраструктуры, благотворительными акциями, поддержкой населения во время недорода, голода и прочих стихийных бедствий в обязанности местных органов самоуправления было вменено оказание помощи крестьянам в организации и развитии местных крестьянских промыслов. На рубеже XIX—XX вв. с проведением столыпинской аграрной реформы и ростом единоличных хозяйств все более заметное место в работе земств получает пропаганда агрономических знаний, организация

курсов для агрономов, статистиков, фельдшеров, учителей, открытие школ и курсов по обучению различным ремеслам, создание условий для развития кустарного производства. В качестве условия выполнения земствами многочисленных обязанностей им было предоставлено право облагать население уездов сборами и повинностями на земские нужды.

Собранные земскими статистиками различные сведения о состоянии крестьянских неземледельческих промыслов оказывали положительное влияние на дальнейшую деятельность земств.

До 90-х гг. XIX в. земства, в том числе в северо-западных губерниях России, лишь эпизодически уделяли внимание решению проблем, связанных с состоянием крестьянских промыслов. В первые пореформенные десятилетия земцы предпочитали заниматься проблемами народного образования и здравоохранения, а ситуация с крестьянскими промыслами оставалась на периферии интересов местных органов самоуправления. Положение начало заметно меняться на рубеже XIX—XX вв. Динамику расходов земств на развитие крестьянских промыслов в это время иллюстрируют данные таблицы.

Расходы земств на развитие промыслов, устройство и содержание учебно-ремесленных заведений и мастерских (руб.)

Губерния	1898	1900	1902	1904	1906	1908	1909	1910	Общая сумма расходов на сельское хозяйство	Расходы на промыслы
Новгородская	700	870	2704	7702	5837	7474	31 510	35 441	131 726	92 238
Псковская	870	500	300	600	685	750	1300	2269	56 190	7274
Петербургская	300	430	1400	3515	4115	6931	14 544	8899	79 627	40 143

Составлено по: [1, с. 3].

Создавая условия для более широкого распространения промыслов в крестьянской среде, земства рассчитывали уменьшить отток рабочей силы из деревни из-за значительного распространения отходничества. Кроме того, при составлении своих планов земства принимали в расчет последствия сельскохозяйственного кризиса 1880—1890-х гг., сопровождавшегося упадком крестьянских хозяйств, ростом недоимок, сокращением площади душевого надела, то есть

крестьянским малоземельем. Крепнущая нацеленность земств на развитие местных промыслов была направлена в том числе на повышение производительности крестьянских хозяйств для увеличения сбора налогов. Как отметил С. А. Фукленков, «деятельность земств по сохранению и развитию крестьянских промыслов была продиктована не только их намерением повысить и стабилизировать доходы крестьян, но и стремлением обеспечить устойчивые налоговые отчисления земледельцев в земскую казну» [2, с. 17]. Однако общий объем помощи крестьянским хозяйствам, в том числе в развитии промыслов, оказался незначительным и не принес ощутимых изменений.

Поскольку экономическая и организационная помощь кустарям не относилась к основным направлениям деятельности земств, то она носила несистематический характер. Она включала в себя организацию учебных мастерских и проведение кустарных выставок в своем уезде; доставку кустарной продукции на выставки, проводившиеся в других уездах и губерниях; учреждение кустарных складов; посредничество в получении государственных заказов. Контакт кустарей и покупателей, продажа сырья со складов и скупка кустарной продукции, а также значительные государственные заказы способствовали решению стоявших перед крестьянами-промышленниками проблем сырья и сбыта продукции кустарного производства. Ведь, по мнению земских деятелей, задачи по развитию промыслов были «тесно связаны со сбытом изделий» [1, с. 120]. Заметную роль играли земства в повышении технической грамотности кустарей, в деле правового регулирования отношений между производителями и покупателями крестьянской ремесленной продукции.

Для определения роли земских органов в становлении и развитии крестьянских промыслов большой интерес представляют опубликованные документы земств. Наибольшей информативной ценностью обладает делопроизводственная документация земских учреждений, в которой центральное место занимают отчетные документы, представленные докладами и отчетами. Обзоры деятельности земств позволяют выяснить пути и способы поддержки крестьянской промышленности со стороны правительства, определить уровень и перспективы развития крестьянских промыслов.

Документы земского происхождения раскрывают основное содержание и направленность политики земств северо-западных губерний по отношению к крестьянским промыслам, обозначают ее основные цели и задачи. Они содержат обширный материал по орга-

низационной и контролирующей работе земств в распространении кустарничества, по производственной и социальной значимости промыслов и т. д. Несомненный интерес представляют находящиеся в отчетах статистические сведения.

Как известно, крестьянские неземледельческие промыслы были особым сектором экономики страны, производящим продукцию преимущественно для сельского населения. Земцы, хорошо знавшие то экономическое положение, в котором находились крестьянские хозяйства, понимали, что земледельческие семьи не могут существовать только на доходы от сельского хозяйства. Денежные поступления от занятий промыслами были необходимы крестьянам прежде всего для уплаты податей и повинностей, ремонта сельхозорудий, покупки недостающего хлеба, одежды и обуви [3, с. 1]. Примером может служить состояние бюджета крестьянской семьи, считавшейся в д. Плосково Крестецкого уезда «исправной». Семья состояла из домохозяина Тимофея Матвеева (34 года), его жены Анны (25 лет), матери (75 лет), брата Степана Матвеева (30 лет), двух племянниц (17 и 21 год) и дочери (7 лет). В хозяйстве было 4,5 душевых надела, кроме того, Т. Матвеев арендовал у помещика С. 1 дес. лядин за 12 руб. (из 3-й доли урожая), у землевладельца Щ. арендовал 2 дес. пашни за 16 руб. (тоже из 3-й доли). У крестьянской общины д. Вороново бралась в аренду 1 дес. покоса за 2 руб. 50 коп. (деньгами). Хозяйство Тимофеева содержало 2 лошади, 1 жеребенка, 5 коров, 1 нетеля и 4 овцы. Годовой доход от сельского хозяйства составил 418 руб. 20 коп., а расход — 431 руб. 01 коп. Таким образом, в конце года даже состоятельная по меркам крестьян семья не могла свести концы с концами. Такая ситуация делала неизбежным обращение крестьян к тому или иному неземледельческому промыслу для покрытия дефицита [4, с. 29—31]. Как отмечали современники, усиливающийся из года в год экономический упадок крестьянских хозяйств Великолукского уезда является «прямым доказательством маловыгодности земледельческого труда, заставляет население искать жизненные ресурсы в побочных промыслах и занятиях» [5, ф. 395, оп. 1, д. 1107, л. 8].

Не следует забывать, что участие земледельцев в местных и отхожих промыслах позволяло крестьянам более эффективно использовать рабочую силу семьи в течение всего года. Одна из особенностей становления и развития крестьянских промыслов в северо-западных губерниях страны состояла в наличии в населенных пунк-

тах не одного-двух, а нескольких промыслов, обслуживавших местное население. Другая особенность заключалась в том, что новые промыслы возникали значительно реже, чем, например, в нечерноземном центре страны. Как отметил в одной из своих работ А. А. Рыбников, хорошо знавший регион, на Северо-Западе России «новые навыки не прививались в деревне» [1, с. 26].

Имелись здесь и крупные промысловые центры. Таким был знаменитый на всю Россию Уломский железоделательный промысел в Новгородской губернии. Он характеризовался значительной концентрацией мелких промышленников, значительными объемами производства гвоздей из привозного сырья и вывозом готовых изделий на отдаленные рынки [6, с. 11—16]. В конце XIX столетия Новгородским губернским земством в Уломском гвоздарном районе было проведено «особенно тщательное обследование». Причиной такого внимания со стороны земства стало неуклонное сокращение промысла. На основе полученной информации земство намерено было выработать меры и тактику поддержки промысла и улучшения экономического положения «беднеющих кустарей» [7, с. 266].

В 1911 г. Новгородское губернское земское собрание констатировало, что населению губернии не хватает ежегодно около 1 млн пудов ржи и оно вынуждено покупать хлеб за счет доходов от сельского хозяйства, а также от промыслов — местных, преимущественно лесного и рыболовного, кустарных и отходничества. Перед кустарным бюро, учрежденным в 1910 г. при губернской земской управе, была поставлена задача организации среди крестьян артелей, товариществ и т. д. При содействии бюро в д. Долгово Новгородского уезда была организована 1-я Подберезская трудовая артель крестьян-шаечников. В течение полугода члены артели изготовили и продали около 50000 шаек на 2400 руб. Более половины продукции было реализовано в Петербурге по 55—60 руб. за 1 тыс. шаек, а остальная продана на месте скупщикам. На свои операции артель получила незначительную ссуду из средств губернского земства [7, с. 268—269].

Весной 1911 г. при поддержке кустарного бюро были созданы две артели сапожников в Череповецком уезде. Бюро взяло на себя обязанность обеспечить членов артелей казенными заказами через интендантство. Практически одновременно кустарное бюро сумело организовать артели: столярную в с. Черемош и перчаточно-вязальную в с. Рядок Боровичского уезда. В с. Улома Череповецкого уезда

было создано кредитное товарищество. Губернское земство неоднократно выделяло до 50 руб. на проведение уездными земствами и сельскохозяйственными обществами кустарных выставок. В 1912 г. Новгородским губернским земством было запланировано израсходовать около 6 тыс. руб. на развитие кустарной промышленности [7, с. 270].

Одним из традиционных крестьянских промыслов Новгородской губернии во второй половине XIX — начале XX в. была строчевая вышивка (строчка по полотну или холсту), получившая широкое распространение в Крестецком, Валдайском и Демянском уездах. Удивительная прочность красивых белых узоров, изготовленных новгородскими мастерицами, обеспечивали постоянный и широкий сбыт изделий как в городе, так и в деревне. Сохранившиеся в крестьянских семьях трудовые навыки, передача их от одной вышивальщицы к другой (чаще всего от матери к дочери), растущий спрос на разнообразные изделия со стороны сельских и городских потребителей способствовали не только сохранению, но и дальнейшему развитию «крестецкой строчки», вовлечению в промысел крестьянских женщин и девушек [1, с. 120].

На рубеже XIX—XX вв. Крестецкое уездное земство предпринимает ряд мер, направленных на сохранение и развитие промысла. Начало было положено организацией земством в 1905 г. в Крестцах кустарного склада для приобретения изделий у местных мастериц. На развитие сбыта готовой продукции Главное управление земледелия и землеустройства (ГУЗиЗ) выдало земству беспроцентную ссуду в 3 тыс. руб., кроме того, земство ежегодно получало от ГУЗиЗ пособие на содержание кустарного склада. За год крестьянки трех уездов изготавливали изделий примерно на 80 тыс. руб., причем большая часть продукции сбывалась через кустарный склад Крестецкого земства. К 1913 г. крестецкий склад вывозил готовую продукцию в Москву, Киев, Одессу, Новгород, Старую Руссу, Кострому, Вологду, Нижний Новгород, а также в Англию, Данию, Швейцарию и Нидерланды [7, с. 270; 8, с. 1]. Для снабжения мастериц строчечного промысла льняным холстом земство открыло в д. Клюкшино ткацкую мастерскую. В организации, приобретении оборудования и содержании мастерской ГУЗиЗ оказало земству финансовую поддержку.

Помимо развития строчечного промысла, Крестецкое земство оказывало серьезную поддержку крестьянам с. Лажины, изготавливав-

шим колеса. Кустарный склад закупал для продажи промысловикам ободы и колесный вар в Москве и Нижнем Новгороде. Также через склад шел сбыт изделий колесников [7, с. 270].

При поддержке земства в 1907 г. в с. Старое Рахино четыре семьи – Галдины, Добрягины, Грунины и Левашовы, в которых трудились известные в округе строчильщицы, объединились в потребительское общество «Артель». Позднее, в 1913 г. в уезде было организовано Крестецкое кустарное сельскохозяйственное товарищество, которое обеспечивало вышивальщиц материалом и организовывало сбыт готовых изделий в Петербурге [9, с. 258]. Среди мер поддержки земством строчевого промысла заметное место занимало снабжение мастериц материалами и новыми образцами узоров для изделий, а также организация сбыта готовых изделий за пределами промыслового района. Эта линия деятельности земства была отмечена в обзоре по кустарной промышленности в России (1913) как деловой и продуманный подход к организации промысла. «Земская управа в Крестцах не только раздает работу строчечам, но и выдает материал крестьянкам, входит в сношение со складами как в Петербурге, так и в Москве, — было записано в отчете, — и дает вышивальщицам возможности пользоваться новыми рисунками... Кроме того, заказы со стороны земства имеют еще то благотворное влияние, что изменяют отношение скупщиц к крестьянкам, так как кустарный склад при земской управе регулирует цены на труд и этим не дает возможность сбывать изделия по низкой расценке скупщицам» [10, с. 419]. Крестьянки вышивали столовое и постельное белье, используя полотно и холст. В 1898 г. земством была открыта школа ткачества для обучения девушек работе на улучшенных станках-самолетах [11, с. 104].

Наиболее распространенной формой поддержки земствами крестьянских промыслов являлась организация учебных мастерских. Первым типом мастерской была так называемая передвижная мастерская, состоявшая из нанятых земцами специалистов, переезжавших из деревни в деревню, консультируя и обучая крестьян новым приемам работы и знакомя их с более производительными орудиями труда. Второй тип мастерской представляла стационарная мастерская, оборудованная всем необходимым, где в течение 1—2 лет опытные мастера обучали крестьянскую молодежь и взрослых ремеслу. Как правило, земство открывало такие школы-мастерские в центре распространения того или иного промысла. Особенностью третьего типа учебной мастерской было наличие не только квалифицированных специалистов, но и склада с необходимым крестьянам-про-

мышленникам сырьем. Такая школа-мастерская покупала изделия крестьян с последующей их реализацией, в том числе на всероссийских ярмарках.

В целях развития ткацкого промысла земство Старорусского уезда организовало в 1898 г. «школу ткачества», в которой приглашенный земством инструктор обучал ткацкому производству крестьянских девушек; изготовленная ими продукция сбывалась через уездный кустарный склад. После завершения курса обучения бывшим ученицам бесплатно вручались станки с набором необходимых в производстве принадлежностей [11, с. 104]. В интересах развития столярного промысла и корзиноплетения в 1904 г. земство учреждает Ольгинский детский приют, где дети из бедных крестьянских семей получали начальное образование и обучались ремеслу. Позднее, в 1907 г. земство при материальной поддержке Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики ГУЗиЗ открыло в с. Нелючи мастерскую по корзиноплетению [7, с. 271].

Различные факторы — ситуация с сырьем, изменения в рыночной конъюнктуре, совершенствование транспортной системы и т.д. — либо ускоряли развитие отдельных промыслов, либо вели к их затуханию и практически полному исчезновению. Так случилось со знаменитым белозерским вышивальным промыслом. Появление швейных машин компании «Зингер» и последующее их широкое распространение привело к тому, что вышивальщицы предпочли кружевному промыслу «изготовление белья для фабричных рабочих» [12, с. 108].

В Боровичском уезде Новгородской губернии был широко распространен машинно-вязальный промысел. Возник он благодаря одному из местных жителей, привезшему две вязальные машины из Москвы, куда он ходил на заработки. Вначале промысел распространился в селениях Рядовской волости, а затем закрепился в других волостях уезда. К рубежу XIX—XX вв. в деревнях Рядовской волости находилось до 1000 вязальных машин, на которых изготавливали перчатки, чулки и носки. Продукцию крестьяне сдавали скупщикам, а те, в свою очередь, везли изделия валдайских кустарей в Москву, Нижний Новгород, сибирские губернии и Маньчжурию.

Средний заработок занятых в промысле крестьян редко превышал 3—4 руб. в месяц; продолжительность рабочего дня составляла 12—13 часов. Трудились на вязальных машинах преимущественно подростки, в отдельных деревнях вязаньем заняты были взрослые мужчины и женщины.

Члены возникшей в с. Рядок Рядовской волости Сутокской перчаточно-чулочной артели обратились в земское кустарное бюро за кредитом на покупку пряжи и для получения помощи в организации заказов на свои изделия. Земство предоставило артели «пособие» (конкретная сумма не указана) и помогло получить заказ от Главного интендантского управления на изготовление перчаток для воинских частей [13, с. 438—440].

Внимание Валдайского земства было сосредоточено преимущественно на развитии ткацкого и строчечного промысла, а также на сбыте крестьянских холстов и строчечных изделий. С этой целью был открыт кустарный склад в г. Валдай. На его организацию земство получило пособие в 2 тыс. руб. от ГУЗиЗ [7, с. 272].

По мнению современников, Псковская губерния относилась к числу тех губерний, «в которых кустарная промышленность почти не пользуется земским покровительством» [11, с. 112—113; 14, с. II]. Псковское губернское земство установило три главнейшие проблемы в неблагоприятном положении местных промыслов: отсталая техника производства, высокие цены на сырье, а также слабость местного рынка и отсутствие у крестьян возможностей для вывоза готовой продукции за пределы губернии. Был сделан вывод, что уездные земства в деле оказания помощи крестьянам, занятым промыслами, не принимали до сих пор сколько-нибудь «настоячивых, систематических мер», ограничиваясь «случайными, слабыми попытками прийти на помощь кустарному делу». После завершения в 1912 г. обследования кустарных промыслов губернским земством было принято решение «начать планомерную работу по содействию местной кустарной промышленности» [15, с. 146]. В материалах земской управы было записано, что из-за «затяжного сельскохозяйственного кризиса и тесно связанного с ним роста отхода населения на сторону в отхожие промыслы, которые не оказывают существенной поддержки крестьянскому хозяйству, губернская управа полагает, что в настоящее время не только желательно, но и крайне необходимо обратить серьезное внимание на местные кустарные промыслы, приступив к делу организованного им содействия» [15, с. 147].

В Холмском уезде под патронажем земства было создано Холмское общество трудовой помощи, которое через сеть мастерских в г. Холм, с. Жихарево, с. Дунаево и с. Ствольна способствовало укреплению и развитию ткацкого и кружевного промыслов. Из года в год Отдел сельской экономии и сельскохозяйственной статистики ГУЗиЗ выделял обществу деньги на создание мастерских, организа-

цию сбыта готовой продукции, приобретение новых ткацких станков, наем специалистов по ткачеству и кружевоплетению. При непосредственном участии земских работников были организованы курсы по ткачеству при земских школах, а также открыта гончарная мастерская для обучения крестьян изготовлению более качественной керамики [15, с. 148].

В Новоржевском уезде земцы поставили перед собой задачу создать условия для развития ткачества в деревне. На реализацию этой цели земство получило 1 тыс. руб. от Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики ГУЗиЗ. В 1912 г. школа для подготовки ткачих была открыта, в нее принимали крестьянских девушек, имевших начальное образование. В течение двух зим под руководством опытных специалистов крестьянки обучались ткацкому мастерству изготовления изделий как по рисункам, так и по образцам. В земской управе полагали, что такие работницы не только принесут пользу своим семьям, но своим примером повлияют на развитие промысла в деревнях уезда [15, с. 149—151].

Торопецкое уездное земство в 1912 г. приняло решение о подготовке опытных мастеров по корзиноплетению, чтобы они могли трудиться разъездными инструкторами по уезду. С этой целью уездное собрание по предложению управы постановило направить двух крестьян для обучения в знаменитую корзиночную мастерскую в с. Томсин Себежского уезда Витебской губернии [15, с. 150].

В ряде своих работ известный земский деятель и статистик Н. М. Кисляков отметил, что причинами заметного упадка крестьянских деревообрабатывающих промыслов в Псковской губернии стала «низкая техника» изготовления продукции, рассчитанной на местный «непритязательный спрос», и вытекающая из этого слабая конкурентоспособность изделий псковских крестьян на отдаленных рынках. По его мнению, чтобы исправить ситуацию, необходимо было обеспечить крестьян-промышленников сырьем, более производительными орудиями труда и обязательно знакомить их с конъюнктурой рынка. Такие задачи были вполне под силу земствам, которые могли бы «направить исконные привычки кустаря в более нормальное русло, и тем создали бы для него более прочное экономическое положение» [16, с. 56—57; 17, с. 20].

Статистическое отделение Санкт-Петербургской губернской земской управы еще в 1900—1901 гг. произвело сплошное подворное статистико-экономическое обследование крестьянских дворов. В результате возникла цельная картина положения в сфере кустарных

промыслов [18; 19]. Выяснилось, что значительную часть рабочего времени крестьяне практически всех уездов столичной губернии уделяли промыслам. А в Новоладожском и Шлиссельбургском уездах промыслы являлись уже не подспорьем к сельскохозяйственным занятиям земледельцев, а главным источником существования крестьян [15, с. 277]. До начала XX столетия участие губернского земства в области промысловой деятельности крестьян сводилось в основном к выдаче отдельных денежных сумм уездным земствам: Лужскому – 900 руб. на содержание столярно-слесарной мастерской в с. Хредино, Царскосельскому — на развитие в уезде производства черепицы и кирпича и т. д. Губернской земской управой регулярно выделялись суммы в 50—150 руб. для организации выставок кустарной промышленности [15, с. 278—279].

Шлиссельбургское уездное земство содержало в с. Марково столярную мастерскую, здание для которой было построено на средства А. В. Дидрикса. В мастерской обучались не только дети, но и взрослые крестьяне. На ее содержание земство ежегодно выделяло свыше 500 рублей.

Петергофское уездное земство содержало ткацкую, сапожно-шорную и столярную учебно-показательные мастерские, причем ткацкая и шорная мастерские были открыты на средства земства и бывшего председателя уездной управы Е. И. Ламанского [11, с. 115]. В ткацкой мастерской учениц обучали приемам изготовления различных материй, платков, полотенец, скатертей, ковриков и половиков, шитью мужского и женского белья и одежды. Все ученицы содержались на средства земства, с этой целью ежегодно расходовалось около 1100 руб. После завершения обучения ученицы разъезжали по домам, способствуя таким образом распространению ткацкого промысла. В сапожно-шорной мастерской учеников обучали изготовлению кожаной и валяной обуви, а также различной упряжи для лошадей. Средства на содержание мастерской выделялись земской управой; кроме того, 150 руб. ежегодно поступали из мирских сумм Константиновской волости [15, с. 280].

Лужское уездное земство в 1903 г. открыло мастерскую по обработке дерева и металлов. Мастерская имела общежитие для учащихся и склад с инструментами и материалами; содержалась на средства уездного земства, часть денег выделяло губернское земство и казна. Ученики получали необходимые умения и навыки изготовления разнообразной продукции, находившей сбыт среди местных крестьян. Занимаясь промыслом, крестьяне не порывали и с земледелием [15, с. 280].

Заметную роль в становлении местных крестьянских промыслов сыграла деятельность Царскосельского уездного земства. Земцы ежегодно оказывали финансовую поддержку в 150 руб. Красносельскому сельскохозяйственному обществу, учредившему школу по подготовке швей. Ежегодно уездное земство расходовало свыше 200 руб. на содержание рукодельно-ткацкой школы в д. Ванга-Мыза. Столько же денег выделяло школе губернское земство [15, с. 281—282]. Особенностью Санкт-Петербургской губернии было то, что в своей деятельности по развитию крестьянских промыслов уездные земства опирались на поддержку, которую получали от многочисленных сельскохозяйственных обществ.

Земства занимались главным образом вопросами финансирования, организационно-хозяйственной работой и популяризацией крестьянских промыслов. Сюда входили выдача ссуд кустарям, пропаганда кустарных промыслов и организация мероприятий по их развитию, устройство учебных мастерских, создание складов кустарных изделий, организация кустарных выставок.

Земские работники осуществляли программы повышения общей и профессиональной грамотности кустарей, помогали в улучшении сбыта продукции и получении крестьянами-промысловиками доступных кредитов.

Следует назвать ряд объективных и субъективных причин низкой результативности земских проектов в области помощи крестьянству. К объективным причинам можно отнести недостаточное финансирование земских проектов правительством. Субъективные причины состояли в том, что отдельные земские деятели не всегда ответственно относились к своим обязанностям, а некоторые земства не смогли определиться, организовывать свою деятельность как коммерческую, с целью получения прибыли, или заниматься только опытно-показательными мероприятиями и благотворительностью.

Служащие земств не всегда прилагали достаточно усилий в деле привлечения крестьян на свою сторону, поэтому крестьяне в массе своей оставались равнодушными к земским начинаниям, считая их очередной «барской забавой». Земцы же предпочитали сетовать на «темноту» и консервативность крестьян.

Список источников и литературы

1. Рыбников А.А. Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий: доклад Организационному бюро по созыву Земского съезда по вопросам о совместной деятельности земств по сбыту кустарных изделий. М., 1913.

2. *Фукленков С. А.* Кустарные промыслы Новгородской губернии в конце XIX — начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008.
3. *Новгородская* губернская земская управа. Доклад о кустарной промышленности. Новгород, 1893.
4. *Хозяйственно-экономический* очерк д. Плосково и Сергеево Устьяволенской волости Крестецкого уезда. Крестец, 1883.
5. *Российский* государственный исторический архив.
6. *Никулин В. Н.* Гвоздарный промысел крестьян Новгородской губернии во второй половине XIX — начале XX века // Вестник РГУ им. И. Канта. 2010. Вып. 12: Сер. Гуманитарные науки.
7. *Обзор* деятельности земств по кустарной промышленности : в 3 т. СПб., 1913. Т. 1.
8. *Ярыш В. И.* Новгородский промысел «крестецкая строчка»: передача ремесленных знаний до и после революции // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2018. №2 (14).
9. *Бутылина С. И.* Из истории образования крестецкого строчкового промысла (конец XIX — начало XX в.) // Новгородский край : матер. науч. конф. Л., 1984.
10. *Беренс К. С.* Вышивальный промысел в России // Кустарная промышленность России. Женские промыслы. СПб., 1913.
11. *Обзор* деятельности земств по содействию экономическому благосостоянию населения, по данным за 1898 год. СПб., 1902.
12. *Давыдова С. А.* Очерк кружевной промышленности в России // Кустарная промышленность России. Женские промыслы. СПб., 1913.
13. *Свидерская Е. О.* Кустарный вязальный промысел // Кустарная промышленность России. Женские промыслы. СПб., 1913.
14. *Обзор* деятельности земств по кустарной промышленности : в 3 т. Т. 3. СПб., 1916.
15. *Обзор* деятельности земств по кустарной промышленности : в 3 т. Т. 2. СПб., 1913.
16. *Кисляков Н. М.* Восточный болотный район Псковской губернии (физико-географический и статистический очерк). Псков, 1905.
17. *Кисляков Н. М.* Экономическое положение сельского населения Псковской губернии в зиму 1907—1908 гг. (Статистическая справка). Псков, 1908.
18. *Кустарные* промыслы Санкт-Петербургской губернии. СПб., 1902.
19. *Промыслы* крестьянского населения Санкт-Петербургской губернии. СПб., 1908—1914.

**«Хозяин... только тот, кто все знает,
все умеет, все предвидит...»:
Сергей Федорович Шарапов (1855—1911)**

В работе комплексно проанализированы хозяйственные взгляды и просветительская деятельность известного помещика-рационализатора, экономиста, публициста, издателя и общественного деятеля С. Ф. Шарапова.

The work comprehensively analyzes the economic views and educational activities of the famous landowner-rationalizer, economist, publicist, publisher and public figure S. F. Sharapov.

Ключевые слова: Россия, аграрная история, С. Ф. Шарапов, рационализация.

Keywords: Russia, agrarian history, S. F. Sharapov, rationalizing.

Имя С. Ф. Шарапова в конце XIX — начале XX в. было хорошо известно в России [1; 2, с. 5—6]. Между тем после революционных событий в октябре 1917 г. и прихода к власти большевиков интерес к его аграрно-хозяйственному и идейному наследию почти не проявлялся: сыграли свою роль и его дворянское происхождение, и принципиальная позиция по твердому отстаиванию национальных хозяйственных и социокультурных интересов. Советские ученые, как правило, характеризовали его как «русского реакционного публициста». В последние два десятилетия ситуация, однако, существенно изменилась к лучшему: опубликованы (переизданы) как важнейшие сочинения С. Ф. Шарапова [3; 4], так и ряд научных трудов современных ученых, в которых анализируются его общественно-политические [5; 6, с. 1156—1159; 7, с. 58—60] и финансово-экономические [8, с. 40—49; 9] взгляды.

Вместе с тем важные вопросы, касающиеся как многолетней деятельности С. Ф. Шарапова в качестве помещика-рационализатора,

так и его взглядов по ключевым аграрным проблемам, остаются неизученными. Исключение составляют отдельные попытки анализа в историко-краеведческих работах [10—12]. Кроме того, целый ряд хозяйственных сочинений С. Ф. Шарапова до сих пор не переиздан.

Сергей Федорович Шарапов родился 1 июня 1855 г. в дворянской семье. Старинный дворянский род Шараповых, ведущий родословие с середины XVII в., был записан в VI части родословных книг Саратовской и Воронежской губерний. Мать С. Ф. Шарапова, Лидия Сергеевна, происходила из древнего рода столбовых дворян Лыкошиных (вели родословие от польского шляхтича Ильи Лыкошина); отец, Федор Федорович, в 1853 г. приобрел небольшое имение Сосновка в Вяземском уезде Смоленской губернии.

Сергея Шарапова с детства отличали исключительное трудолюбие, любовь к чтению и учебе, патриотизм. В 1868 г. он поступил во 2-ю Московскую военную гимназию; учился с огромным желанием и энтузиазмом, много читал, в том числе сочинения А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева и Д. И. Писарева. В 1872 г. С. Шарапов окончил с отличием военную гимназию и поступил в Николаевское инженерное училище в Санкт-Петербурге, в котором особое внимание в процессе обучения уделялось естественным наукам.

Однако закончить «полный трехлетний курс» Шарапову не удалось (помешала болезнь матери), и в 1874 г. он увольняется из Инженерного училища в чине подпоручика и возвращается в Сосновку. В августе 1875 г. он поступает на государственную службу и работает чиновником в Варшаве в канцелярии местного губернатора. В это время в русском обществе усиливаются идеи, связанные с поддержкой славянских народов, и патриотически настроенный молодой человек их вполне разделял. Узнав о восстании в Герцеговине, С. Ф. Шарапов принимает «безумное решение — ехать в Герцеговину, сражаться за славянское дело» [13, с. 41]. Осенью 1875 г. («вторым по времени русским добровольцем») он «без паспорта, бросив казенное место», нелегально перейдя границу, отправляется на Балканский полуостров, где в качестве сапера участвует в организации первого восстания в Боснии и руководит военными действиями. Его письма с театра боснийского восстания печатались в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Русском мире». Под разными именами С. Ф. Шарапов неоднократно появлялся в Хорватии, где по доносу был захвачен 1 мая 1876 г. в Загребе венгерскими властями и кин-

тернирован»: препровожден на место жительства в г. Ясберень, а затем в г. Кечкемет «под присмотром полиции». Венгерские власти предполагали в нем российского шпиона.

Во время пребывания под стражей в Ясберене Сергей Федорович «напал на забытую библиотеку», в течение 8 месяцев «прочел от доски до доски» 70-томное парижское издание сочинений Вольтера [13, с. 163] и значительно преуспел в изучении французского языка. И именно в этот период он почувствовал, по его словам, «могучий зов Русской Традиции» [13, с. 163].

В мае 1877 г. С. Ф. Шарапов был отпущен венгерскими властями на свободу в Италию. Его жизнь кардинально меняется: он становится журналистом. Из Италии он отправился в Грецию, затем в Константинополь. Впоследствии он стал и парижским корреспондентом газеты «Новое время», с которой систематически сотрудничал до 1881 г. В Париже С. Ф. Шарапов выступил на литературном конгрессе с речью о правах женщин; там же он прослушал курс земледельческой химии и успел поработать в лаборатории Вилля, исполняя обязанности лаборанта.

Осенью 1878 г. он возвратился в Россию, вышел в отставку и поселился в родной разоренной Сосновке, где даже нечем было пахать («десять лет опекунского грабежа»). Что же предпринял С. Ф. Шарапов, чтобы преодолеть эту тяжелейшую хозяйственную ситуацию? В кратчайшее время он восстанавливает старую кузницу, изобретает и сам изготавливает собственный одноконный плуг, испытывает его, распахивает «облоги» и уже 5 ноября 1878 г. основывает мастерскую по изготовлению плугов [14, с. 25].

Рационализатор внимательно изучал опыт грамотного хозяйствования на земле, и прежде всего богатейшее аграрное наследие А. Н. Энгельгардта, который успешно хозяйствовал в своем смоленском имении Батищево и со второй половины 1870-х гг. разрабатывал идею «интеллигентной деревни» [15; 16, с. 315—326; 17, с. 184—193].

Практические результаты деятельности молодого хозяина были замечены уже в первые годы. В 1880 г. Смоленское губернское земское собрание предложило С. Ф. Шарапову расширить работы по совершенствованию конных плугов. Он начинает участвовать в сельскохозяйственных выставках, где представляет продукцию собственного изобретения, активно сотрудничает с журналами «Земля» и «Новое время», газетой «Смоленский вестник».

С. Ф. Шарапов знакомится с И. С. Аксаковым, становится его преданным учеником и близким другом, начинает сотрудничать с ним (под псевдонимом Талицкий) в его только что основанной еженедельной газете «Русь». Внимательно изучая труды А. С. Хомякова, К. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина, он разделял многие идеи И. С. Аксакова и даже считал себя духовным наследником великого писателя и мыслителя России.

В 1881 г. С. Ф. Шарапов прочел в Императорском Московском обществе сельского хозяйства (ИМОСХ) содержательный доклад на тему «Малоземелье как результат ненормальных отношений труда к вознаграждению в крестьянском хозяйстве» [18, с. 9—58]. Прежде всего он отметил негативные последствия Крестьянской реформы 1861 г., все еще продолжающие оказывать воздействие на аграрный строй России. «Вместо всеобщего благоденствия... наступило всеобщее обеднение, — писал Шарапов. — Непосредственно вслед за реформой на пространстве целой России стал заметен быстрый экономический регресс населения, продолжающийся... неуклонно вплоть до настоящего дня и принимающий все более и более грозные размеры» [18, с. 9].

С. Ф. Шарапов в своем докладе попытался найти ответ на следующий вопрос, волновавший многих его современников: «В малоземельности ли кроется... причина того, что хозяйство крестьян падает с каждым годом все ниже?» [18, с. 13]. Подробно рассмотрев «упадок крестьянского хозяйства» в пореформенной России, автор обратил особое внимание на преобладание экстенсивного крестьянского землепользования [18, с. 15—18].

Общий же вывод С. Ф. Шарапова опирался прежде всего на хозяйственные и социокультурные реалии архаичного крестьянского уклада пореформенной России: «...местный праздник с его чудовищным пьянством есть безусловная потребность крестьянина, и если он нравственно уродлив, то его экономическое значение от этого не изменяется. “Гулевые дни” есть также потребность, совершенно законная для массы, и не составляет причины, а следствие безобразной сельско-хозяйственной системы, в которой заключается главное зло» [18, с. 27—28].

Рассматривая другие факторы, влиявшие на развитие крестьянского хозяйства, С. Ф. Шарапов аргументированно доказывал, что «климат и почва не играют здесь ровно никакой роли» [18, с. 28—30]. Главное заключается в другом: «Экстенсивная система хозяйства,

практикуемая в самых широких размерах нашим крестьянством, есть первая и ближайшая причина того плачевного состояния, в котором находится земледельческий класс. ...*Внешних условий* (здесь и далее курсив наш. — С. К.), тормозящих серьезно земледелие, у нас не существует. Все зло заключается в совершенно нерациональном приложении труда к земле...» [18, с. 31]. Однако, по его мнению, существует *иной* путь — путь *интенсивного* хозяйственного развития, о чем свидетельствует «постепенно увеличивающийся контингент сельских хозяев, ведущих дело “по-новому” и пользующихся очень солидным доходом» [18, с. 33]. Таким образом, заключал автор доклада, «все дело в знании, расчете. И географическая широта здесь ровно ни при чем» [18, с. 33]. Сходных взглядов придерживался и другой авторитетный член ИМОСХ, М. В. Неручев [19, с. 204].

Подробно проанализировав роль общины в крестьянском хозяйстве, включая подавление ею частной предприимчивости отдельных домохозяев, С. Ф. Шарапов, хорошо знавший традиционный деревенский уклад (в том числе в результате регулярных поездок по стране в конце XIX в. [20—22]), пришел к ряду важных выводов. Выделим среди них следующий: необходимо перейти от «экстензивного» к «интензивному» хозяйству, которое «до сих пор... не имело никакого права гражданства в России» [18, с. 50—51]. Примечательно, что аналогичную мысль высказывал и Д. И. Менделеев [23, с. 158].

Кроме того, С. Ф. Шарапов полагал, что следует «возвратить почве хотя часть того, что у ней было отнято веками... увеличить... урожаи путем искусственным и дать этим такой толчок нашему сельскому хозяйству, который бы сразу заставил его принять другое направление» [18, с. 51]. Этот «экологический» (в современном понимании) призыв был очень важен, поскольку к концу XIX в. состояние природной среды во многих губерниях страны резко ухудшилось. Следует также учесть, что к мнению автора — авторитетного «сельского хозяина», неустанно пропагандировавшего в этот период рациональные методы хозяйствования [24—27], прислушивались многие современники.

Доклад С. Ф. Шарапова, основные постулаты которого вскоре были развиты им в работе «Будущность крестьянских хозяйств» [28], вызвал большой интерес у членов ИМОСХ. При этом было подчеркнуто, что необходимо принятие действенных мер, направленных на борьбу с массовым деревенским пьянством [29, с. 79—80].

С. Ф. Шарапов не только стал единственным постоянным сотрудником в газете «Русь» (где писал главным образом «по сельскому хозяйству»), но и активно читал лекции в самых разных областях России. Накопленный материал был столь велик, что уже с 1881 г. одна за другой стали выходить его книги и брошюры [20; 30; 31].

Особый научный интерес вызывает сочинение «Пособие молодым хозяевам при устройстве их хозяйств на новых началах» (СПб., 1895), в котором не только подробно излагались взгляды С. Ф. Шарапова на развитие русского сельского хозяйства, но и давались конкретные практические рекомендации по перестройке традиционного хозяйственного быта помещичьих имений с учетом требований буржуазного рынка. Автор подчеркивал: «Причины хозяйственных неудач, неизменно преследующих огромное большинство русских хозяев, могут быть сведены к трем: 1) отсутствие ясно выставленных идеалов, шаткость нравственной почвы и, вследствие этого, сомнения и противоречия; 2) незнание научных законов, управляющих земледелием и прикосновенными к нему сельскими производствами, и 3) ошибки чисто административные, происходящие от неумения организовать и распорядиться делом, то есть правильно оценить, сочетать и пустить в ход наличные силы и средства» [26, с. 1]. Примечательно, что на первое место он поставил «беспринципность», а затем уже «незнание» и «неумение», что отразило также общие «почвеннические» (национально-хозяйственные) подходы рационализатора и просветителя. Откуда возникли такие приоритеты, в целом нехарактерные для русской экономической мысли конца XIX в.?

Ответ на этот вопрос дал сам С. Ф. Шарапов, по мнению которого, именно «нравственная сторона частновладельческого земледельческого предприятия» (помещичьего хозяйства) играет ключевую роль во всей системе аграрного ведения хозяйства: без веры помещика «в правоту, прочность и великое нравственное достоинство своего дела» его хозяйство, ведущееся «чисто механически» («рационально»), по твердому убеждению Шарапова, «будет лишено одной из важнейших и могущественнейших сил» [26, с. 1]. Такой сугубо традиционалистский подход он объяснял прежде всего национальной ментальностью: «Русский человек не может вкладывать свою душу в безнравственное или сомнительное для него дело, или будет работать только из-за нужды, по-чиновнически, готовый ежеминутно уйти от дела, лишь бы избавиться от мучительных сомнений» [26, с. I—II].

По мнению С. Ф. Шарапова, «нравственные условия» русского хозяйства *кардинально отличаются* от «нравственных условий» западноевропейских хозяйств, где полностью правит и властвует «предприниматель-капиталист», «свободный и полноправный», в то время как «безземельная часть населения» («безземельный пролетариат») бесправна и угнетена [26, с. 7]. Поэтому для буржуазных сельских хозяев нравственные проблемы аграрной экономики лишены всякого практического смысла. В России же исторически сложилась совершенно иная ситуация. Здесь у бывшего крепостного крестьянина, получившего землю после реформы 1861 г., «явилась самостоятельная цель бытия»: он стал «крепким земле» и в то же время на его плечи легла «огромная государственная тягость» разнообразных прямых и косвенных налогов [26, с. 8].

Такая ситуация, как отмечал С. Ф. Шарапов, одновременно поставила в трудное положение и помещиков: поскольку «свободного пролетариата» не было, у них возник дефицит квалифицированной рабочей силы [26, с. 9—11]. При этом крестьянское хозяйство стало для помещичьих имений опасным конкурентом.

С. Ф. Шарапов подчеркнул, что уже начиная с момента освобождения крестьян от крепостного права по всей России идет ожесточенная борьба помещиков как с традициями крестьянской общины, так и с предприимчивыми земледельцами [26, с. 14]. Однако выдающийся российский рационализатор предупреждал об *общенациональной опасности конечной победы любой из этих сил*: «И тот, и другой выход... явления одинаково вредные и нежелательные как с политической, так и с культурной точек зрения. В первом случае неминуемо наступит истощение почв вследствие варварского хозяйства невежественных и бедных земледельцев, во втором Россия не только явит безобразные примеры западно-европейских аграрных порядков (напр., Сицилия), но и далеко перещеголяет их» [26, с. 14—15]. При этом Шарапов опирался в своих выводах как на собственный богатейший хозяйственный опыт, так и на аргументированные заключения А. Н. Энгельгардта [26, с. 15—18].

В этом сочинении С. Ф. Шарапов обращает внимание на еще одну характерную и крайне важную особенность развития отечественного сельского хозяйства. Он отмечал: «В России, и только в России, является условие совершенно незнакомое на Западе и парализующее самым решительным образом всякие агрономические попытки, это условие — полнейшее отсутствие класса полевых работников-специ-

алистов, столь многочисленных на Западе. ...Таких работников... у нас нет и не может быть» [26, с. 18—19]. Причины сложившейся ситуации во многом коренились в архаичных традициях русской крестьянской общины [26, с. 19—20].

Однако автор отнюдь не был пессимистом. Он подчеркивал: «Выход в том, что русское хозяйство, чтобы найти верную нравственную почву, должно быть построено на тесной солидарности барина и мужика, личного землевладельца, являющегося инициатором по насаждению культуры, проводником всяких улучшений и новых форм хозяйства, и крестьянской массы...» [26, с. 25—26]. В качестве примера удачного, а главное, эффективного использования идей сельского российского патернализма на практике С. Ф. Шарапов привел опыт собственного многолетнего хозяйствования. Останемся на нем подробнее.

С лета 1883 г. С. Ф. Шарапов жил в своем смоленском имении Сосновка, которое очень любил. Он продолжал публиковаться в «Руси» и издавать книги. В Сосновке Шарапов построил двухэтажный дом, где были написаны многие его статьи, хозяйственные сочинения и художественные романы.

Еще в 1882 г. Шарапов начинает строительство «настоящей» мастерской и уже в следующем году получает высшие награды на выставках в Курске, Ржеве, Тамбове, а в 1884 г. — в Костроме, где его изобретение превзошло плуги самых известных британских фирм [14, с. 2—3]. Он активно занимается конструкторскими работами и создает около тридцати типов плугов.

Новые земледельческие орудия, изготавливаемые в имении С. Ф. Шарапова, неоднократно удостоивались наград на сельскохозяйственных выставках (в том числе десяти первых премий); его мастерская была награждена орденом Станислава 3-й степени «за сельскохозяйственные заслуги». Эти выставки посещали императоры Александр III и Николай II [32]. В 1903 г. конные плуги С. Ф. Шарапова были отправлены Министерством земледелия в Аргентину на сельскохозяйственную выставку, где также вызвали огромный интерес. Примечательно, что шараповские конные плуги быстро стали популярны у крестьян из-за удобства, простоты и дешевизны.

Смоленское имение Шарапова Сосновка насчитывало 400 дес. земли и было по критериям XIX в. небольшим. Оно носило имя находившейся неподалеку деревни «в 40 дворов и 100 ревизских душ» [26, с. 26]. Вначале имение «совсем не приносило никакого дохода и ед-

ва-едва могло оплачивать убогую администрацию... и вносить земские повинности» [26, с. 26]. С. Ф. Шарапову понадобилась упорная шестилетняя работа, в ходе которой он, как признавался сам, «испробовал всевозможные комбинации с крестьянами» и в итоге остановился на использовании *краткосрочной аренды*. При этом все обязанности помещика и крестьян строго регламентировались [26, с. 27—29], а договоры с крестьянами заключались лишь на ближайший год. Избранный Шараповым метод краткосрочной аренды в итоге оказался самым прибыльным.

В хозяйстве рационализатора успешно применялся десятипольный севооборот «на больших полях» («10 хозяйственных десятин в каждом клину»); кроме того, рядом с усадьбой был выделен особый «семянной севооборот» («по 1 дес. в клину») для разведения «выписных хлебов особого достоинства» [26, с. 27]. Таким образом, С. Ф. Шарапов организовал образцовое сельскохозяйственное производство на землях своего поместья. Сам он полагал собственный опыт хозяйствования, а главное, выстраивания хозяйственных отношений с крестьянами применимым и для других помещиков России [26, с. 31]. Примечательно, что шараповская усадьба быстро стала образцом для многих сельских хозяев; поучиться опыту вяземского рационализатора приезжали специалисты из самых разных уголков страны.

В 1900 г. аграрник выдвинул важную хозяйственно-просветительскую идею, предложив организовать в одном из помещичьих имений Центральной России опытный центр для экспериментальной аграрно-рационализаторской работы, однако эта инициатива не была реализована.

Выделим и более «глобальный» вывод С. Ф. Шарапова, согласно которому «в огромном большинстве губерний внутренней России существуют все необходимые условия для совместной работы барина и мужика» [26, с. 40]. Однако на практике постепенно брали верх иные, разрушительные в своей основе тенденции, связанные с разжиганием пресловутой «классовой борьбы» (согласно догматичной марксистской терминологии). С. Ф. Шарапов с горечью признавал: «Мужик норовит ослабить и обобрать барина, барин норовит обессилить мужика и подорвать его хозяйство. Каждый тянет в свою сторону, и вся Россия ползет врозь, между тем как все ее спасение именно в солидарности элементов личного, интеллигентного, и общинного, массового» [26, с. 41].

Сочинение С. Ф. Шарапова 1895 г. содержало также подробнейшие хозяйственные рекомендации, адресованные «молодым сельским хозяевам» и включавшие простые и эффективные способы улучшения земледелия, животноводства, садоводства и огородничества, а также строительства и пр. [26, с. 43—140]. Характерно, что и эти советы он давал на основе принятой в собственном хозяйстве системы, вне которой, подчеркивал он, «нет будущности у русского частного земледелия!» [26, с. 40]. При этом особое внимание уделялось отношениям с крестьянами, которые, по убеждению С. Ф. Шарапова, нужно вести твердо, прагматично и «по справедливости», с учетом сельской психологии: «Мужик свои услуги считает, и считает твердо, считайте и свои, но *мягче, чуть-чуть великодушнее*, и вас будут носить на руках» [26, с. 140]. Только так, по его мнению, и можно стать истинным сельским хозяином — помещиком, заботящимся не только о своей выгоде, но и о выгоде крестьян, оказывающим им постоянную помощь в рамках традиций сельского патернализма.

Характерная черта всех сочинений С. Ф. Шарапова — *широкий универсальный подход* к любым явлениям хозяйственной жизни. Так, он полагал, что управление помещичьим имением во многом напоминает *управление государством*. Выступая за *широкую государственную поддержку* по отношению к крестьянам [30], аграрник-новатор подчеркивал: «Включение *уездов* в сеть учреждений Большой Казны даст полную возможность развивать и *сельский кредит*, оживить множество небольших крестьянских и владельческих предприятий и создать столь необходимую *зимнюю работу* русскому народу» [33, с. 165].

С. Ф. Шарапов акцентировал внимание читателей на том, что, несмотря на все противоречия пореформенной эволюции русского крестьянства, «буржуазный» вектор развития все же медленно, но неуклонно выходит на передний план, что было связано прежде всего с усилением *частнособственнического начала* [34, с. 6].

Важную роль в усовершенствовании сельского хозяйства России С. Ф. Шарапов отводил земствам. Вместе с тем он резко критиковал земских сотрудников и саму земскую общественную организацию за неумелую и неэффективную работу как в крестьянской, так и в помещичьей среде. Аграрник ярко показал правомерность своих критических замечаний на личном хозяйственном примере, а также на примере родного ему Вяземского уезда [34, с. 14]. Главный же про-

счет, по его мнению, заключался в «неправильной постановке самого земского хозяйства», при которой имело место «постепенно растущее обложение» за счет *ухудшения* положения сельского населения, а не более рациональное и социально-справедливое «создание *собственных земских источников доходов*» и постепенное *сокращение* земского обложения [34, с. 13].

Хозяйственная и просветительская деятельность в творческом наследии С. Ф. Шарапова были теснейшим образом взаимосвязаны во многом благодаря его журналистской работе. С августа 1885 г. его статьи по экономическим вопросам под псевдонимом Талицкий все чаще стали появляться в газете «Русь». Со временем эти материалы позволили составить книгу «Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве» [35].

В августе 1894 г. С. Ф. Шарапов переходит на службу в Министерство государственных имуществ, преобразованное затем в Министерство земледелия и государственных имуществ, и успешно работает под руководством А. С. Ермолова. Осенью того же года он участвует в экспедиции министерства, проехав от Новороссийска до Батума и далее до Тифлиса. Содержательные очерки С. Ф. Шарапова, написанные под впечатлением от этой поездки по «важнейшей южной окраине» России и включившие в себя и аграрные сюжеты, были затем собраны им в книгу «По Черноморскому побережью» (СПб., 1896).

С. Ф. Шарапов был также активным участником славянского движения, состоял вице-президентом Аксаковского литературного и политического общества в Москве.

В 1904 г. Шарапов, ранее, до 1902 г. издававший газету «Русский труд», начинает выпускать в Москве иллюстрированный сельскохозяйственный ежемесячник «Пахарь», однако это издание вскоре разорилось, прекратив существование через год. Возможно, на печальный результат повлияла и активная «славянофильская» общественная позиция его основателя и руководителя, враждебная «власть предержащим»: неслучайно С. Ф. Шарапов в 1906 г. открыто обвинял П. А. Столыпина в заимствовании кадетской аграрной программы, критикуя его также за «неуважение местных сил».

В начале XX в. С. Ф. Шарапов занимался активной политической деятельностью. Непродолжительное время он являлся одним из учредителей и руководителей Союза русских людей, входил в состав его Исполнительного совета (1905). Аграрник участвовал в состав-

лении программы Союза землевладельцев (1905), стоял у истоков Русской народной партии (1905), в которую хотел преобразовать Союз русских людей. Он вел активную общественную деятельность, выступал с докладами в Русском собрании, вместе с тем подчеркивая свою отдаленность от монархических организаций, которые, по его мнению, совершили роковую ошибку, втянувшись в «безнадежные парламентские игры» [36, с. 3]. При этом он аргументированно критиковал процесс «вестернизации» России, выступая за сохранение ее имперского наследия.

В 1906 г. на С. Ф. Шарапова было совершено покушение. Ночью по его кабинету были произведены многочисленные выстрелы, и он чудом остался жив (в соседней комнате спали его дети). Поскольку жестокая «охота» на него продолжалась, он около двух недель скрывался у игумена Донского монастыря, предоставившего ему монашескую келью. Вскоре он уехал на продолжительное время в деревню, однако и там принимал активное участие в делах смоленского земства, посещая собрания и выступая с докладами.

Что же касается взглядов С. Ф. Шарапова по важнейшим проблемам развития сельского хозяйства России последней трети XIX — начала XX в., то они по праву стали краеугольным фундаментом его богатейшего и во многом уникального творческого наследия. Его содержательные разработки включили в себя не только глубокий анализ целого ряда вопросов, связанных с усовершенствованием аграрных отраслей страны, но и конкретные хозяйственные и просветительские инициативы, направленные на улучшение работы местных земств, а главное, *на творческий подъем как помещичьего, так и крестьянского хозяйства*. При этом выдающийся аграрник-практик отнюдь не разделял интересы помещиков и крестьян, рассматривая эти два сословия в качестве *полноправных представителей единого аграрного мира* огромной евразийской державы. Пытаясь найти разумное сочетание дворянского землевладения и общинного крестьянского коллективизма, С. Ф. Шарапов подчеркивал: «Всякий, работающий на земле посредством солнечного луча, есть аграрий... Позвольте русскому аграрию быть в совокупности и барином, и мужиком, то есть всей сельской Русью» [34, с. 18]. К сожалению, многие социокультурные идеи выдающегося аграрника-новатора не нашли поддержки ни в консервативных, ни в либеральных кругах русского общества.

Иная ситуация сложилась в отношении *к аграрным* взглядам и проектам С. Ф. Шарапова. Большинство из них (включая реформи-

рование земской агрономической работы) фактически нашли отражение в практике столыпинских аграрных реформ начала XX столетия, хотя сам Шарапов, выступавший за некапиталистический путь аграрной модернизации России, подверг эти начинания резкой критике [37, с. 15]. Примечательно, что исследовательские подходы, разработанные им применительно к огромному «сельскому миру», активно используются современными учеными при анализе как хозяйственных, так и социокультурных проблем развития России в конце XIX — начале XX в. В стране существует Русское экономическое общество имени С. Ф. Шарапова [38].

Сергей Федорович Шарапов скончался в Санкт-Петербурге 26 июня (ст. ст.) 1911 г. Гроб с его телом из Петербурга был перевезен в Сосновку «на собранные среди друзей деньги», поскольку мыслитель так и не скопил состояния, не оставив ничего после смерти. Похоронен он был 30 июня в с. Заборье у церкви в фамильном склепе. В последний путь его провожали в основном местные крестьяне.

В наши дни многие экономические и публицистические труды С. Ф. Шарапова постепенно возвращаются к читателю. Сохраняется память о нем и на его родной взяемской земле [39]. В 2011 г. благодаря усилиям энтузиастов (А. Я. Алексеенка и др.) удалось установить в Сосновке памятный камень С. Ф. Шарапову. Остается надеяться, что и его содержательные труды по различным вопросам, связанным с историей русского крестьянства, дворянства и отечественного сельского хозяйства в целом, будут по достоинству оценены и востребованы современной аграрной историографией.

Список источников и литературы

1. *Снежков В. Н.* Бехтеев, Шарапов, кн. Цертелев : [Некрологи]. Козлов, 1911.
2. *Струве П. Б.* С. Ф. Шарапов (некролог) // Русская мысль. М., 1911. №8.
3. *Шарапов С. Ф.* Избр. М., 2010.
4. *Шарапов С. Ф.* Россия будущего. М., 2011.
5. *Конягин М. Ю.* С. Ф. Шарапов: критика правительственного курса и программа преобразований. Конец XIX — начало XX в. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.
6. *Репников А. В.* Шарапов Сергей Федорович // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. : энциклопедия : в 2 т. М., 2009. Т. 2.
7. *Ананьев Н. А.* Политическая концепция С. Ф. Шарапова // Русская политология. 2018. №1 (6).

8. *Базулин Ю. В.* Теория «абсолютных денег» С. Ф. Шарапова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2005. Вып. 1.
9. *Катасонов В. Ю.* Экономическая теория славянофилов и современная Россия. «Бумажный рубль» С. Шарапова. М., 2014.
10. *Гурская Н. Г.* Сергей Федорович Шарапов — грани деятельности. АО «Пахарь» в Сосновке. URL: <http://vyazma.library67.ru/stranica-kraevedy-325/stati/sergej-fedorovich-sharapov-grani-deyatelnosti-ao-pahar-v-sosnovke/> (дата обращения: 21.01.2019).
11. *Опарин Е.* Судьба и изменение взглядов С. Ф. Шарапова // Nova-Info.ru. 2016. №47. URL: <https://novainfo.ru/article/6733> (дата обращения: 21.01.2019).
12. *Алексеенок А. Я.* С. Ф. Шарапов — пророк в своем отечестве // Возвращенные имена в контексте историко-культурного наследия региона. Вязьма, 2011. URL: <http://reosh.ru/s-f-sharapov-prorok-v-svoem-otechestve.html> (дата обращения: 21.01.2019).
13. *Шарапов С. Ф.* Мой дневник // Соч. : в 9 т. Т. 1, вып. 1. М., 1900.
14. 20-летний юбилей Сосновской мастерской. 5 ноября 1878 — 5 ноября 1898 г. // Русский труд. 1898. №45.
15. *Шарапов С. А. Н.* Энгельгардт и его значение для русской культуры и науки. СПб., 1893.
16. *Тихонова А. В.* Энгельгардты и их смоленские имения // Русская усадьба. М., 2006. Вып. 12 (28).
17. *Козлов С. А.* Рационализаторская деятельность А. Н. Энгельгардта в области землепользования: социально-хозяйственные аспекты // Землеведение и землепользование в России (социально-правовые аспекты) : матер. XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003.
18. *Доклад д. ч. С. Ф. Шарапова* «Малоземелье как результат ненормальных отношений труда к вознаграждению в крестьянском хозяйстве» // Труды МОСХ. М., 1881. Вып. 8.
19. *Козлов С. А.* Российские ученые-аграрники XIX — начала XX в.: Историко-биографические очерки. М., 2019.
20. *Шарапов С. Ф.* Путешествия по русским хозяйствам. М., 1881.
21. *Шарапов С. Ф.* По русским хозяйствам. Путевые письма из летней поездки 1892 г. в газету «Новое время», дополненные и пересмотренные. М., 1893.
22. *Шарапов С. Ф.* По Черноморскому побережью. Письма из поездки в составе Экспедиции министра земледелия и государственных имуществ осенью 1894 г. СПб., 1896.
23. *Попова Е. В.* Д. И. Менделеев и проблемы сельского хозяйства во второй половине XIX — начале XX в. // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2007. Вып. 14.

24. *Шарапов С. Ф.* Русский сельский хозяин. СПб., 1894.
25. *Шарапов С. Ф.* По садам и огородам. СПб., 1895.
26. *Шарапов С. Ф.* Пособие молодым хозяевам при устройстве их хозяйства на новых началах. СПб., 1895.
27. *Шарапов С. Ф.* Среди хозяев. СПб., 1896.
28. *Шарапов С. Ф.* Будущность крестьянских хозяйств. М., 1883.
29. *Записка* Н.П. Бетлинга. По поводу доклада г. Шарапова // Труды МОСХ. М., 1881. Вып. 8.
30. *Шарапов С. Ф.* Министерство земледелия и его задачи в России. М., 1882.
31. *Шарапов С. Ф.* Будущность крестьянского хозяйства (Критико-экономическая монография). М., 1882.
32. *Шарапов С. Ф.* Пахота в высочайшем Его Императорского Величества присутствии. М., 1903.
33. *Шарапов С. Ф.* Иностраннные капиталы и наша финансовая политика // Соч. Кн. 3. СПб., 1899.
34. *Шарапов С. Ф.* Мирные речи. (Письма в «Неделю») // Шарапов С. Ф. Мирные речи и другие статьи. М., 1900.
35. *Деревенские мысли* о нашем государственном хозяйстве Талицкого (С. Ф. Шарапова). М., 1886.
36. *Шарапов С. Ф.* Земля и воля... без денег : публичная лекция, прочитанная в апреле 1907 г. в Тамбове, Саратове и Смоленске, и доклад, сделанный Чрезвычайному Смоленскому Губернскому Дворянскому Собранию 1 июня 1907 г. М., 1907.
37. *Репников А. В.* Сергей Федорович Шарапов // Шарапов С. Ф. Избр. М., 2010.
38. *Катасонов В. Ю., Рыбковская О. Н.* Концепция деятельности Русского экономического общества им. С. Ф. Шарапова. URL: <https://reosh.ru/sample-page/o-geo> (дата обращения: 06.03.2020).
39. *Сосновка.* На родине Сергея Федоровича Шарапова. URL: <https://prius2.livejournal.com/682656.html> (дата обращения: 21.01.2019).

**Сельское образование и школы
духовного ведомства Орловской губернии
во второй половине XIX — начале XX века**

В статье рассмотрена роль духовного ведомства в развитии сельского начального школьного образования Орловской губернии в конце XIX — начале XX в. Показано, что школы духовного ведомства смогли поднять уровень грамотности сельских детей, хотя он оставался довольно низким.

The article examines the role of the spiritual Department in the development of rural primary school education in the Orel province in the late XIX — early XX centuries. It is concluded that the schools of the spiritual Department were able to raise the literacy rate of rural children, although it remained quite low.

Ключевые слова: приходские священники, начальное образование, церковно-приходские школы, крестьянство, Орловская губерния.

Keywords: parish priests, primary education, parish schools, peasantry, Oryol province.

К середине XIX в. сельское образование в Российской империи было представлено немногочисленными начальными учебными заведениями, в основном расположенными в волостных центрах. Их появление было связано с реформированием государственной деревни по проекту П. Д. Киселева, согласно которому в населенных пунктах, где преимущественно проживали государственные крестьяне, организовывались местные административные органы, больницы и школы. Данный проект в силу отсутствия должной финансовой поддержки не смог решить социально-экономические и культурные проблемы российского села.

Либеральные преобразования 1860-х, особенно земская реформа 1864 г., стали необходимым инструментом в руках государства для

преодоления социально-экономического отставания Российской империи от мировых держав. Одним из важных условий для модернизации экономики, в том числе и в сельском хозяйстве, было увеличение доли грамотного населения в стране.

Благодаря реформе и усилиям органов местного самоуправления повсеместно стали открываться сельские начальные приходские училища. Первоначально они должны были охватить волостные центры и крупные населенные пункты, а впоследствии и остальные, в том числе поселки с малочисленным населением. В отличие от реформы государственной деревни преобразования должны были коснуться и бывших владельческих крестьян.

Параллельно с гражданской школой шло становление и развитие сети одноклассных учебных заведений духовного ведомства. Их основное отличие от земских школ состояло в разнице учебных планов: в церковно-приходских школах основная часть преподаваемых дисциплин совпадала с земскими, но было увеличено время, отводимое на изучение религиозных предметов. Священнослужители выступали учителями, в отличие от гражданских школ, где это было редкостью.

Актуальность изучения модернизации российского образования в его историческом развитии в результате постоянных реформ подтверждается большим количеством научных исследований в этой области. Современная российская историография представлена трудами Т. В. Филоненко, Е. Н. Хабалевой и др. [1, с. 22—24; 2, с. 95—96; 3; 4, с. 137—142; 5, с. 97—114]. Исследователи в основном касались проблем организации школ в стране, анализировали их общее состояние. Среди работ много исследований региональных особенностей развития образовательной среды, в том числе и в сельской местности, хотя роль школ духовного ведомства пока изучена недостаточно полно.

В 1862 г., согласно ведомости о сельских приходских училищах, в Орловской губернии работало 83 училища, в которых трудились 114 учителей [6, ф. 78, оп. 1, д. 1912, л. 5—12]. Общее количество обучающихся составляло 5495 учеников обоего пола, а число сельских учебных заведений в большинстве уездов не превышало пяти.

В 1866 г. состоялось первое собрание Орловской губернской управы, на котором было принято решение создать на территории каждой волости 1—2 училища. С начала 1870-х гг. происходит поступательный рост количества сельских учебных заведений в губернии, о чем свидетельствуют цифры, собранные Орловской губернской управой в 1875 г. (табл.).

Состояние народного образования в Орловской губернии на 1875 г.

Уезд	Ревизские души	Народные училища	Учителя	Ученики (м. п. / ж. п.)	Средства земства, руб.	Средства сельского общества, руб.
Болховский	39383	38	38	1150/68	2250	0
Брянский	38470	48	53	1707/50	3147	1857
Дмитровский	32954	32	32	1240/40	3700	0
Елецкий	76753	50	45	2138/212	6200	2460
Кромский	39960	31	43	1612/88	4025	1277
Ливенский	87575	80	65	3087/91	5750	6667
Малоархангельский	57855	44	44	2579/140	—	—
Орловский	49178	28	28	1109/44	3200	3118
Севский	46217	19	23	365/24	5000	2530
Трубчевский	37431	22	31	627/56	1370	6212

Источник: [6, ф. 525, оп. 1, д. 1028, л. 121].

В 1877 г. на губернском земском собрании было решено распределить расходы и заботы о народном образовании между губернскими и уездными земствами. Приходские школы были немногочисленны, их рост сдерживался отсутствием четкой позиции государства в этом вопросе.

С 1884 г. духовное ведомство активно занялось делом начального сельского образования, что стало новым этапом в деле народного просвещения нашей страны. Епископ Никанор 26 февраля 1889 г. отдал распоряжение Орловской епархии о безотлагательном открытии школ грамоты при тех приходах, где школ не было вообще.

Сведения о первоначальной деятельности церковно-приходских школ Орловской епархии содержит доклад председателя Орловского Петропавловского братства епископа Орловского и Севского Михаила, сделанный в 1890 г. на заседании губернского земского собрания. «...Открытие школ в Орловской епархии началось с 1885 г.», — отмечалось в докладе. Далее епископ Михаил писал: «С тех пор прошло почти 6 лет и число церковно-приходских школ увеличилось. За истекший 1889–1890 уч. г. имеется 152 церковно-приходских школ с 6786 учащимися обоего пола. Кроме того, в ведении епархиального

начальства состоит 108 школ грамотности с 2625 учениками... Епархиальные школы испытывают крайнюю нужду, особенно не хватает учебных пособий и принадлежностей. В виду сего обращаюсь к губернскому земскому собранию оказать возможную помощь заведующему епархиальными школами Орловского Православного Петропавловского Братства для поддержки ЦПШ. При поступлении средств будет осуществлен контроль со стороны земства по расходам братства на школы» [6, ф. 525, оп. 1, д. 1028, л. 32].

По отношению к числу приходов Орловской епархии, в которых не имелось никаких школ, и потому желательно было их учреждение, число существовавших учебных заведений было недостаточным. Но, не говоря об успехе в деле увеличения числа школ, даже открытые ЦПШ существовали на скромные средства населения и поддерживались главным образом личным усердием духовенства и при помощи взносов и пожертвований разного рода.

Методика преподавания и объем учебных дисциплин определяли Министерство народного просвещения и духовное ведомство, в ведении которого находилось то или иное учебное заведение. Для обучения детей не предусматривалось никакого ограничения по сословной принадлежности и вероисповеданию. В случае если не было возможно организовать раздельное обучение мальчиков и девочек, правительство разрешало проводить обучение в начальных народных училищах совместно. Исключение составляли воскресные школы: они учреждались только для обучения детей одного пола.

В 1891 г. в Орловской губернии функционировали 792 сельские начальные народные школы, из которых на долю сельских земских училищ приходилось 491, церковно-приходских — 145 и школ грамоты — 156 [7, с. 47]. Таким образом, учебные заведения духовного ведомства составляли 38% от общего числа сельских образовательных учреждений.

В сборнике статистических сведений Орловской губернии за 1894/95 учебный год [8] дана подробная информация о состоянии сельского начального образования в регионе на тот момент. В первую очередь стоит отметить рост числа учебных заведений духовного ведомства и учащихся в них по сравнению с 1891 г. На их долю приходилось уже 48,3% всех сельских школ. Особенно увеличилось число школ грамоты — до 410. Например, в Елецком уезде число школ, находившихся в ведомстве епархиального училищного совета,

превышало количество светских школ (73 земских и 80 ЦПШ и школ грамоты). В то же время доля светских учебных учреждений (земских училищ) выросла незначительно — до 514.

Обеспеченность крестьянского населения школами была острой проблемой начального образования в целом и предметом дискуссий в кабинетах уездных и губернских чиновников. В среднем одна земская школа приходилась на 80 квадратных верст. В некоторых уездах, например Елецком, явный недостаток светских школ возмещался за счет образовательных заведений духовного ведомства. Из более чем 4100 населенных пунктов Орловской губернии только в 528 имелись светские школы, еще в 144 располагались церковно-приходские школы и в 384 — школы грамоты. Таким образом, только в $\frac{1}{4}$ населенных пунктов губернии были образовательные учреждения [8, с. 3].

Число учащихся церковно-приходских школ губернии существенно колебалось в зависимости от уезда. Например, в Севском и Трубчевском уездах их доля была менее 1% от всего числа школьников, в то же время в Мценском уезде эта цифра превышала 30%. В среднем по губернии доля обучающихся в ЦПШ составляла около 15%. Средний возраст мальчиков, обучавшихся в церковно-приходских школах, был 11 лет, девочек — 10. В школах других типов наблюдалась схожая ситуация [8, с. 23].

Средний срок обучения крестьянских детей во всех типах начальных школ составлял 3,5–4 года. Таким образом, курс обучения, рассчитанный на 3 года, реально осваивался за более длительное время. Это было связано с особенностями крестьянского быта. К учебе в сельских школах приступали в начале октября, а заканчивали в мае. Кроме того, занятия очень часто прерывались из-за сложностей с отоплением учебных зданий, болезней учителей и т. д.

В силу различных причин доля детей, получавших свидетельства об окончании обучения, составляла в земских школах около 10%, в церковно-приходских — менее 5%. Это объяснялось отсутствием у крестьянских детей необходимости в подобном документе. Главная цель посещения школы любого типа — получение практических навыков, необходимых во взрослой жизни, то есть обучение в первую очередь чтению и письму. В школах духовного типа, например церковно-приходских, к перечисленным навыкам добавлялось знание основ православной культуры. Документ об окончании школы был необходим только в случае продолжения обучения в реальном

училище или гимназии, но такие цели крестьянами не ставились. Обучение ребенка в городе требовало больших материальных затрат, к тому же семья лишалась рабочих рук, необходимых в сельском хозяйстве.

Несмотря на успешное развитие сети учебных учреждений духовного ведомства, дирекция народных училищ Орловской губернии признавала, что денежных средств, выделяемых на строительство и содержание церковно-приходских школ и школ грамоты, было явно недостаточно для развития всеобщего начального образования [9, с. 178].

К концу XIX в. на территории Орловской губернии располагалось порядка 683 низших учебных заведений и 912 церковных школ. В сельской местности функционировало 19 министерских школ, 603 начальные школы, 5 двухклассных церковно-приходских, 237 одноклассных и 571 школа грамоты [10, с. 1]. За 1899 г. было открыто 28 церковно-приходских школ и 188 школ грамоты. Таким образом, к 1898 г. церковные школы на территории уезда распределялись следующим образом:

— Болховский уезд — 21 церковно-приходская школа, в том числе Болховского Троицкого мужского монастыря и женского Всесвятского монастыря;

— Дмитровский уезд — 27 церковных школ;

— Елецкий уезд — 27 церковно-приходских школ и 68 школ грамоты;

— Карачевский уезд — 14 церковно-приходских школ и 26 школ грамоты;

— Кромский уезд — 22 церковные школы;

— Ливенский уезд — 41 церковно-приходская школа и 44 школы грамоты;

— Малоархангельский уезд — 55 церковных школ;

— Мценский уезд — 34 церковные школы, в том числе 2 городские церковно-приходские школы (Успенская и Петропавловская);

— Севский уезд — 53 церковные школы [11, с. 48].

Двадцать шестого февраля 1899 г. было опубликовано обращение епископа Никанора к братии с призывом активизировать благотворительную деятельность в целях открытия школ во всех приходах Орловской епархии. Материальную поддержку планировалось получать не только от пожертвований, но и от доходов церкви с продажи

свечей. Благодаря данной инициативе епископа Никанора за один только год удалось открыть 29 новых церковно-приходских школ, 150 школ грамоты и 2 двухклассные школы для крестьян.

По числу школ первое место занимали Ливенский, Елецкий и Орловский уезды. Меньше всего учебных заведений располагалось в Мценском уезде. Некоторые земства предпринимали серьезные усилия для решения вопроса распространения грамотности и смогли увеличить численность школ в 2 раза и более. Другие же не стремились что-то менять, и в таких уездах число школ даже сокращалось, как, например, в Болховском и Брянском, где число школ уменьшилось на 0,85 и 0,65% соответственно.

О реальном состоянии церковно-приходских школ можно судить на примере Елецкого уезда, одного из наиболее успешных в деле реализации народного просвещения в губернии. По состоянию на 1895 г. в уезде числилось 20 ЦПШ, из них 5 в г. Ельце. Половина данных учебных заведений располагалась в непригодных помещениях, принадлежавших либо местным помещикам, либо зажиточным крестьянам. В 3 учебных заведениях были зарегистрированы отказы в приеме новых учеников из-за тесноты помещений, в некоторых отмечались случаи прекращения занятий в зимнее время из-за сложностей с отоплением, а в 5 отсутствовали библиотеки. Бесплатные учебники выдавались во всех школах, но их количество было явно недостаточным. Очень часто дети учились по церковной литературе, которая имела при местной церкви.

Бурный естественный прирост населения, превратившийся в начале XX в. в демографический взрыв, с каждым годом увеличивал количество будущих школьников и, соответственно, влек за собой рост бюджетных средств на развитие хотя бы начального образования в стране. Таким образом, мы подошли к первопричине роста числа духовных школ — особенностям финансирования образовательной сферы.

Содержание церковно-приходских школ и школ грамоты традиционно, как и все имперское начальное образование, испытывало серьезные затруднения. Священнослужители, выполнявшие функции сельского учителя, как правило, не получали денежного довольствия за свою преподавательскую деятельность. Орловский епархиальный училищный совет отмечал, что духовенство губернии учило крестьянских детей либо за символическую плату, либо совсем бесплатно. Эта проблема особенно характерной была для сельской

местности, где основная часть ассигнований поступала от сельских обществ и местного епархиального училищного совета. Таким образом, открытие школ, подчинявшихся духовному ведомству, требовало минимальных финансовых затрат со стороны региональной администрации, что, несомненно, влияло на увеличение их доли в структуре местного начального образования.

По сведениям Первой всеобщей переписи населения 1897 г., общий уровень грамотности населения в Орловской губернии оставался довольно низким — 17,6%. Около 70% мужчин и более 90% женщин губернии были абсолютно безграмотными. Среди крестьянства уровень грамотности выглядел следующим образом: у мужчин — 24,74% и 3,88% у женщин. Ситуация по уездам могла сильно различаться: например, в Елецком уезде проживало 135 792 лиц мужского пола и 145 150 женского (сельского населения), среди которых грамотными являлись 41 225 (30,35%) мужчин и 13 187 (9,08%) женщин [12, с. 19].

За период с 1890 по 1900 г. число сельских начальных народных училищ увеличилось на 28,5%, а количество обучающихся в них — на 60%. Основной прирост числа школ обеспечивался духовным ведомством. Увеличение количества школ и учеников в них требовало роста денежных ассигнований и штата преподавателей. Поэтому, несмотря на то что дирекция народных училищ Орловской губернии в своих ежегодных отчетах сообщала о достаточном количестве и уровне подготовки преподавательских кадров, потребность в учителях продолжала оставаться высокой, особенно в церковно-приходских школах и школах грамоты.

На рубеже XIX—XX вв. дирекция народных училищ Орловской губернии провела обследование сельских учебных заведений. В результате проверки состояние начального образования региона было признано удовлетворительным: количество учебных заведений и учащихся в них ежегодно увеличивалось. Но при этом значительная часть начальных школ продолжала функционировать в тесных неприспособленных помещениях, которые плохо отапливались зимой и имели скудные библиотечные фонды. Особенно это относилось к школам духовного ведомства.

К началу 1900 г. в Елецком уезде (без учета г. Ельца) числились 3 воскресные школы, 1 двухклассная и 27 одноклассных церковно-приходских, 76 школ грамотности [8]. В Орловской губернии в целом в 1900 г. имелось 6 мужских, 5 женских и 620 смешанных началь-

ных народных сельских училищ, в которых обучалось 47 500 школьников, из них 7501 женского пола [13]. В сельской местности губернии было зарегистрировано 261 церковно-приходская школа и 606 школ грамоты, в которых обучались 34 752 ребенка [9].

Приходское духовенство сыграло значительную роль в развитии сельского начального образования Российской империи в пореформенную эпоху. Священники, в большинстве случаев бесплатно либо за символическую плату, учили крестьянских детей азам грамотности. Порой это происходило в ущерб прямым обязанностям пастыря. Но, несмотря на все трудности, духовенство по большому счету выполнило свою задачу в распространении грамотности среди сельского населения страны.

Школы духовного ведомства, занимая существенную долю в региональном начальном образовании, не всегда обеспечивали крестьянских детей качественным образованием. Подавляющим большинством учителей в них являлись местные священнослужители, у которых просто физически не хватало времени на качественное обучение детей. Кроме того, они были плохо знакомы с педагогическими методиками, что отрицательно сказывалось на усвоении учебного материала. Однако главная цель открытия новых ЦПШ была достигнута: они смогли восполнить нехватку гражданских школ, вовлекая в обучение тех детей, которые в силу хронического недофинансирования системы начального народного образования в противном случае остались бы безграмотными.

Список источников и литературы

1. *Барынкина И. В., Барынкин В. П.* Распространение начального образования и просвещения на селе в Центральной России в конце XIX — начале XX в. (по материалам Калужской, Орловской и Смоленской губернии) // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 1.

2. *Белослудцева В. В.* Церковно-приходская школа в системе начального образования в России во второй половине XIX в. // Вестник Пермского университета. 2009. № 4 (11).

3. *Тонких В. Е.* Система школьного образования Липецкой области: История, современность, будущее. Рязань, 1995.

4. *Филоненко Т. В.* Развитие школьного образования в России в начале XX века // Вопросы истории. 2004. № 9.

5. *Хабалева Е. Н.* Особенности организации начального образования в Российской империи во второй половине XIX — начале XX века (на примере Орловской губернии) // Научный диалог. 2015. № 8 (44).

6. Государственный архив Орловской области.
7. *Обзор* Орловской губернии за 1891 год. Орел, 1892.
8. *Сборник* статистических сведений и материалов по начальному народному образованию в Орловской губернии за 1894/5 учебный год. Орел, 1897.
9. *Памятная книжка* Орловской губернии на 1893 год. Орел, 1893.
10. *Сборник* статистических сведений по начальному народному образованию в Орловской губернии за 1899—1900 уч. годы. Орел, 1900.
11. *Сластенин В. А., Шиянов Е. Н.* Гуманистическая парадигма педагогического образования // Педагогическое образование для XXI века : матер. междунар. науч.-практ. конф. М., 1994.
12. *Тройницкий Н. А.* Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. [Т.] 29. Орловская губерния. СПб., 1903.
13. *Обзор* Орловской губернии за 1900 год. Орел, 1901.

Финансирование хлебной торговли через частные банки (в поисках источников)

Исследованы материалы Уфимского отделения Волжско-Камского коммерческого банка, которые показывают быстро нарастающие экономические связи между Южным Уралом и западными регионами Российской империи, в том числе оплату поступающих хлебных грузов.

Materials from the Ufa branch of the Volga-Kama Commercial Bank show rapidly growing economic ties between the South Urals and the western regions of the Russian Empire, including payment for incoming grain cargo.

Ключевые слова: финансы, экономика, хлебная торговля, Уфа, Прибалтика, Польша.

Keywords: finance, economics, bread trade, Ufa, Baltic states, Poland.

Реконструкция маршрутов вывоза хлеба из Уфимской губернии в конце XIX — начале XX в. однозначно свидетельствует о доминировании грузоперевозок по железным дорогам в порты Балтийского моря. Часть товара оставалась на рынках западных губерний Российской империи. Однако попытка установить конкретных покупателей уфимского хлеба успехом не увенчалась.

Конечно, основные хлеботорговые фирмы и конкретные предприниматели — экспортеры зерна известны, но сколько, у кого и на каких условиях они приобретали товар, прибывший с далекого Южного Урала, — неясно. Отсутствие точных сведений объясняется коммерческой тайной, гибелью либо недоступностью частных архивов, а также обезличенностью самого процесса, так как товарные накладные оформлялись на предъявителя и в портах разгрузки часто перепродавались [1].

В определенной степени свет на этот процесс проливают финансовые документы. Лишь после складывания общероссийской сети железных дорог и постройки в 1888 г. Самаро-Уфимской казенной магистрали Уфа получила надежную и круглогодичную связь с западными регионами, и в порты Балтики хлынул уфимский хлеб, хотя экономические контакты существовали и ранее.

В отчетах открытого в конце 1873 г. Уфимского отделения одного из крупнейших в России банков — Волжско-Камского коммерческого банка (ВККБ) — есть информация о безналичных переводах денег (трансфертах) как в свои отделения, так и на корреспондентов — в банки-партнеры, с которыми ВККБ заключал соглашения о взаимных расчетах на льготных условиях. И уже в 1881 г. через Уфимское отделение ВККБ пять трансфертов ушли в Варшаву (на общую сумму 6600 руб.) и один — в Ригу (610 руб.) [2, ф. 595, оп. 3, д. 1184, л. 41]. Контакты со столицами западных губерний были стабильными, что показывает таблица 1.

Таблица 1

Переводы из Уфимского отделения ВККБ

Город	1882		1883		1884	
	Число трансфертов	Сумма, руб.	Число трансфертов	Сумма, руб.	Число трансфертов	Сумма, руб.
Варшава	5	7259	5	3800	4	4405
Рига	5	2260	2	650	—	—
Вильна	1	750	2	300	4	4290

Источник: составлено по [2, ф. 595, оп. 3, д. 1185, л. 41; д. 1186, л. 41; д. 1187, л. 41].

Количество трансфертов было невелико, среди них присутствовали как коммерческие переводы, так и бытовые. В 1882 г. средняя величина трансферта в Варшаву составляла 1452 руб., в Вильну — 750 руб., а в Ригу — всего 452 руб. Услугами ВККБ пользовались, к примеру, русские чиновники — уроженцы Южного Урала, служившие в Привислинском крае.

В 1890-е гг. резко усилились экономические связи Уфимской губернии с польскими землями, через которые шел поток хлебных гру-

зов в немецкие порты, а часть оставалась местным потребителям. Со своей стороны Польша стала для жителей Южного Урала важнейшим поставщиком текстильной и иной продукции [3]. За это десятилетие ВККБ резко расширил сеть банков-партнеров (корреспондентов), которая охватила практически всю страну за исключением Финляндии. В 1899 г. из Уфы ушли переводы в Варшавский коммерческий банк (Варшава и Сосновицы), Варшавский учетный банк, Виленский частный коммерческий банк, Лодзинский торговый банк, Орловский коммерческий банк (Ковно), Рижский коммерческий банк (Белосток, Двинск, Либава, Ревель, Рига).

В таблице 2 собраны данные о трансфертах из Уфы в западные регионы в начале XX в. Всего из Уфимского отделения ВККБ за период 1901—1906 гг. было отправлено 18900 переводов в 118 городов и иные населенные пункты России на общую сумму 61,5 млн руб. В первой графе таблицы указано место города в общем списке трансфертов из Уфы (на первом была Москва, далее шли Самара, Санкт-Петербург и Нижний Новгород). Приведен также удельный вес Лодзи и Варшавы, входивших в число крупнейших контрагентов уфимского бизнеса.

Таблица 2

**Переводы из Уфы в западные регионы
России в 1901—1906 гг. (все банки)**

Место города	Город	Число переводов	Сумма переводов	
			руб.	%
14	Лодзь	600	448 970,91	0,7
17	Варшава	508	336 180,8	0,6
22	Рига	185	145 959,73	...
32	Либава	80	51 600,84	...
43	Вильна	53	19 775,54	...
58	Ревель	16	5324,07	...
64	Ченстохов	6	4965	...
73	Двинск	14	2991,92	...
80	Минск	9	1881,23	...
84	Гомель	4	1603	...
91	Юрьев	2	1277,55	...
93	Люблин	1	1199,22	...
104	Орша	3	549,82	...

Место города	Город	Число переводов	Сумма переводов	
			руб.	%
105	Гродно	2	544,81	...
107	Ковно	3	387	...
109	Брест-Литовск	1	260	...
111	Калиш	1	219,37	...
118	Сосновицы	1	90,74	...
<i>Всего</i>		18 900	61 515 753,58	100

Составлено по: [2, ф. 595, оп. 3, д. 1212, л. 39—40; д. 1213, л. 39—40; д. 1214, л. 39—40; д. 1215, л. 63—64; д. 1216, л. 43—44; д. 1217, л. 42—44].

В таблице 2 суммированы переводы во все банки: так, в 1904 г. Волжско-Камский банк открыл свое отделение в Лодзи. Кроме того, трансферты из Уфы переводились в Варшавский учетный банк (1901, 1903, 1906), Варшавский коммерческий банк (1901—1906), Виленский частный коммерческий банк (1901—1904), Лодзинский торговый банк (1901—1904), Рижский коммерческий банк (1901—1906) и Коммерческий банк в Белостоке (1905, 1906).

Сравнение с началом 1880-х гг. показывает резкий рост деловой активности: к примеру, число трансфертов в Варшаву за 20 лет выросло в 100 раз. Общий объем экономических контактов Уфы с западными губерниями за 1901—1906 гг. достиг 1 023 781,55 руб. Хотя в общей доле трансфертов из Уфы это составило всего 1,7%, информация о переводах свидетельствует об устойчивых связях уфимского бизнес-сообщества практически со всеми более-менее крупными городами западной части империи, а Лодзь, Варшава и Рига входили в ряды ведущих торговых партнеров Уфы.

Можно также с уверенностью утверждать, что в основном это были коммерческие расчеты, несмотря на относительно небольшие средние размеры трансфертов, составлявшие в Лодзь 748 руб., в Варшаву — 662 руб., в Ригу — 789 руб., в Либаву — 645 руб. Предпринятые исследования как текстильных поставок из Польши, так и хлебного вывоза из Уфимской губернии в балтийские порты показывают большой удельный вес мелких и средних предпринимателей, закупавших сравнительно небольшие партии тканей или отправлявших на экспорт несколько вагонов зерна.

Специфика хлебной торговли в балтийских портах заключалась в покупке экспортными фирмами дубликатов накладных на прибывавшие грузы. Заготовитель в Уфимской губернии отправлял партию зерна или муки в порт (с дубликатом накладной), сам же под накладную брал кредит в местном банке и продолжал скупку хлеба [1, с. 38—39, 50, 147]. Поэтому он не делал перечислений денег, окончательный расчет происходил в местах разгрузки, но материалы Уфимского отделения ВККБ не содержат статистики перечислений из других банков в Уфу, есть сведения только о трансфертах из Уфы. Вероятно, информацию о платежах за прибывшие в балтийские порты или западные губернии уфимские товары (зерно, муку и пр.) надо искать в отчетности местных банков. Но у ВККБ, кроме Петербурга, не имелось ни одного отделения в приморских городах. Таблица 2 показывает в основном оплату уфимскими предпринимателями товаров или услуг, поступивших из западных регионов империи. Этим объясняются скромные показатели у Ревеля, куда шли огромные массы зерна из Уфимской губернии, однако импортных товаров отсюда ввозилось немного. Сведения таблицы 2 — это оплата импорта (ввоза), а не экспорта (вывоза), в том числе хлебных грузов.

В итоговой отчетности приводятся только общие данные по балансу кассы. Так, в 1891 г. на счета Уфимского отделения ВККБ прибыло 12,8 млн руб. [2, ф. 595, оп. 3, д. 1197, л. 1—2]. В этой сумме и «скрываются» платежи уфимским поставщикам хлеба.

Волжско-Камский банк затем сам стал выдавать кредиты под залог товаров, но в ежегодных отчетах имеются лишь общие сведения, без географической привязки. Например, в 1896 г. Уфимское отделение ВККБ выдало ссуд под залог товаров, квитанций транспортных контор, коносаментов и warrants, а также квитанций железных дорог на общую сумму 34620 руб. На 1 января 1897 г. оставалось ссуд под товары в пути и товарные документы на 11600 руб. [2, ф. 595, оп. 3, д. 1204, л. 24].

В отдельных отчетах встречаются конкретные сведения о таких ссудах, по которым не успели рассчитаться в текущем году, и они переходили на следующий год. Например, с 30 ноября по 28 декабря 1899 г. Уфимское отделение ВККБ выдало девять ссуд Е. А. Большакову на партии гречневой крупы. В товарный железнодорожный вагон загружалось от 750 до 765 пудов. Предприниматель должен был вернуть ссуды с 30 декабря 1899 по 28 января 1900 г. На 1 января 1900 г. его товар находился в следующих пунктах: один вагон в Ков-

рове, три во Владимире, остальные в Санкт-Петербурге. Уфимское отделение выдавало ссуду по 500 руб. на каждый вагон под железнодорожные дубликаты, которые были приняты на хранение [2, ф. 595, оп. 3, д. 1210, л. 44].

По всей видимости, хлеботорговцы слабо использовали в своих взаиморасчетах и векселя, долговые расписки (максимальный срок — девять месяцев). В 1904 г. Уфимское отделение ВККБ покупало (учитывало) векселя в большом объеме — всего 2188 на 2,3 млн руб. Смысл этой операции заключался в том, что отдавший деньги в долг кредитор (предъявитель), чтобы не ждать срока платежа и быстрее вернуть деньги, продавал вексель банку с небольшим дисконтом (ниже стоимости). Он терял некоторую сумму, зато мог быстро вернуть капитал в оборот. А банк в назначенный срок получал деньги с векселедателя (должника).

Среди таких купленных векселей Уфимского отделения ВККБ по местам платежа в 1904 г. встречаем небольшое число из западных регионов, например девять из Вильны на 4213,68 руб. То есть кто-то в Вильне подписал долговые расписки (векселя) уфимскому предпринимателю, а последний продал эти девять векселей Уфимскому отделению ВККБ. Отделение к моменту оплаты отослало их в Вильну, скорее всего в Виленский частный коммерческий банк, который получил деньги с должника и переслал их в Уфу. Можно предположить здесь оплату и хлебных грузов, поскольку покупатель в Вильне уплатил не наличными, а долговой распиской (векселем). Однако число векселей из западных губерний в 1904 г. было совсем небольшим: по одному на Витебск (500 руб.), Митаву (300 руб.), Могилевскую губернию (456,18 руб.), два на Юрьев (866,84 руб.), пять на Ревель (1573,2 руб.) [2, ф. 595, оп. 3, д. 1215, л. 7—8].

В наибольшей степени расчеты под векселя использовали уфимские покупатели польской мануфактуры. В том же 1904 г. в Уфимское отделение ВККБ поступили векселя из Лодзи со сроком оплаты в начале следующего года. Векселедателями являлись купившие в кредит ткани в Лодзи известные уфимские торговцы Д. Б. Гительман (294,3 и 200 руб.), С. А. Леск (185 руб.), товарищество «К. Ф. Вячкилев и К^о» (367 руб.), Я. И. Лебедев (190,17 руб.) и др., всего 17 векселей. Еще 5 векселей находились в пути, их почтой отправили из Лодзи, но в Уфу к 1 января 1905 г. они еще не прибыли [2, ф. 595, оп. 3, д. 1215, л. 94, 97].

Таким образом, банковские материалы показывают устойчивые и продолжавшие усиливаться экономические связи между Уфой и

Южным Уралом с одной стороны и западными польскими, прибалтийскими, белорусскими губерниями — с другой. Но вместе с тем выделить платежи за поставки хлебных грузов очень сложно. Особенности финансовых взаиморасчетов хлеботорговцев, среди которых было очень много мелких и средних предпринимателей, производивших оплату по транспортным документам на предъявителя, приводят к выводу, что наиболее точные сведения должны содержаться в документации банков, действовавших в приморских городах, на местах поступления товара. Однако их пока никто не изучал.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00015.

Список источников и литературы

1. *Роднов М.И.* Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX — начале XX в.). Уфа, 2012.
2. *Российский государственный исторический архив.*
3. *Роднов М.И.* Уфа — Варшава: экономические связи Польши и внутренних регионов Российской империи (рубеж XIX—XX вв.) // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2017. Т. 22.

**Письма «Из деревни» А. Н. Энгельгардта
как результат изучения
национальной культурно-хозяйственной традиции**

В статье рассматривается проблема постижения представителями русской общественности в XIX — начале XX в. специфики национальной культурно-хозяйственной традиции. Исходным материалом служит эпистолярное наследие видного общественного деятеля, ученого и хозяйственника-практика А. Н. Энгельгардта (1832—1893).

The article deals with the problem of understanding the specifics of the national cultural and economic tradition by representatives of the Russian public in the XIX — early XX century. The source material is the epistolary legacy of a prominent public figure, scientist and business practitioner A. N. Engelhardt (1832—1893).

Ключевые слова: А. Н. Энгельгардт, эпистолярное наследие, «Из деревни. Двенадцать писем», национальная культурно-хозяйственная традиция, «русский хозяин».

Keywords: A. N. Engelhardt, epistolary heritage, «From the village. Twelve letters», national cultural and economic tradition, «russian host».

Во второй половине XIX — начале XX в. в российском обществе развернулся процесс выработки национальной экономической доктрины, ориентированной на учет отечественной культурно-хозяйственной традиции. Аллегорически духовно-теоретические искания того времени были представлены В. С. Соловьевым в одной из статей. Текст этой работы начинался незамысловатой сказкой, повествующей о том, как в лесу заблудился отчаявшийся в жизни охотник и как повстречалась ему древняя старушка, попросившая перенести ее на другой берег реки, где, по ее словам, находилась счастливая

сторона. Не хотелось охотнику нести на себе отвратительную старуху, но сжалился он над древностью лет и выполнил ее просьбу. Хотя ноша была тяжела и неприятна, но, выйдя на другом берегу, он обнаружил, что пришел в удивительный край, а за плечами у него не старуха, а красавица-девица. И с тех пор жизнь охотника наладилась, он больше уже не плутал по лесным тропам и не испытывал отчаяния.

Раскрывая духовный смысл этого нехитрого повествования, Соловьев писал: «Современный человек в охоте за беглыми, минутными благами... потерял правый путь... Перед ним темный и неудержимый поток жизни... Тоска и одиночество, а впереди — мрак и гибель. Но за ним стоит священная старина предания — о! в каких непривлекательных формах — но что же из этого? Пусть он только подумает о том, чем он ей обязан; пусть внутренним сердечным движением почтит ее седину, пусть пожалеет о ее немощах, пусть постыдится отвергнуть ее из-за этой видимости. Вместо того чтобы праздно высматривать призрачных фей за облаками, пусть он потрудится перенести это священное бремя прошедшего через действительный поток истории». Иначе говоря, человек, стремящийся в будущее, не должен забывать своей традиции. Сберегая ее, он претворит мечты и не затеряется в жизненном потоке. «Спасающий спасется. Вот тайна прогресса — другой нет и не будет», — резюмировал русский философ [1, с. 557].

В числе отечественных мыслителей и исследователей-практиков, обратившихся в XIX — начале XX в. к постижению основ национальной культурно-хозяйственной традиции, были Н. В. Гоголь, И. А. Гончаров, А. И. Герцен, Л. Н. Толстой, Г. И. Успенский, Д. И. Менделеев, Д. Н. Мамин-Сибиряк, П. И. Мельников-Печерский, В. П. Рябушинский, П. Д. Боборыкин, С. Ф. Шарапов, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, П. Н. Савицкий и другие. Свои взгляды они излагали на страницах научно-экономических, философских, публицистических и художественных произведений.

Особое место в этом ряду имен принадлежит Александру Николаевичу Энгельгардту — «отставному профессору» химического факультета Петербургского земледельческого института, обладателю теоретических знаний и практических навыков хозяйственной деятельности, стороннику идеи опрощения и необходимости «мозольного мужицкого труда» для каждого. Свои взгляды о специфике хозяйствования в России он излагал в очерках, публиковавшихся на страницах «Земледельческой газеты», «Отечественных записок»,

«Вестника Европы», «Нового времени», «Вестника русского сельского хозяйства», «Смоленского вестника», трудов Вольного экономического общества, а также в личной переписке, которую вел с хозяйственниками-практиками [2, с. 580—581]. Широкою известность получили его письма-очерки, выходявшие под общим названием «Из деревни». Они печатались в «Отечественных записках» в период с 1872 по 1887 г. По свидетельствам современников, образованное общество с нетерпением ожидало каждого последующего письма, а когда оно публиковалось, именно с него стремилось начать чтение нового номера журнала [3; 4, с. 582]. Первая публикация очерков-писем отдельной книгой состоялась в 1882 г. В это издание вошло 11 писем, 12-е вышло в печати позже — в 1887 г. в «Вестнике Европы» в связи с закрытием «Отечественных записок». В составе 12 писем труд Энгельгардта вышел уже после смерти автора — в 1897 г.

Этот труд за прошедшие более чем 100 лет неоднократно становился предметом научного анализа [5, с. 453—456; 6, с. 1—17; 7, с. 85—93; 8, с. 81—91; 9; 10; 11, с. 184—193]. Обширный информационный потенциал «Писем» позволял удовлетворять разнообразные познавательные запросы, касающиеся как пореформенной деревни, так и в целом устоев русского общества второй половины XIX в. Учитывая изложенные в работе сведения, мы полагаем возможным рассматривать ее как результат комплексного изучения национальной культурно-хозяйственной традиции, которое Энгельгардт фактически осуществлял в период тридцатилетнего пребывания и хозяйственной деятельности в родовом имении — д. Батищево Дорогобужского уезда Смоленской губернии.

В этот отдаленный от столицы край петербургский профессор был бессрочно сослан в 1871 г., будучи обвиненным в противозаконных сходках и поддержке студенческих волнений. Являясь по натуре деятельной личностью, он, оказавшись оторванным от цивилизации и привычной научно-педагогической практики, решил не приобщаться к помещичьей праздности, а хозяйствовать, хотя многие бывшие помещики-крепостники его округа утверждали, что в пореформенное время этим заниматься стало невозможно, что имения ничего кроме убытка не дают.

Впрочем, хозяйственная деятельность начала привлекать внимание Энгельгардта задолго до возникновения неблагоприятных обстоятельств в его жизни. Он писал: «Мысль переехать на жительство в деревню и заняться под старость хозяйством, которое давно уже

меня интересует и для которого я работал немало в теоретическом отношении, давно уже сидела у меня в голове. Я ждал только, пока выслужу пенсию, до которой служить оставалось недолго, и затем думал делать хозяйственные опыты... Судьба решила, однако, иначе. Мне пришлось оставить службу раньше времени» [12, с. 125—126]. Несмотря на обнаруженное по приезду в Батищево запустение — заросшие березняком поля, погибший фруктовый сад, поглощенный сорняком огород, одичавшие луга, сократившееся поголовье скота, полуразвалившиеся постройки — А. Н. Энгельгардт не отказался от своей идеи, а стал настойчиво создавать рациональную систему хозяйства.

С этой целью он поставил задачу овладеть основными принципами ведения сельскохозяйственных работ, чтобы иметь возможность «самому во все входить, все знать, за всем следить, все учитывать» [13, с. 521]. Для решения этой задачи в качестве учителей-наставников он избрал хозяйственных мужиков, а именно крепких крестьян близлежащих деревень, в числе которых были и его бывшие крепостные. Один из таких «наставников», крестьянин Степан, в диалоге с Энгельгардтом дал максимально четкий совет по поводу того, что нужно делать помещику, решившему хозяйствовать:

— ...делайте так, чтобы и вам было выгодно, и мужику было выгодно, тогда у вас все пойдет хорошо.

— Да как же это сделать?

— Хозяином нужно быть для этого. Коли сделаетесь хозяином, так и будет все хорошо... По-деревенски только все делайте, а не по-петербургски. Здесь иначе нельзя, сами увидите [12, с. 56].

Вскоре Энгельгардт убедился, что множество «высоконаучных» книг по агрономии не содержат необходимых сведений по ведению хозяйства: как подбирать семена, когда и как следует сеять ту или иную культуру, когда лучше приступать к уборке и как надежнее хранить зерно. Он писал: «Сейчас видно, что все эти книги пишутся людьми, которые никогда не хозяйничали... Ничего своего, все из немцев взято: такой-то немец говорит то-то — давай сюда; другой немец говорит совершенно противоположное — давай сюда; третий немец говорит...» — и резюмировал: «Учености в каждой статье тьма, а дела нет» [12, с. 78—79, 126]. Чтобы дело развивалось, утверждал он, надо не копировать англичан и немцев — их способы не всегда пригодны для России, а, изучая научные истины, перераба-

тывать их, соглашаясь с местными условиями и опираясь на крестьянские знания, проверенные поколениями. В итоге, считал Энгельгардт, в России должна быть создана своя агрономическая наука, которая как наука прикладная, в отличие от наук естественных, должна быть глубоко чуждой космополитизму [12, с. 81, 515].

Вот одно из описаний, где А. Н. Энгельгардт повествует, как он поначалу определял время посева той или иной культуры:

Не найдя в книгах ничего путного относительно времени посева овса... я пошел бродить по полям и лугам. <...> Возвращаясь домой, встретил «деда» (старика из ближайшей деревни. — *О.А.*)... Вот, думаю, кто мне скажет насчет посева. «Дед» — хороший хозяин, знает все приметы, и его мнение всегда уважается на совете «стариков», который решает, когда сеять коноплю, овес, рожь и лен...

— Здравствуй дед! что, рыбки принес?

— Рыбки, рыбки свеженькой.

<...>

— А ведь рано нынче пошел голавль?

— Рано, — и не помню такой ранней весны.

— Сев, значит, овсяный?

— Да сев, голавль трется, — скоро сев.

— Когда же сеять будем?

— А когда пора придет, когда пора придет. Рано нынче сеять будем.

— Я думаю сеять.

— Нет, нет, нет, рано еще, обожди маленько, когда матушка начнет выколашивать... обожди маленько, а лен сей, лен сей [12, с. 81—82].

Погрузившись в дела имения, Энгельгардт-профессор превратился в Энгельгардта-хозяина, видевшего в хозяйстве главное занятие, в которое, по его словам, он вкладывал душу и которым жил. О содержании испытываемых в этом состоянии переживаний, чувств и эмоций он писал следующее: «После сева вскоре наступила засуха. С утра до ночи печет солнце... Земля высохла... Неделя прошла, другая — беда... ходишь, на небо посматриваешь, в поле хоть не ходи, овес заострился, желтеет, трава на лугах не растет... Чуть сделается пасмурно, набежит тучка, — радостно смотришь на небо. Упало несколько капель дождя... Ну, слава тебе, Господи, наконец-то дождь...» [12, с. 58, 82]. Уже в середине 1890-х гг. его сын Николай писал, что «войдя во все мелочи хозяйства, А. Н. лично наблюдал за всеми работами, за скотным двором, шагами вымерил все имение» [13, с. 522]. О том же в стихотворной форме писал и поэт П. А. Козлов, неоднократно гостивший в Батищеве:

Идут с полей домой в селенья
Толпы усталых поселян.
Все обозрев свои владенья,
Вернулся батищевский пан...
Увы, не слышан запах розы!
(В хозяйстве лишняя статья).
В телегах сочные навозы
С утра возили на поля [14, с. 559].

Результатом настойчивого труда стала выработка хозяйственной системы для средне-северной полосы России, а также создание базирующейся на опыте целостной теории хозяйства, в которой ключевой фигурой был провозглашен хозяин. А. Н. Энгельгардт подчеркивал: «Ни машины, ни симментальский скот, ни работники не могут улучшить наше хозяйство. Его улучшить могут только хозяева», так как только от них зависит вся хозяйственная система [12, с. 108]. Так, идя от практики к теоретическим обобщениям, он поставил вопрос об антропологическом аспекте хозяйственной деятельности, осмысление которого осуществлял через постижение феноменологии хозяина.

Мыслитель-практик обращал внимание на то, что хороших хозяев очень мало, они являются редкостью, а подавляющее большинство составляют люди, неспособные к самостоятельному хозяйствованию. Он писал: «Иные думают, что достаточно родиться мужиком, с малолетства приучаться к мужицким работам, чтобы стать хорошим хозяином... Это совершенно неверно... И между крестьянами есть много таких, которые не только не могут быть хорошими хозяевами, не только не могут работать иначе, как за чужим загадом (наряд, приказ [15, с. 566]. — О. С.), но даже и работать хорошо не умеют». Причина такого положения, по его мнению, состояла в том, что дело хозяина — чрезвычайно трудное. Недаром, подчеркивал он, народ говорит: «Хозяйство вести — не портками трясти» и «Хозяйство водить — не разиня рот ходить» [12, с. 281]. Чтобы быть хозяином, человек должен обладать особыми склонностями и способностями, иметь подходящую для этого психическую организацию, выдающийся склад ума и характера. В результате многолетнего пристального наблюдения за жизнью деревни и осуществленного скрупулезного анализа Энгельгардт сумел выявить ряд существенных черт «русского хозяина».

Во-первых, он считал, что хозяин должен быть своего рода суровым деспотом, способным осуществлять непосредственное руководство и неусыпный контроль над всем хозяйством. Однако, подчеркивал он, основу хозяйского деспотизма должна составлять не жестокость, а нравственная сила, обеспечивающая хозяину абсолютное уважение и признание правоты всех его распоряжений работающими под его началом людьми, которые видят в нем не только хозяина, но и отца [12, с. 257; 13, с. 547].

Во-вторых, хозяину необходимо иметь особое «хозяйственное соображение», способность к хозяйствованию, состоящую в умении «все хорошо “загадать” (задумывать, замышлять [15, с. 566]. — *О.С.*», так как, отмечал Энгельгардт, ссылаясь на мнение хозяйственных мужиков, «хороший “загад” — первое дело», только «при хорошем загаде и работа идет скорее и результаты получаются хорошие» [12, с. 281—283]. Хозяин, подчеркивал мыслитель, должен уметь, загадывая одну работу, видеть другую, третью; только так он может создать крепкое хозяйство, в противном случае дело не пойдет. Этот тезис он подтверждал рядом примеров, показывающих неспособных к хозяйству мужиков, не знающих, как спланировать и распределить текущие дела, но умеющих хорошо исполнять любые хозяйственные работы под чужим руководством, по «чужому загаду» [12, с. 281—282].

В-третьих, чтобы быть хозяином, человек должен любить хозяйство, любить эту черную, тяжелую работу. Энгельгардт писал, что существует много людей, способных работать, но не любящих хозяйство, занимающихся им плохо, без души, лишь бы поскорее отделаться от нудных и неинтересных, по их мнению, дел. Он подчеркивал: «То не пахарь, что хорошо пашет, а вот то пахарь, который *любуется* на свою пашню» [12, с. 281, 283].

В-четвертых, хозяин сам должен быть первым работником, хозяйство требует работника-хозяина. Он доказывал, что без непосредственного знания всех хозяйственных работ, а также умения качественно их выполнять и демонстрировать это образцовое выполнение работникам, хорошим хозяином стать невозможно [16, с. 507—508]. Энгельгардт утверждал: «Тот не хозяин, кто не умеет пахать, косить. Та не хозяйка, что не может выдоить корову, испечь хлеб, приготовить кушанье» [13, с. 525].

В-пятых, для настоящего хозяина высшей ценностью в хозяйстве как живом деле должен быть работник [12, с. 108]. Этой установкой

Энгельгардт указывал на то, что хозяину необходимо с пониманием относиться к работающим у него людям, учитывать особенности их психологического склада и находить средства для пробуждения у них заинтересованности в выполняемом деле. Он подчеркивал, что люди будут трудиться хорошо, если хозяин, разбираясь в работе, знает, что можно требовать при ее исполнении, умеет когда нужно возбудить энергию и не провоцирует прилагать сверхчеловеческие усилия. Такой хозяин понимает, что работник, например, «может в день перетаскать на тачке 1½ куба земли, но не может в 10 дней перетаскать 15 кубов» или работница «может в день выбрать 2, даже 3 копы льну, но не выберет в 10 дней 20 коп», а если и выполнит такой объем, то убьется на работе. Он доказывал необходимость помнить об особенностях внутренней организации русского работника, у которого нет склонности к методично-размеренному труду, какой, например, отличается немец. Будучи сформированным спецификой климатических условий, русский работник ориентирован на производство колоссального объема работы в краткий срок, при которой после каждого рывка требуется период отдыха, чтобы восстановить силы. Если хозяин не понимает этой особенности внутренней организации русского человека, то ему будет казаться, что работник ленив, вял, неаккуратен, и он будет только и смотреть, чтобы тот «от дела не бегал», а работник, в свою очередь, будет чувствовать, что «барской работы не переделаешь», и действительно начнет относиться к делу спустя рукава [12, с. 97—99].

По мнению Энгельгардта, хозяин также должен помнить, что работник живет «хорошим харчем да ласковым словом», а поэтому в нем всегда надо видеть человека и уметь ценить его труд, то есть, зная, какая работа сколько стоит, рассчитывать «по-божески, чтобы и себе в убыток не было, и мужик остался бы доволен». Только в этом случае работник будет трудиться с желанием и максимальной отдачей, а хозяйство — процветать [12, с. 95, 97].

В-шестых, хозяин, заботящийся о развитии хозяйства, должен придерживаться стратегии сбережения трудовых сил и природно-материальных ресурсов, в противном случае его ожидает пореформенная судьба большинства помещичьих хозяйств, в которых земля, как правило, использовалась хищнически, не удобрялась, скот содержался неудовлетворительно, крепостной труд применялся непроизводительно, ценясь «ни во что» и нередко направляясь туда, где, учитывая качество почвы, работать вообще не стоило [16, с. 481—482].

Энгельгардт подчеркивал, что как человек должен восполнять потраченные силы, так и природе хозяин, если не хочет обеднеть, должен возмещать изымаемые в ходе хозяйственного оборота ресурсы [12, с. 390—391]. Он писал: «Брать нельзя до бесконечности. Природа не неразменный рубль. Кто берет и не возвращает, тот истощает, и наступит минута, когда, истощив грудь матери-земли, он найдет ее сосцы пустыми» [13, с. 515—516]. Средством такого возмещения он считал ведение рационального хозяйства на основе предупреждения излишеств, экономного использования имеющихся ресурсов и активного применения удобрений — от навоза до разного рода специально добываемых минеральных веществ. Особенно он указывал на необходимость использования фосфоритной муки.

В мае 1891 г. в переписке с Анатолием Николаевичем Куломзиным — владельцем усадьбы Корнилово в Кинешемском уезде Костромской губернии, где производилось фосфоритное удобрение под названием куломзинит, он отмечал: «На наших тощих подзолистых почвах фосфоритная мука оказывает удивительное действие потому именно, что почвы требуют фосфорнокислой извести. В навозе тоже есть фосфорнокислые соли и фосфорные соединения, но они, очевидно, не скоро освобождаются от органических веществ навоза и, может быть, даже переходят в неусвояемые фосфорические соединения. Поэтому-то на наших подзолистых почвах, требующих фосфорнокислой извести, навоз действует так плохо и нескоро, тогда как фосфорит тотчас оказывает отличное действие» [17, с. 156]. В этой переписке явственно отразился научно-экспериментальный подход в использовании конкретных удобрений и их комбинаций при возделывании различных сельскохозяйственных культур: ржи, овса, клевера, льна. Характерным примером служит осуществленный Энгельгардтом сравнительный анализ действия удобрений, выписанных у разных производителей. Он писал: «Я уже приступил к опытам. Выписал от Вас (А. Н. Куломзина — О. С.) вагон фосфоритной муки, я вашу муку беру за основу, и с нею буду сравнивать другие туки. Выписал еще из Риги Томасову муку, костяную муку, суперфосфат, каинит. Из Рязани выписал вагон глауконитового песку... для изучения действия глауконита. Опыты я буду производить на целых десятинах одинакового качества...» [17, с. 157]. Таков подход настоящего хозяина к вопросу улучшения качества почвы и восполнения ее ресурсов, изъятых в процессе хозяйственного цикла.

В-седьмых, Энгельгардт считал, что в современных условиях, то есть в условиях научного прогресса и существенно изношенного состояния природных ресурсов («недаром говорят, что в старые годы жить было привольнее, и хлеба родились лучше, и трава была сильнее, и скот и люди были рослее» [12, с. 516—517]), хозяину для успешного ведения дела необходимо образование, которое поможет поднять хозяйство, вывести его на новый производственный уровень, пустив в ход «втуне лежащие богатства» [12, с. 391—393; 13, с. 528—529]. Он заявлял: «Я хочу, чтобы в массе земледельцев были работающие лично интеллигентные люди, научно развитые, которые прилагали бы науку к практике, изыскивали способы увеличить производительность земли, то есть чтобы были интеллигентные мужики, земледельцы-агрономы. Нужно, чтобы были мужики-механики, мужики-инженеры, мужики-архитекторы, то есть интеллигентные деятели, умеющие работать как мужики» [12, с. 529—530]. В 1881 г., отвечая на просьбу одного интеллигента-просителя о приеме на практику в батищевское хозяйство, он писал: «Если вы желаете сделаться земледельцем... сесть на землю, то прежде всего вы должны научиться работать, как умеет работать мужик, и приобрести те практические знания, какими обладает мужик. Раз вы приобретете знания, то умение работать, ту выносливость, какими обладает мужик, — вы, как образованный, интеллигентный, развитый человек, просвещенный светом науки, умеющий пользоваться книгой, отлично поведете всякое хозяйство. Нужно заложить фундамент. Один фундамент у вас есть — образование. Заложите другой фундамент — умение работать. У мужика один фундамент; у интеллигента есть уже другой фундамент. Соедините то и другое в одном лице — и выйдет настоящий хозяин» [12, с. 528—529]. Кроме того, Энгельгардт обращал внимание на важность методичного сельскохозяйственного просвещения крестьян, которые, как он показывал, явно испытывают такую потребность. В письме к А. Н. Куломзину он писал о необходимости издавать «дешевенькую сельскохозяйственную народную газету» либо завести сельскохозяйственный отдел в «Сельском вестнике», где публиковать «простые, удобопонятные для мужика... серьезные, толковые извлечения из “Земледельческой газеты” и других русских земледельческих журналов» [17, с. 161]. Такое начинание, по его мнению, служило бы на пользу делу просвещения крестьян-земледельцев.

Осмысление феноменологии хозяина на основе наблюдения за деятельностью хозяев-крестьян и хозяев-помещиков привело А. Н. Энгельгардта к заключению о чрезвычайно благотворном воздействии на человека пребывания в этом социальном статусе, который только, как он считал, и позволяет во всей полноте пережить личностную состоятельность, уверенность в самом себе, в своих силах [12, с. 275—276]. Обосновывая этот тезис, он сравнивал крестьян, ведущих свое хозяйство, с теми, кто, бросив землю, уходил искать либо поденной работы в деревне, постепенно впадая в полную бедность, либо места в городе, надеясь «попасть на линию», то есть поступить в услужение, в лакеи, чтобы научиться «ловко мерсикать ножкою». Он писал: «Попавший на линию начинает обыкновенно презирать черную мужицкую работу, предпочитает более легкую лакейскую службу, одевается по-немецки, ходит при часах, старается о том, чтобы у него было как можно более всякой одежды. Жена его стремится в барыни и завидует такой-то и такой-то товарке, которая ранее ушла из деревни в Москву, живет с купцом и имеет семнадцать платьев. Детей своих она водит, *как панинят*, и хотя бьет, но кормит сахаром и учит *мерсикать ножкой*» [12, с. 274—275].

Однако, отмечал хозяйствующий публицист, в этих «попавших на линию», зовущихся обращением «человек», уже невозможно увидеть того сознания собственного достоинства, какое светится в открытом, честном лице мужика-хозяина. Неслучайно, подчеркивал он, для хозяина нет ничего более унижительного, чем превратиться в «мерсикающего ножкой».

Подтверждая это наблюдение, он привел фрагмент диалога, состоявшегося у него с хозяйственно смышленным мужиком:

— А хорошее жалованье получают эти курятники — 250 рублей, да еще рвет с кого билетик, с кого трояк! (сказал мужик. — *О. С.*).

— А ты бы разве пошел на эту должность?

— Я-то?

— Ну да, ты.

— Избави меня Господи! Я? В батраки! [12, с. 275].

«И сколько презрения было в этих словах», — отмечал Энгельгардт, так как, пояснял он далее, для мужика «”батрак” — это такое бранное слово, хуже которого нет». Это слово, подчеркивал он, выводит из себя даже самого «ловкомерсикающего ножкой», поскольку как бы хорошо он на линии ни стоял, но «тайничок-то русский му-

жицкий», понимание, что праведным может быть только земледельческий доход, у него в мозгу сохранялся, а поэтому и для него оставалось очевидным, что независимым и имеющим собственное достоинство может быть лишь тот, кто осиливает землю, осиливает хозяйство, в противном случае его судьба — в руках тех, под которых он, «укусив пирожка, лизнув медку», принужден подлаживаться, отказываясь от заложенного в нем дара создателя и творца, наиболее полно раскрывающегося только в деятельности хозяина-земледельца [12, с. 275—276].

Благотворность хозяйственной самостоятельности А. Н. Энгельгардт доказал личным примером, фактически став совершенным хозяином. В 1874 г. он писал: «А теперь я живу в деревне, в настоящей деревне, из которой осенью и весной иной раз выехать невозможно. Не служу, жалованья никакого не получаю, о крезолах и дифенолах забыл, занимаюсь хозяйством, сею лен и клевер, воспитываю телят и поросят... живу в таком доме, что не только босиком по полу пройти нельзя, но не всегда и в валенках усидишь, — а ничего, здоров. Езжу в телеге или на бегунках, не только сам правлю лошадь, но подчас и сам запрягаю, ем щи с солониной, борщ с ветчиной, по несколько месяцев не вижу свежей говядины и рад, если случится свежая баранина, восхищаюсь песнями, которые “кричат” бабы, и пляскою под звук голубца, не верю тому, что пишут в газетах...» [12, с. 125].

Оказавшись на постоянном жительство в Батищеве, отставной профессор сократил свои потребности до минимума. Он стал жить так, как живут хозяйственные мужики, а именно — все средства направлять в дело и стараться «обходиться всем своим, непокупным» [12, с. 131]. Создавая свою рациональную систему хозяйства, Энгельгардт исходил из имеющихся возможностей — был скромнен в личных потребностях, не воздвигал новых построек, не заводил сельскохозяйственных машин, не выписывал породистого скота. Одевался по-мужицки: зимой носил полушубок и валенки, летом — простую красную фланелевую рубашку и широкие шаровары, заправленные в сапоги, особой прислуги не держал, кроме старика-истопника и простой бабы, одновременно бывшей и экономкой и поварихой. Долгое время жил в плохо отапливаемом доме, старые постройки по его распоряжению чинились, но никогда не пускались на слом. Все заросшие сорняком после 1861 г. земли были расчищены и распаханы, пустошные луга приведены в порядок, весь лес превращен в парк из красивых рощ. Из скота, приобретенного у крестьян и помещиков,

было составлено лучшее в округе стадо. Так постепенно на основе внутренних, правильно распределенных ресурсов было создано образцовое хозяйство.

Вот как в ноябре 1879 г. («Письмо восьмое») Энгельгардт описывал появившееся у него новое самоощущение — самоощущение «крепкого хозяина»: «В начале ноября я как-то поехал на станцию. Так себе поехал: понюхать, узнать, что новенького... Приятно было побыть в народе, когда чувствуешь себя в некотором роде единицей и ничего не боишься. Семь лет перед тем просидел я в деревне, чувствуя себя нулем, сознавая, что я ровно ничего не стою, что мне так только из милости дозволяется жить. И вдруг показалось (овладев навыками ведения хозяйства и получив хорошие результаты. — *О. С.*), что и я на что-нибудь годен, что и я что-нибудь да стою» [12, с. 305—306].

Примечательно, что это самоощущение состоявшегося хозяина вполне совпадало с тем, как Энгельгардта воспринимали окружающие. С одной стороны, представители разночинной интеллигенции, ехавшие в Батищево со всех уголков России, чтобы научиться «мозольному труду», делу [13, с. 521—523], и рассматривавшие деятельность Энгельгардта как образец для подражания, инициировали создание в его имении «практической академии» по овладению навыками ведения хозяйства. С другой стороны, крестьяне, вступившие во взаимовыгодные сделки с грамотным «батищевским паном», начали перенимать у соседа-практика агрономические новинки и в итоге, существенно укрепив свои хозяйства, сумели образовать около имения Батищево так называемый «Счастливый уголок» — район из 8—10 деревень, жители которых, по словам А. Н. Энгельгардта, забыли, что такое недороды, голод и кабальные работы [12, с. 358—359].

Личный опыт ведения сельскохозяйственных работ, а также заинтересованное внимание к обустройству жизни пореформенной деревни позволили А. Н. Энгельгардту выработать ключевые принципы эффективного хозяйствования как основы экономического роста. Примечательно, что в 1870—1880-х гг. в условиях преобладания в отечественной общественной мысли либерально-экономических воззрений, отдававших пальму первенства стихийным законам рынка, он сумел убедительно обосновать необходимость освоения национальной культурно-хозяйственной традиции. В 1878 г. он писал:

«Я, веря в русского человека, убежден, что... мы, русские... совершим это великое деяние, введем новые способы хозяйничанья... Что мы можем сделать, идя по следам немцев? Разве не будем постоянно отставать? И наконец, полнейшая неприменимость у нас немецкой агрономии разве не доказывает, что нам необходимо нечто самобытное?» [12, с. 278]. Весь практический опыт Энгельгардта, описанный им в двенадцати очерках-письмах «Из деревни», убеждал, что только через освоение национальных принципов хозяйственно-производительной деятельности можно создать прочные основы социального обустройства как отдельной территории, так и России в целом.

Список источников и литературы

1. Соловьев В. С. Тайна прогресса // Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 2.
2. Письма А. Н. Энгельгардта разным лицам // Энгельгардт А. Н. Из деревни 12 писем. 1872—1887. СПб., 1999.
3. Богданович А. И. Письма из деревни А. Н. Энгельгардта (1897). URL: http://lib10.ru/russian_classic/bogdanovich_ai/pisma_iz_derevni_a_n_engelgardta. 2388 (дата обращения: 14.08.2011).
4. Будаев Д. И., Будаева О. Д. Письма «Из деревни» как исторический источник // Энгельгардт А. Н. Из деревни 12 писем. 1872—1887. СПб., 1999.
5. Фаресов А. И. Письма из деревни А. Н. Энгельгардта // Исторический вестник. 1883. Т. 11.
6. Мещерский А. П. А. Н. Энгельгардт, как хозяин // Мещерский А. П. Письма деревенского хозяина. СПб., 1896.
7. Богданович А. И. Письма из деревни А. Н. Энгельгардта // Богданович А. И. Годы перелома 1895—1906 : сб. критических статей. СПб., 1908.
8. Будаева О. Д. Письма «Из деревни» А. Н. Энгельгардта как исторический источник // Сельское хозяйство и крестьянство Нечерноземного Центра РСФСР. Смоленск, 1976.
9. Дзюба С. Ю. Особенности образной системы писем «Из деревни» А. Н. Энгельгардта. Смоленск, 1999.
10. Фрумкина Р. Письма «Из деревни» Энгельгардта как роман успеха // Отечественные записки. 2002. № 6.
11. Козлов С. А. Рационализаторская деятельность А. Н. Энгельгардта в области землепользования: социально-хозяйственные аспекты // Землеведение и землепользование в России (социально-правовые аспекты) : матер. XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / отв. ред. Л. В. Милов. Калуга, 2003.
12. Энгельгардт А. Н. Из деревни 12 писем. 1872—1887. СПб., 1999.
13. Энгельгардт Н. А. Александр Николаевич Энгельгардт и Батищевское дело // Энгельгардт А. Н. Из деревни 12 писем. 1872—1887. СПб., 1999.

14. *Козлов П. А.* Вечер в Батищеве // *Энгельгардт А. Н.* Из деревни 12 писем. 1872—1887. СПб., 1999.

15. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1999. Т. 1.

16. *Энгельгардт А. Н.* Письма 1863 года // *Энгельгардт А. Н.* Из деревни 12 писем. 1872—1887. СПб., 1999.

17. *Письма А. Н. Энгельгардта к А. Н. Куломзину* // *Русский сельский хозяин.* Несколько мыслей об устройстве хозяйства в России на новых началах (с приложением 15 неизданных писем А. Н. Энгельгардта к А. Н. Куломзину). СПб., 1894.

**Деятельность обществ сельского хозяйства
Псковской губернии
во второй половине XIX — начале XX века**

В статье проанализирован процесс создания и деятельность сельскохозяйственных обществ Псковской губернии. Особое внимание уделено вкладу сельскохозяйственных обществ в развитие местного сельского хозяйства. Определена роль обществ в просвещении сельского населения Псковской губернии, в том числе путем организации сельскохозяйственных выставок, музеев и школ, издания специализированных журналов и активного участия в кооперативном движении.

This article analyzes the process of the organization and functioning of the agricultural societies in Pskov province. Special attention is dedicated to the contribution of the agricultural societies to the development of agriculture in the region. The author identified the role of agricultural societies in the education and enlightenment of the rural population of Pskov province, which included the organization of agricultural exhibitions, museums and schools, the production of specialized journals, the participation in the cooperative movement.

Ключевые слова: общества сельского хозяйства, общественные организации, земство, крестьянство, агрономия, Псковская губерния.

Keywords: agricultural societies, non-governmental organizations, zemstvo, peasantry, agronomy, Pskov province.

История сельскохозяйственных обществ в России начинается с учреждения в 1765 г. в Санкт-Петербурге императорского Вольного экономического общества. В конце XVIII — первой половине XIX в. первые сельскохозяйственные общества появляются в Москве, Прибалтике, на Украине и в Закавказье. С учреждением в 1838 г. Мини-

стерства государственных имуществ все общества, целью которых являлось распространение сведений о сельском хозяйстве, перешли в его ведение. К 1861 г. в России функционировало около тридцати общих и специальных сельскохозяйственных обществ. Только после отмены крепостного права процесс создания сельскохозяйственных обществ приобрел общероссийский характер. Этому способствовало некоторое облегчение процедуры открытия обществ. С 1866 г. разрешение на учреждение сельскохозяйственных обществ и утверждение их уставов было предоставлено Министерству государственных имуществ по предварительному соглашению с Министерством внутренних дел [1, с. 104—105].

Общества сельского хозяйства представляли собой общественные организации, создаваемые на добровольных началах и состоявшие из лиц, близко знакомых с положением сельского хозяйства на местах и в силу этого способных с помощью своего опыта и знаний содействовать сельскохозяйственному прогрессу. В зависимости от того, какие цели преследовали создатели обществ, их деятельность могла сильно различаться. Одни разрабатывали научные вопросы общеэкономического характера, другие концентрировались на удовлетворении неотложных нужд местного сельского хозяйства, а именно на поиске наилучших форм ведения хозяйства, облегчении сбыта продукции, что, в свою очередь, приводило к организации складов, комиссионерств, садов, питомников и т. д. По роду и району деятельности все общества делились на общие (охватывали все виды сельского хозяйства) и специальные (занимались отдельными отраслями), самостоятельные и вспомогательные (отделы обществ), центральные и местные. Современники во многом расходились в оценке эффективности деятельности сельскохозяйственных обществ, однако в том, что они необходимы, не сомневались.

В Псковской губернии сельскохозяйственные общества появились только в пореформенный период. Представители местного дворянства неоднократно поднимали вопрос о необходимости их создания. В частности, 10 апреля 1861 г. на заседании местного дворянского съезда псковский помещик Н. Е. Подерня выступил с докладом о пользе учреждения сельскохозяйственного общества в Пскове и представил разработанный им проект устройства указанного общества на добровольных и бессловных началах [2; 3]. В 1862 г. по инициативе местного предводителя дворянства было создано Торопецкое общество сельских хозяев, распространившее свою деятельность также на Великолуцкой и Холмский уезды.

Однако решающую роль в создании сельскохозяйственных обществ в Псковской губернии сыграли земские учреждения. Инициатором учреждения общества, сфера деятельности которого в перспективе охватывала бы всю губернию, выступило Псковское уездное земство. По поручению уездной земской управы был разработан устав Псковского общества сельского хозяйства, утвержденный 6 мая 1876 г. Министерством государственных имуществ [4, с. 1, 18].

В уставе общества были определены его основные задачи, которые для того времени представлялись весьма амбициозными. Общество должно было содействовать развитию не только сельского хозяйства, но и промышленности всей Псковской губернии. В его задачи входило издание трудов по сельскому хозяйству, устройство сельскохозяйственных опытных станций, учебных ферм, сельскохозяйственных библиотек и музеев, присуждение медалей и похвальных листов за труды по сельскому хозяйству, приобретение производителей для улучшения пород скота, а также посредничество при покупке и продаже предметов, связанных с сельским хозяйством. Находясь в ведении Министерства государственных имуществ, общество имело право обращаться в министерство с ходатайствами о принятии необходимых мер в целях развития местного сельского хозяйства, а также о субсидировании этих начинаний [5, с. 141—142].

Первое собрание членов Псковского общества сельского хозяйства состоялось 22 октября 1876 г. Председателем общества был избран управляющий губернского управления государственных имуществ Н. Е. Касталский. В первый год деятельности общества в его состав входило 63 члена, из которых 44 были членами-учредителями. Только 25 членов общества имели отношение к местному сельскому хозяйству [4, с. 2].

Деятельность Псковского общества сельского хозяйства на протяжении всего периода его существования была тесно связана с земскими учреждениями. Общество изначально задумывалось как посредническая организация между сельскими хозяевами и земством. Псковское уездное земство не только способствовало его учреждению, но и предоставило для него помещение в здании, где размещалась земская управа. На момент создания общества среди его членов было немало известных земских деятелей, в том числе первый председатель псковской земской управы Н. А. Ваганов (1837—1899), впоследствии ставший председателем общества. В правление общества вошел член псковской земской управы, а впоследствии ее пред-

седатель крестьянин Д. И. Иванов (1837—1916), который более десяти лет будет бессменным казначеем и заведующим складом общества. Членами общества были также бывшие мировые посредники, принимавшие участие в реализации крестьянской реформы в Псковской губернии, а потому близко знакомые с крестьянским делом. Помимо Н. А. Ваганова, бывшего мирового посредника Псковского уезда, членом общества стал Н. А. Спешнев, бывший мировой посредник Островского уезда. Активное участие в деятельности общества приняли члены псковского губернского статистического комитета [5, с. 57].

Председательскую должность в Псковском обществе сельского хозяйства в разное время занимали деятели с совершенно разными, зачастую противоположными взглядами. Наряду с псковским губернатором К. И. Пашенко, губернскими предводителями дворянства А. Е. Зариным и Н. И. Новосильцевым, земским начальником Псковского уезда С. И. Зубчаниновым, председателями общества являлись также бывший петрашевец Н. А. Спешнев и бывший ссыльный, в течение пяти лет находившийся под гласным надзором псковской полиции, А. А. Николаев [6, с. 154—157].

В период своего существования Псковское общество сельского хозяйства играло ведущую роль в губернии. Его деятельность стала ориентиром для уездных сельскохозяйственных обществ, возникших позже. Среди них можно отметить Опочечское общество сельского хозяйства, основанное в 1895 г. Процесс создания обществ ускорился после того, как Министерство земледелия и государственных имуществ признало необходимым облегчить условия учреждения местных сельскохозяйственных обществ. Для этого был разработан новый устав, утвержденный в 1898 г., согласно которому для учреждения общества достаточно было разрешения губернатора. Кроме того, местные общества сельского хозяйства получили право образовывать специальные комитеты по предметам своей деятельности и открывать в районах местные отделы.

В 1900 г. были учреждены Великолуцкое и Порховское общества сельского хозяйства, в 1904 г. сельскохозяйственные общества появились в Островском и Холмском уездах, в 1911 г. — в Новоржевском уезде. Ряд обществ, в первую очередь Псковское, а также Великолуцкое и Торопецкое, распространяли свою деятельность на несколько уездов и открывали в них свои отделы. В частности, в 1902—1904 гг. Псковское общество сельского хозяйства основало

4 отдела в различных волостях уезда. Также обществом было организовано несколько комитетов, среди них кредитный, льноводный, пчеловодный (1901 г.), музейный (1904 г.), комитет скотоводства (1905 г.), комитет садоводства и огородничества (1907 г.). Свои отделы в уездах основали сельскохозяйственные общества Порховского и Холмского уездов. С 1907 г. в губернии стали появляться волостные сельскохозяйственные общества, чья сфера деятельности распространялась на одну или несколько волостей [7, с. 120—123].

По данным за 1915 г., в Псковской губернии действовало 75 сельскохозяйственных обществ, в том числе 58 общих и 17 специальных. Наибольшее количество обществ было учреждено в начале XX в.: в 1900—1904 гг. основано 6 обществ, в 1905—1909 гг. — 12, в 1910—1914 гг. — 38. В 1907 г. образовалось Товарищество сельских хозяев в г. Пскове. В 1911 г. было учреждено Псковское центральное сельскохозяйственное общество, призванное координировать работу уездных обществ. Председателем его правления стал уже упоминавшийся Д. И. Иванов. В конце XIX — начале XX в. Псковское общество сельского хозяйства постепенно трансформировалось в союзную организацию губернского типа, объединявшую наряду с сельскохозяйственными обществами кредитные и потребительские товарищества [8, с. 41, 75; 9, с. 38].

Обращаясь к истории Псковского общества сельского хозяйства, следует отметить, что его члены неоднократно задумывались о том, как сделать его деятельность более продуктивной. Одной из главных сложностей, с которыми общество столкнулось в начале своей деятельности, была острая нехватка денежных средств. Кроме членских взносов и небольших ежегодных субсидий, получаемых от псковского губернского и уездного земства, общество не располагало необходимыми капиталами. В связи с этим в первые годы среди членов общества шли горячие споры по поводу того, какой характер должна принять его деятельность. Несмотря на то что в уставе было прописано посредничество между сельскими хозяевами при покупке и продаже предметов, многие опасались, что общество может превратиться в торговое учреждение и не желали брать на себя моральную и материальную ответственность за подобные операции. На одном из первых заседаний общества в 1876 г. пришлось проводить голосование по пункту программы действий общества, предусматривавшему прием на продажу различных предметов сельского хозяйства и исполнение заказов сельских хозяев о приобретении для них указан-

ных предметов. Решение приняли с перевесом всего в три голоса [4, с. 4, 34]. Тогда же было внесено предложение об учреждении склада земледельческих орудий и семян при обществе, который мог бы выполнять функции магазина для продажи предметов сельского хозяйства и кустарной промышленности. Предложение вызвало горячие дискуссии, однако в 1877 г. склад общества начал свою работу. Первоначально его главной задачей являлась организация посредничества между сельскими хозяевами и торговыми фирмами при покупке семян, сельскохозяйственных орудий и машин. Псковское уездное земство уступило обществу бесплатно под склад здание и предоставило ежегодную ссуду и кредит в обществе взаимного кредита уездного земства. Тем не менее на протяжении первого десятилетия своей деятельности общество стремилось уклониться от прямого участия в торговых операциях, стараясь использовать комиссионеров. В 1889 г. склад общества был преобразован. Местное земство предоставило ему новые необходимые помещения, а губернское земское собрание в два раза увеличило кредит. За следующее десятилетие обороты склада возросли на 800% [10, с. 4, 53, 61].

Главной причиной расширения оборотов склада стало развитие кредита. С 1890-х гг. склад общества организовал для своих клиентов дешевый кредит в виде отпуска краткосрочных ссуд сельскохозяйственными товарами как непосредственно за счет общества, так и за счет земства, а также кредитных кооперативов, с которыми склад входил в особое соглашение. Это привлекло в первую очередь крестьян, которые являлись главными покупателями. В 1900 г. из 10 тыс. клиентов склада 75% покупателей составляли крестьяне [1, с. 116; 4, с. 5].

С 1899 г. общество стало действовать по новому уставу сельскохозяйственных обществ, одобренному общим собранием в октябре 1898 г. и утвержденному губернатором. Устав предоставил обществу право выдавать займы. Был открыт кредит из склада пайщикам крестьянских ссудо-сберегательных товариществ. Общество из среды своих членов создало специальный кредитный комитет, который должен был наметить меры для осуществления мелкого сельскохозяйственного кредита. С 1899 по 1906 г. Псковским обществом сельского хозяйства было выдано в кредит товаров на сумму в 200 тыс. руб. Общество неоднократно отправляло ходатайства в правительственные инстанции об учреждении особого сельскохозяйственного кредита, который был бы более дешевым, чем кредит в частных бан-

ках и обществах взаимного кредита, а также о распространении ме-лиоративного кредита на искусственные удобрения и семена клевера [4, с. 25]. Таким образом, Псковское общество сельского хозяйства, а вслед за ним и другие уездные общества губернии внесли значительный вклад в развитие местной сельскохозяйственной кооперации.

На складе реализовывалась самая разная продукция. Наряду с семенами и удобрениями на складах общества продавались сельскохозяйственные орудия и машины (плуги, веялки, молотилки, сеялки, вилы, косы и т. д.), предметы кустарной промышленности (ковры, корзины, мебель), а также книги по ведению сельского хозяйства, птицеводству, пчеловодству, рыболовству, льноводству, садоводству и обработке почвы. Наибольшим спросом у крестьян пользовались семена и минеральные удобрения. В 1900 г. со склада Псковского общества сельского хозяйства было продано 66 тыс. пудов искусственных удобрений, в 1901 г. — 97 тыс. пудов [4, с. 9; 11, с. 36—38].

Общество не только способствовало продаже фабричных сельскохозяйственных орудий, но и поощряло их производство кустарным способом с целью их удешевления. В связи с тем что спрос на сельскохозяйственные орудия оставался невысоким из-за их дороговизны, в 1893 г. было принято решение приобщать лучших кузнечно-слесарных мастеров Пскова к изготовлению плугов, веялок и сортировок с последующей продажей их со склада общества. При поддержке общества, содействовавшего кустарям в получении кредита от земства, в уезде было организовано несколько кустарных мастерских, изготавливавших одноконные крестьянские плуги. Указанные изделия пользовались большим спросом у крестьян. Только в 1900 г. крестьяне заказали местному кустарю изготовление 100 плугов [4, с. 7, 31].

Еще в 1880-е гг. в обществе возникла идея открыть отделения склада в отдаленных частях Псковского уезда. Первые два отделения были открыты в 1895 г. В 1897 г. ревизионная комиссия общества предлагала закрыть отделения склада в уезде из-за незначительности их операций, однако это начинание продолжилось. К 1905 г. склад уже имел 9 отделений. Создававшиеся в других уездах сельскохозяйственные общества также открывали собственные склады, так как это направление деятельности оказалось одним из наиболее продуктивных. В частности, местное общество в Опочке открыло склад в 1896 г. [10, с. 61, 70; 12, с. 2]. К 1913 г. в губернии их было более 3 десятков. При складах также учреждались зерноочистительные и прокатные пункты.

Другим направлением деятельности Псковского общества сельского хозяйства, заявленным в уставе, была организация сельскохозяйственных выставок. Решение о проведении первой губернской выставки было принято на общем собрании 6 марта 1878 г. С тех пор выставки проводились примерно каждые пять лет в сентябре. Их организация требовала от членов общества значительных усилий. Необходимо было разработать программу выставки, согласовать ее в министерстве, определить место, найти выставочные помещения и, наконец, добиться от Министерства государственных имуществ средств на ее организацию. Несмотря на указанные сложности, дело развивалось. Первая выставка, состоявшаяся в 1878 г., привлекла 198 экспонентов и 5,8 тыс. посетителей, вторая, состоявшаяся в 1883 г., — 211 экспонентов и 5 тыс. посетителей. В 1888 и 1894 гг. были проведены третья и четвертая выставки. Число экспонентов осталось примерно на том же уровне: 235 и 240 соответственно, однако число посетителей значительно возросло — с 11,5 тыс. до 20 тыс. человек. Пятая выставка должна была состояться в 1899 г., однако была перенесена на год в связи с неурожаем. Шестая псковская сельскохозяйственная и промышленная выставка прошла в 1909 г. и была организована Товариществом сельских хозяев в г. Пскове. Победители выставок отмечались золотыми, серебряными и бронзовыми медалями, а также похвальными листами и денежными премиями. В выставках имели право участвовать производители сельскохозяйственной продукции из других губерний, однако они не могли претендовать на премии в виде похвальных листов и медалей, а только на одобрительные свидетельства от Псковского общества сельского хозяйства [4, с. 16—17].

Программы выставок согласовывались с Министерством государственных имуществ и предусматривали организацию нескольких отделов. Например, четвертая сельскохозяйственная выставка, проведенная в Пскове в 1894 г., имела 8 отделов: земледельческий; земледельческих машин и орудий; скотоводства и молочного хозяйства; лесоводства, садоводства и огородничества; рыболовства; рыбоводства; охоты и пчеловодства; фабричных, заводских и ремесленных производств, имевших отношение к области сельского хозяйства, а также предметов кустарной промышленности и, наконец, дополнительный отдел с информацией по улучшению и развитию сельского хозяйства. По окончании выставок проводились аукционы, на которых можно было приобрести часть экспонатов [13, с. 5—7; 14, с. 79].

Устройство сельскохозяйственных выставок сыграло огромную роль в деле популяризации новых методов и приемов ведения сельского хозяйства. В Псковской губернии, по всеобщему признанию, они способствовали более широкому использованию плугов в крестьянском хозяйстве, а также применению минеральных удобрений и травосеянию. Организаторы выставок отмечали, что постепенно интерес к выставкам в губернии возрастал, в том числе со стороны крестьянства. Из 240 участников четвертой сельскохозяйственной выставки, проводившейся в 1894 г., дворяне составляли 27%, крестьяне — 24%, купцы и мещане — соответственно 18% и 16%. Большая часть экспонентов (63%) представляла г. Псков и Псковский уезд, от других уездов губернии участвовали от 1 до 9 экспонентов, что было связано главным образом с бедностью населения и отсутствием нормальных путей сообщения в губернии. В то же время росло число экспонентов из других губерний. В частности, на указанной выставке свою продукцию представили 54 экспонента из Санкт-Петербургской, Лифляндской и Витебской губерний. Специальная комиссия оценивала выставленные экспонаты и присуждала награды, среди которых были золотые, серебряные и бронзовые медали, похвальные листы и денежные премии. В 1894 г. из 208 наград выставки 64 были присуждены крестьянам. На выставках можно было не только познакомиться с достижениями местного народного хозяйства, но и получить разъяснения от специалистов, направленных департаментом земледелия, и местных агрономов, в то время как члены Псковского общества сельского хозяйства проводили лекции и беседы по пчеловодству, садоводству, применению минеральных удобрений [13, с. 5—7, 43—45].

Наряду с выставками, организованными Псковским обществом сельского хозяйства, аналогичные выставки проводились в других уездах. С 1908 г. ежегодно проводилась Холмская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка, которую организовывало местное общество. В рамках выставки общество вне конкурса демонстрировало имевшиеся на складе сельскохозяйственные машины и орудия, проводило испытания образцов, присланных из Санкт-Петербурга и других городов. Награды участникам выставки в виде медалей, похвальных листов и премий предоставлялись не только самим Холмским обществом, но и Главным управлением землеустройства и земледелия, Московским обществом сельского хозяйства, Санкт-Петербургским собранием сельских хозяев, Псковским обществом сельского хозяйства [15, с. 13].

Помимо общих сельскохозяйственных выставок в губернии организовывали и специальные. В частности, с 1877 г. в Пскове проводились ежегодные выставки коневодства. В 1880 г. Псковским обществом сельского хозяйства была организована выставка плодоводства, садоводства и огородничества, в следующем году — выставка племенных телят, в 1886 г. — выставка кустарного производства, в 1899 и 1901 гг. — выставки скотоводства. Первая в Пскове выставка крупного рогатого скота состоялась 26 сентября 1899 г. и проходила одновременно с ежегодной конской выставкой. Особые усилия по ее организации и развитию скотоводства в уезде приложил председатель Псковского общества сельского хозяйства Н. А. Ваганов. Большинство голов скота было представлено местными крестьянами, 17 крестьян получили денежные награды [4, с. 16; 10, с. 24—25].

Кроме организации местных сельскохозяйственных выставок Псковское общество сельского хозяйства участвовало во всероссийских и международных выставках с продукцией, производимой псковскими сельскими хозяевами. В частности, общество представило псковский лен и другую сельскохозяйственную продукцию на всемирных художественно-промышленных выставках в Москве (1882) и Нижнем Новгороде (1896), всемирной выставке в Париже (1900), международной выставке в Глазго (1901) [4, с. 10].

Местные общества сельского хозяйства ставили перед собой также просветительские цели. В условиях постоянной нехватки денежных средств это направление деятельности было одним из наиболее доступных. Среди важных начинаний Псковского общества сельского хозяйства можно выделить учреждение музея, на устройство которого местное земство выделило небольшие средства. Решение о его создании было принято на одном из первых собраний общества, 29 ноября 1876 г. [4, с. 56—57]. Учреждение музея воспринималось как начало деятельности общества. В музее планировалось выставлять образцы местного сельского хозяйства Псковской губернии, а также материалы для ознакомления сельских жителей с современными приемами хозяйствования на земле. Из-за отсутствия средств было решено комплектовать музей путем добровольных пожертвований. Были разосланы объявления, в которых перечислялись предметы и информация, интересовавшие музей, и в следующем году музей начал свою работу. В 1886 г. была разработана новая программа развития музея, целью которой стало пополнение естественно-исторического отдела коллекциями с образцами местных

почв, минералов, коллекциями зимующих и перелетных птиц, зверей, насекомых, рыб, земноводных и пресмыкающихся. Кроме того, 23 апреля 1889 г. по предложению уездного земского собрания при обществе был открыт музей «для предметов сельского хозяйства и кустарной промышленности», чья работа была направлена на поддержку интереса к местным кустарным промыслам и их изучение. Материалы о промыслах Псковского и других уездов собирались через учителей земских школ. Музей находился в ведении особой комиссии, состоявшей из членов общества и земской управы. При нем был открыт магазин по продаже кустарных изделий, передаваемых кустарями на комиссию [16, с. 152; 17, с. 620—621].

Большую роль в развитии сельскохозяйственного музея Псковского общества сельского хозяйства сыграл И. А. Соколовский, возглавивший впоследствии музейный комитет общества. По его инициативе была также организована библиотека по сельскому хозяйству, включавшая 1500 томов. К 1901 г. музей общества состоял из двух отделов: естественно-исторического и сельскохозяйственного, в которых выставлялись 2500 предметов. В сентябре 1905 г. было принято решение открыть музей для публики по воскресным и праздничным дням. Открытие состоялось 21 октября 1905 г. За первые три месяца музей посетило около 1000 человек. Большую часть посетителей составляли ученики местных учебных заведений [4, с. 3, 56—57, 63; 12, с. 16].

Несмотря на перечисленные успехи, члены Псковского общества сельского хозяйства неоднократно отмечали, что возможности сельскохозяйственных обществ в России крайне ограничены. В отчетах общества подчеркивалось, что данные учреждения в России в громадном большинстве впадают в жалкое существование, их постоянно упрекали в бездействии, апатии и считали мертворожденными. В этой связи нередко поднимался вопрос о том, что можно было предпринять для исправления ситуации. В 1890 г. в «Вестнике Псковского губернского земства», который тесно сотрудничал с Псковским обществом сельского хозяйства, были озвучены интересные рассуждения на эту тему. В качестве примера более эффективной работы сельскохозяйственных обществ приводилась ситуация в Великом княжестве Финляндском, где указанные организации существенно улучшили ситуацию в сельском хозяйстве. Причина этого заключалась, по мнению автора заметки, в том, что общества в Финляндии были тесно связаны с сельскохозяйственными училищами и

местными агрономами, имели в своем распоряжении образцовые фермы, содержали ремесленные школы и передвижные школы молочного хозяйства, нанимали преподавателей домашних ремесел, садовников, инструкторов, которые постоянно объезжали отдаленные селения. У финских сельскохозяйственных обществ была возможность издавать литературу по сельскому хозяйству и кустарным промыслам, с последующей раздачей населению бесплатно. Также они предоставляли субсидии начальным школам и снабжали их необходимыми учебными материалами для обучения ремеслам. Существовавшие в Финляндии 15 сельскохозяйственных обществ насчитывали около 5000 членов и имели уездные и общинные отделения, что позволяло им охватывать все населения края и оказывать благотворное влияние на развитие местного сельского хозяйства [16, с. 138—139].

Таким образом, перед членами сельскохозяйственных обществ Псковской губернии был конкретный пример того, как добиться повышения эффективности работы. В этом направлении они и следовали. Вопрос о необходимости упрощения процедуры учреждения сельскохозяйственных обществ, а также об усилении контактов между ними неоднократно поднимался на собраниях Псковского общества сельского хозяйства. В частности, 23 марта 1890 г. правление обсуждало вопрос о необходимости устройства особых уездных сельскохозяйственных съездов. Такие съезды позволили бы решить проблему нехватки средств на открытие постоянных отделений общества в уездах и создали условия для поддержания контактов со всеми заинтересованными в развитии местного сельского хозяйства энтузиастами. В результате общее собрание членов общества приняло решение обратиться с ходатайством в Министерство государственных имуществ о внесении изменений в устав общества и предоставлении ему права открывать свои отделы и учреждать сельскохозяйственные съезды в уездах. В 1892 г. разрешение министерства было получено. В 1895 г. председатель общества Н. А. Ваганов предложил создать в уездах сеть сельскохозяйственных союзов самопомощи, где Псковское общество сельского хозяйства играло бы роль центрального бюро, оказывая посильную помощь в снабжении населения семенами, удобрениями и орудиями труда. В 1896 г. члены общества обсуждали возможность закупать крупными партиями совместно с другими обществами сельского хозяйства минеральные удобрения и другие сельскохозяйственные товары. Рассматривались

возможности установления более тесных контактов с обществами Санкт-Петербургской, Новгородской, Тверской, Витебской, Смоленской губерний. Псковское общество сельского хозяйства также устраивало съезды для обсуждения различных хозяйственных вопросов: в 1894 г. был проведен съезд льноводов, в котором приняли участие представители других губерний, в 1900 г. организован съезд сельских хозяев Псковской губернии [4, с. 6, 8; 17, с. 610—612].

На уже упоминавшемся заседании 23 марта 1890 г. был поднят другой не менее важный для Псковской губернии вопрос — об устройстве опытных станций в уезде, в частности опытной льняной станции. Члены Псковского общества сельского хозяйства на протяжении всего периода его существования неоднократно обращались к проблеме улучшения льноводства в губернии. Они принимали активное участие в работе земской комиссии по льноводству. Еще в 1879 г. предлагалось устроить льноводческую выставку. В 1894 г. псковское общество и съезд льноводов ходатайствовали о правительственном регулировании торговли льном. В 1899 г. председатель общества Н. А. Ваганов вместе с членом совета Д. И. Ивановым совершили поездку во Францию в г. Лилль для ознакомления с новым способом мочки льна, позволявшим экономить время при обработке льняного волокна. В докладе обществу Ваганов рассматривал возможности применения этого способа в Псковской губернии. Члены общества неоднократно подчеркивали необходимость создания в Псковской губернии льнопрядильных фабрик. Общество на свои средства приобрело несколько льноочистительных машин и стремились приобщить к ним крестьян. Впоследствии в губернии были созданы на средства департамента земледелия три льнопрядильные мастерские (в Псковском, Новоржевском и Опочечком уездах), где демонстрировались правильные способы обработки льна [4, с. 17; 10, с. 29—30; 18, с. 2].

Общество стремилось содействовать улучшению кустарной промышленности, в частности развитию ткачества. В период с 1890 по 1893 г. в уезде действовала ткацкая мастерская, где бесплатно были обучены 30 ткачих. Многие из них потом организовали свои домашние мастерские. К сожалению, мастерскую пришлось закрыть из-за нехватки средств [4, с. 49].

Много было сделано для более активного применения в губернии минеральных удобрений. Впервые этот вопрос обсуждался на собрании общества уже в 1880 г. Один из членов общества был ко-

мандирован в Ригу для изучения вопроса и последующей организации дела по образцу прибалтийских губерний. На первых порах приходилось доказывать пользу удобрений. С этой целью члены общества предоставляли свои имения для применения удобрений. Также проводились беседы теоретического характера, готовились и издавались популярные брошюры на эту тему. Через несколько лет был построен небольшой завод по производству костяной муки, однако спрос на указанную продукцию не оправдал ожиданий [4, с. 18—21]. Тем не менее применение минеральных удобрений в крестьянских хозяйствах Псковской губернии неуклонно росло.

Общества сельского хозяйства Псковской губернии принимали активное участие в работе местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В 1902 г. в состав Псковского уездного комитета вошли члены правления Псковского общества сельского хозяйства, принявшие в его работе самое активное участие. В разработке программы комитета участвовали члены общества Д. И. Иванов, А. А. Николаев, С. И. Зубчанинов. В программу были включены предложения, предполагавшие учреждение в волостях сельскохозяйственных обществ, устройство порайонных сельскохозяйственных выставок, учреждение сельскохозяйственных школ и передвижных курсов, устройство и развитие музеев, расширение прав земских учреждений с целью повышения эффективности их работы, развитие сельскохозяйственного кредита. На заседаниях комитета с докладами об устройстве льнопрядилен и о кооперативном движении в Псковской губернии выступили Д. И. Иванов и А. А. Николаев. В докладе о распространении сельскохозяйственных знаний члена правления Псковского общества сельского хозяйства В. В. Исаева, представленном членам комитета, отмечалось, что причиной многих проблем в деревне являлись «невежественность, умственная неподвижность, отсутствие инициативы у главной массы населения». Эти черты крестьянства оценивались как результат его необразованности и экономической несостоятельности, полной зависимости крестьян во всех вопросах от произвола лиц, которым вверено попечение над взрослым населением, а также их полной зависимости в любых начинаниях от согласия общины. Однако предложение В. В. Исаева об освобождении сельского населения от излишней опеки властей и односельчан и передаче вопросов по устройству его жизни земским учреждениям комитет предсказуемо отклонил [19, с. 260—261, 268, 275, 303].

В Псковском обществе сельского хозяйства осознавали необходимость иметь собственный печатный орган и обсуждали этот вопрос еще в 1877 г., однако нехватка средств долгое время не позволяла его решить. С 1880 г. деятельность Псковского общества сельского хозяйства широко освещалась в «Вестнике Псковского губернского земства». В журнале был создан специальный сельскохозяйственный отдел, где печатались отчеты общества, а также различные статьи о проблемах сельскохозяйственного производства. С 1889 г. общество периодически публиковало особые объявления, в которых содержалась информация о продававшейся на его складах продукции, печатались рекомендации по ведению сельского хозяйства и кустарным занятиям. В 1902—1907 гг. издавались «Объявления и сообщения от Псковского общества сельского хозяйства членам общества, сельским хозяевам». Только в 1912 г. началось издание ежемесячного журнала «Вестник Псковского общества сельского хозяйства». В его задачи входило распространение в общедоступной форме сельскохозяйственных знаний среди мелких хозяев, крестьян и хуторян, их ознакомление с деятельностью правительства и земства [20, с. 1; 21, с. 26]. Общества сельского хозяйства других уездов Псковской губернии также имели свои печатные органы. С 1909 г. издавался «Ежемесячный сельскохозяйственный листок Островского общества сельского хозяйства», подписчикам которого бесплатно раздавались семена овощных культур и различные брошюры, с 1912 г. — «Опочецкий сельскохозяйственный листок», с 1914 г. — «Новоржевский сельскохозяйственный листок» [21, с. 25—26].

За период своей почти полувековой деятельности сельскохозяйственные общества Псковской губернии внесли весомый вклад в решение многочисленных проблем местного сельского хозяйства. Не имея необходимых средств и ресурсов, зачастую поддерживаемые лишь местным земством и усилиями своих членов, сельскохозяйственные общества занимались не только просветительской работой и распространением среди крестьян знаний, необходимых для ведения сельского хозяйства более современными методами. Они оказывали реальную практическую помощь псковским земледельцам, развивали сельскохозяйственную кооперацию, предоставляли возможность сельскому населению приобретать семена, удобрения и современные сельскохозяйственные орудия, оказывали помощь в сбыте крестьянской продукции.

Список источников и литературы

1. *Агрономическая помощь в России*. Пг., 1914.
2. *Псковские губернские ведомости*. 1861. 6 декабря.
3. *Псковские губернские ведомости*. 1861. 13 декабря.
4. *К двадцатипятилетию* Псковского общества сельского хозяйства. Псков, 1901.
5. *Памятная книжка* Псковской губернии на 1877 год. Псков, 1877.
6. *Маркова М. Т.* Поднадзорные в Псковской губернии в конце XIX — начале XX в. // Псков. 2008. №29.
7. *Справочные сведения* о сельскохозяйственных обществах / под ред. В. В. Морачевского. СПб., 1911.
8. *Справочные сведения* о сельскохозяйственных обществах по данным на 1915 год: [общий обзор] / под ред. В. В. Морачевского. Пг., 1916.
9. *Справочные сведения* о сельскохозяйственных обществах (Дополнительный выпуск адрес-календарных сведений к 1 сентября 1912 года). СПб., 1912.
10. *Отчет* Псковского общества сельского хозяйства за 1899 год. Псков, 1900.
11. *Вестник* псковского губернского земства. 1890. №1.
12. *Отчет* Псковского общества сельского хозяйства за 1905 год. Псков, 1906.
13. *Отчет* о IV-й очередной выставке Псковского общества сельского хозяйства в 1894 году. Псков, 1895.
14. *Вестник* Псковского губернского земства. 1894. №2.
15. *Отчет* по третьей Холмской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке 1910 г. Холм, 1911.
16. *Вестник* Псковского губернского земства. 1890. №2.
17. *Вестник* Псковского губернского земства. 1890. №7.
18. *Вестник* Псковского общества сельского хозяйства. 1915. №6.
19. *Труды* местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. 33 : Псковская губерния.
20. *Вестник* Псковского общества сельского хозяйства. 1915. №7—8.
21. *Справочник* по сельскохозяйственной периодической печати. 1916 г. Пг., 1916.

**Агропросветительная деятельность
сельскохозяйственных обществ
Олонецкой губернии**

Рассмотрены основные формы агропросветительной деятельности сельскохозяйственных обществ Олонецкой губернии: народные чтения, курсы, выставки сельского хозяйства и кустарных промыслов, экскурсии. Представлены сведения о различных мероприятиях по сельскохозяйственному просвещению.

The main forms of agro-educational activity of agricultural societies of Olonets province are considered: folk readings, courses, exhibitions of agriculture and handicrafts, excursions. Various activities on out-of-school agricultural education are presented.

Ключевые слова: сельскохозяйственные общества, агропросветительная деятельность, чтения, курсы, выставки, экскурсии.

Keywords: agricultural societies, agro-educational activities, readings, courses, exhibitions, excursions.

В начале XX в. сельское хозяйство Олонецкой губернии в связи с неурожаями в течение 3 лет подряд (1902—1904) переживало тяжёлую кризис. Особенно тяжёлым выдался 1904 год, когда сбор хлебов сократился в два раза по сравнению с обычными годами, в крестьянских хозяйствах резко уменьшилось количество коров и лошадей [1, с. 149]. В деревне возникла угроза голода.

В процессе проведения реформ П. А. Столыпина земские агрономы изыскивали различные способы развития земледелия и животноводства, повышения доходности крестьянских хозяйств, в том числе путем просветительской работы среди населения и распространения агрономических знаний. Цель сельскохозяйственного просвещения,

по мнению агронома и экономиста А. А. Фортунатова, состояла в том, чтобы «культивировать некоторые навыки понимания специального круга явлений, относящихся к той деятельности, в которой человек добывает себе средства существования посредством выращивания полезных растений и животных». По его мнению, в российских школах следовало давать практическое образование, «потребное для правильного ведения сельского хозяйства» [2, с. 14].

В настоящее время исследователи выделяют две основные формы внешкольного сельскохозяйственного просвещения: консультационно-информационные и экспозиционно-демонстрационные [3, с. 86]. Эта классификация использована в данной статье при характеристике агропросветительной работы сельскохозяйственных обществ (СХО) Олонецкой губернии.

Земские работники отмечали, что деревня была бедна «знаниями чисто практическими, столь необходимыми в обиходе повседневной деревенской жизни», которые почти не доходили до сельских жителей и поэтому имели незначительный круг сознательных последователей. В «Вестнике Олонецкого губернского земства» нередко писали о том, насколько примитивным было отношение крестьян «к своим домашним животным и вообще ко всему своему хозяйству». А «обработка земли и разведение скота у громадного большинства самые первобытные, и на отдельные совершенствования хозяйства приходится здесь смотреть лишь как на отрадное исключение, как на редкие огоньки, слабо светящиеся в беспредельном море деревенской темноты» [4, с. 11—12].

Вместе с тем нередко наблюдалось такое «печальное явление», когда «усиленная пропаганда какого-нибудь сельскохозяйственного нововведения бесследно пропадает среди разрозненного крестьянского населения» из-за того, что «общая культурность крестьянского населения крайне низка». Сосредоточение пропаганды в руках СХО меняло ситуацию, приводило к появлению среди крестьян «надежных последователей» [5, с. 16]. Главная задача сельскохозяйственных обществ состояла в том, чтобы улучшить приемы обработки земли и способы ведения сельского хозяйства, тем или иным путем добиться того, чтобы «два колоса росло там, где раньше был один». В соответствии с поговоркой «Всяк кузнец своего счастья» каждый крестьянин должен был узнать, что «нужно сделать все, чтобы перестроить свое хозяйство, сделать его выгодным и доходным» [6, с. 2]. Общества действовали при поддержке земств, усилиями которых в этот период были созданы агрономическая и ветеринарная службы.

Традиционной и доступной формой внешкольного образования являлись народные чтения и беседы, призванные распространять среди крестьян «сведения о разумном хозяйствовании» [7, с. 16]. Из-за отсутствия у общества собственного здания народные чтения на сельскохозяйственные темы для членов СХО и всех сельских жителей округа проводились агрономами в помещениях земских, министерских и церковно-приходских школ. В 1911 г. Олонецкое губернское земское собрание разрешило устраивать народные чтения по сельскому хозяйству при всех школах губернии [8, с. 82].

Активная деятельность СХО по распространению знаний в области сельского хозяйства зачастую была возможна лишь благодаря тому, что в состав многих обществ входили сельские учителя. В Лодейнопольском уезде «достойными распространителями знаний по возделыванию овощей на крестьянских огородах» выступали члены Винницкого СХО — учитель Аникеевского одноклассного земского училища А. В. Андронов и учитель Пертозерского одноклассного земского училища А. Э. Яковлев [9, с. 146]. Секретарем Оштинского СХО был учитель Оштинского образцового министерского училища П. В. Петрушин, он также являлся членом правления Общества вспоможения бедным и сирым Оштинского прихода [10, с. 75, 127]. В Петрозаводском уезде председателем Ладвинского СХО избрали священника П. И. Енохова, а его заместителем — учителя М. Д. Митрошкина [11, ф. 734, оп. 1, д. 1/1, л. 13].

В Повенецком уезде заместителем председателя Паданского СХО был избран учитель И. Ф. Григорьев [12, с. 60]. С 1912 г. членом Покровского СХО был учитель И. А. Ленкин [13, с. 219]. Инициатором создания и председателем Даниловского СХО стал учитель земской школы В. Д. Гробов, который также сыграл заметную роль в организации потребительного общества и кредитного товарищества в Данилове [14, с. 14].

Агрономы и ветеринары старались популяризировать среди крестьян знания по земледелию, травосеянию, мелиорации, маслоделию, животноводству, огородничеству, садоводству и пчеловодству, а также знакомить их с новыми машинами и орудиями труда. В выступлениях они применяли наглядные средства, плакаты, схемы и диапозитивы («световые картины»), которые демонстрировались при помощи проектора «волшебный фонарь». Губернский агроном К. К. Вебер составил список «световых картин» для чтений по сельскому хозяйству, куда включил диапозитивы «Новые сохи, плуги и

бороны, пахать и холить землю», «О правильной обработке земли плугом, сохой, косулей, скоропашками, бороною и катком», «Луговые покосы и как их улучшать», «Об огороде», «Парники», «Капуста кочанная, брюссельская, кольраби, брюква», «Редис», «Свекла», «Салат и шпинат», «Горох и бобы». Вебер рекомендовал в общении с крестьянами использовать «световые картины» по зоотехнике и пчеловодству «Гуси, утки и уход за ними», «Как помогать скотине в несчастных случаях и при внезапных заболеваниях», «Рогатый скот», «Овцеводство», «Лошади», «Как водить пчел» [9, с. 303, 314].

Наглядность вызвала интерес со стороны крестьян, поэтому после чтений с диапозитивами устраивались беседы, во время которых слушатели обменивались мнениями по поводу прочитанной брошюры и увиденных «световых картин». Такие беседы проходили часто «очень оживленно и приносили несомненную пользу крестьянам», выясняя и закрепляя в памяти сведения, услышанные на чтениях. Беседы способствовали «также и индивидуальному ознакомлению агрономического персонала с местным населением», что было немаловажным условием успеха агрономической работы. В то же время в некоторых уездах и волостях Олонецкой губернии нельзя было найти ни «световых картин», ни «волшебных фонарей», поэтому в 1914 г. Олонецкое губернское земство выделило 200 р. на выпуск газет и журналов и столько же на приобретение диапозитивов и прочих наглядных пособий [15, с. 30].

В период проведения реформы П. А. Столыпина земство определило приоритетными направлениями развития сельского хозяйства в Олонецкой губернии молочное животноводство, расширение кормовой базы путем введения травосеяния и выращивания корнеплодов, повышение культуры земледелия, пропаганду огородничества, садоводства и пчеловодства.

Во время заготовки кормов крестьяне по старинке сушили сено из дикорастущих трав, а на севере Карелии, как писал М. М. Пришвин, в качестве зимнего корма для скота заготавливали нередко осоку и березовый лист. Траву косили косой-горбушей из-за разбросанных по всем пожням камней. На полях и лугах Карелии крестьяне делали ровницы из камней, собранных во время полевых работ [16, с. 67].

Неслучайно в мероприятиях по развитию сельского хозяйства большое внимание уделялось травосеянию и созданию кормовой базы для молочного скота. Так, 14 января 1910 г. агроном Петрозаводского уезда и инструктор по кооперации В. Ф. Кербицкий, бесе-

дую в помещении земского училища с. Кузаранда с местными крестьянами, затронул один из назревших вопросов хозяйствования — нехватку кормов. По его мнению, из-за отсутствия удобрений пожни из года в год имеют недостаточный травостой. Поэтому в губернии крестьянин за день накашивает не более 6 пудов сена, между тем как в Финляндии работник в день накашивает до 50 пудов и даже более.

Кербицкий рассказал о применении различных способов улучшения пожен и введении травосеяния. С помощью «волшебного» фонаря показал диапозитивы с сортами «благородных» трав (вика, клевер, тимофеевка) и орудиями труда (железные бороны, плуги, веялки). Большое внимание он уделил рассказу о племенном рогатом скоте с разъяснением, как «можно улучшать скот кормом, как выхаживать молодняк». Участник этой беседы крестьянин Н. Матросов сообщил, что слушатели остались довольны разговором с Кербицким и весной попытаются использовать его рекомендации на практике [17, с. 13—14].

В Крошнозерском СХО Олонецкого уезда беседы и чтения по сельскому хозяйству ежегодно устраивались как для членов общества, так и для всего населения Ведлозерской волости уезда. Например, в 1913 г. состоялось 26 чтений и бесед в различных пунктах, причем мероприятия проводились весной, поздней осенью и зимой, то есть в начале или конце года. Так, в январе 1913 г. чтения по рациональной заготовке кормов прошли в д. Погост и Спиридон-Наволоки. Беседы об улучшении лугов состоялись в д. Куйка-Наволоки, Сыссойла, Юргилицы, Щеккила, Савиново и Варлоев Лес. В д. Крошнозеро прошли беседы об огородничестве и преимуществе культурной обработки почв, а также беседа о кооперации «Что может дать потребительское общество?». Весной 1913 г. перед пахотой и севом чтения и беседы проводились редко. В д. Крошнозеро 19 марта 1913 г. состоялась беседа о торфяной подстилке, 25 мая — об искусственной заготовке торфо-моховой подстилки, в с. Кинерма 7 апреля прошла беседа о мероприятиях земства по молочному хозяйству.

По окончании сельскохозяйственных работ чтения и беседы по сельскому хозяйству вновь стали устраиваться гораздо чаще. Так, чтения по теме «Улучшение лугов и луговое травосеяние» были организованы в д. Щеккила, Сыссойла, Савиново, Спиридон-Наволоки, Куйка-Наволоки и Юргилицы, чтения по заготовке кормов — в д. Спиридон-Наволоки и Юргилицы. В декабре 1913 г. в д. Ерш-На-

волок, Котчуры, Холмы и Спиридон-Наволок Крошнозерского сельского общества состоялись чтения по проблеме осушки болот и озер под сенокосы и пашню, 12 декабря 1913 г. крестьяне д. Спиридон-Наволок были приглашены на беседу об огородничестве [18, с. 7—9].

В 1914 г. во всех уездах Олонецкой губернии главными темами народных чтений по сельскому хозяйству были обработка почвы, сельскохозяйственные орудия и машины, культура болот, луга и их улучшение, травосеяние, культура турнепса, сортировка семян, молочное скотоводство и кооперативные организации. В 1914 г. чтения охватили более 11 тыс. крестьян в 6 уездах, или 2,5% населения губернии [19, с. 307]. По уездам проведенные мероприятия и число слушателей распределены были неравномерно (табл.).

**Чтения по сельскому хозяйству
в уездах Олонецкой губернии (1914 г.)**

Уезд	Количество чтений	Число слушателей
Вытегорский	58	2100
Каргопольский	9	353
Лодейнопольский	42	...
Олонецкий	88	3104
Петрозаводский	42	1500
Повенецкий	56	2500
Пудожский	58	2100
<i>Всего</i>	353	11657

Больше всего чтений и бесед с крестьянами агрономический персонал уездного земства провел в Олонецком уезде. Агроном Н. А. Бодаев сообщил примерную тематику агропросветительных мероприятий в уезде. В различных селах и волостях уезда проведено чтений и бесед: по заготовке кормов — 14, по скотоводству — 5, по маслоделию — 5, по огородничеству — 2, по молочному хозяйству — 5, по культуре луговодства — 6, о совместном сбыте молока — 6, о потребительных и сельскохозяйственных обществах — 12, о сортировке зерна — 7, о минеральных удобрениях — 2 и т. д. [20, с. 17—18].

Далее по количеству народных чтений в 1914 г. идут (по убывающей) Вытегорский, Повенецкий, Лодейнопольский, Петрозаводский, Пудожский и Каргопольский уезды. Что касается посещаемости

сти отдельных мероприятий, то в Лодейнопольском уезде на чтения иногда приходило от 3 до 5 человек, в отдельных случаях бывал весь сельский сход. В Пудоожском уезде чтения посещало от 10 до 150 крестьян.

В Каргопольском уезде в 1914 г. удалось провести 9 чтений при поддержке Усть-Мошского СХО, которое поставило перед собой задачу «служить проводником сельскохозяйственных знаний в население и посильно улучшать его благосостояние». Среди крестьян распространялись сведения о травосеянии, выращивании корнеплодов и улучшении сенокосных угодий, зерноочистительных машинах для улучшения посевного материала. Чтения проводились с демонстрацией «световых картин» или плакатов, а после раздавались брошюры по сельскому хозяйству. Негативно повлияла на агропросветительную работу в уезде начавшаяся вскоре Первая мировая война [15, с. 30—31; 21, с. 27].

В Повенецком уезде распространением сельскохозяйственных знаний занималось Шуньгское общество. Оно регулярно проводило чтения по сельскому хозяйству, число слушателей каждого мероприятия колебалось от 25 до 150 человек. Шуньгское СХО получало финансовую поддержку со стороны уездного земства. В 1913 г. на устройство чтений по сельскому хозяйству земство выделило 220 руб., департамент земледелия — 220 руб. (всего 440 руб.). Из этой суммы было израсходовано на приобретение проекционного фонаря 70 руб., диапозитивов по культуре лугов и скотоводству — 70 руб., всего 140 руб. [13, с. 58].

Свою деятельность Шуньгское СХО продолжало и после установления советской власти. В 1918 г. в Шуньгской волости оно провело 24 чтения по скотоводству, травосеянию, огородничеству и полеводству в деревнях Паяницы, Пуданцев Бор, Шуньга, Побережье, Кажма, Фомина. В среднем на каждом чтении присутствовало 30—40 человек разного возраста. Испытывая недостаток в наглядных пособиях, совет общества обратился в Олонецкий губернский земельный отдел с просьбой прислать различные пособия, в том числе диапозитивы, «волшебный фонарь», таблицы, плакаты [11, ф. Р-108, оп. 1, д. 26/396, л. 9].

С аналогичными просьбами Шуньгское СХО обратилось в правление Северного сельскохозяйственного общества, предложившее ему вступить в члены общества, «дабы общими усилиями развивать

общую культурно-просветительную деятельность по усовершенствованию сельского хозяйства на нашем севере» [22, ф. 448, оп. 1, д. 58, л. 10].

Одной из эффективных форм распространения сельскохозяйственных знаний считались курсы. В Олонецкой губернии сельскохозяйственные общества при поддержке земства устраивали курсы по луговодству, полеводству, скотоводству, молочному хозяйству [8, с. 79].

В июне 1912 г. в с. Вешкелицы Сямозерской волости Олонецкого уезда на курсах крестьяне ознакомились с различными машинами и орудиями, плужной пахотой, правильно устроенным скотным двором и производством масла. Занятия вели земские агрономы и инструкторы — специалист по культуре болот И. Я. Варсберг, инструктор по садоводству и огородничеству В. Ф. Волейко, земский маслодел М. М. Универ и инструктор И. Ф. Лукас. Одновременно в с. Вешкелицы прошла выставка племенного скота [23, с. 22].

Распространение агрономических знаний осуществлялось в районах землеустройства. Во время реформы А. П. Столыпина крестьяне не имели представления о специфике проведения землеустроительных работ с выходом из общины. Им нужно было подробно разъяснить сущность реформы и преимущества хуторского и отрубного хозяйства. В Олонецком уезде искреннее «желание помочь совместными силами благоустройству своих хозяйств» побудило крестьян с. Кавайны, Пограничные Кондуши и многих деревень создать в 1913 г. сельскохозяйственное общество. В марте 1913 г. Олонецкое уездное земство организовало сельскохозяйственные курсы для крестьян с. Пограничные Кондуши и окрестных деревень, перешедших на отруба и хутора [24, с. 405].

В Каргопольском уезде в 1913 г. уездное земство под руководством уездного агронома провело в с. Троицы курсы по скотоводству и молочному хозяйству. Весной 1914 г. аналогичного характера занятия прошли в д. Больше-Кондратовской Калитинской волости и в Захаровской Панфиловской волости Каргопольского уезда [15, с. 23, 26, 29]. В начале весны 1916 г. планировалась организация курсов по скотоводству и молочному хозяйству при Кувшиновско-Мариинском и Мостовско-Шильдском СХО Вытегорского уезда [21, с. 27; 25, с. 11]. Неоднократно отмечалась «образовательная и моральная польза» от курсов для сельского населения.

Опираясь на сельскохозяйственные общества уезда, активную пропагандистскую работу вело Повенецкое земство. Наряду с общими вопросами агрономии местные земские работники стремились закрепить идеи производительной кооперации и маслоделия на артельных началах.

Крестьяне, бывшие членами СХО Повенецкого уезда, обучались в 1910—1911 гг. на курсах при Повенецкой ферме молочному хозяйству, скотоводству и маслоделию. В декабре 1911 г. Покровское СХО самостоятельно организовало курсы по молочному хозяйству, маслоделию и уходу за скотом [26, с. 137, 167].

Крестьяне проявляли все больший интерес к изготовлению масла с использованием сепаратора. За 1905—1912 гг. только по трем уездам Олонецкой губернии (Петрозаводскому, Олонецкому и Повенецкому) число сепараторов в крестьянских хозяйствах увеличилось с 7 до 174 [1, с. 157]. В 1913 г. были устроены краткосрочные курсы по молочному хозяйству и скотоводству в с. Паданы. Руководили курсами агроном А. К. Гагман и мастер маслоделия Е. Ф. Гагман. После обучения на курсах они помогли крестьянам приобрести сепараторы [26, с. 59].

С 27 февраля по 8 марта 1917 г. в с. Шуньга Повенецкого уезда Шуньгским СХО на средства, выделенные министерством земледелия совместно с маслодельным товариществом «Производитель», были организованы 10-дневные сельскохозяйственные курсы. Куратором курсов выступил секретарь Шуньгского СХО В. Т. Тамм, избранный вскоре председателем правления Повенецкого уездного союза кооперативов. Программа курсов состояла из теоретической части и практических занятий в образцовом скотном дворе, созданном членом СХО И. С. Гайдиным в своем хозяйстве [27, с. 12—13].

Согласно смете на 1914 г., составленной заведующим агрономической помощью единоличным хозяйствам Олонецкой губернии И. Я. Наймарком, на распространение сельскохозяйственных знаний необходимо было 1310 руб. Эта сумма включала расходы на устройство кратковременных курсов в Олонецком и Каргопольском уездах и на приобретение наглядных пособий и брошюр. Организация курсов в зависимости от их продолжительности обходилась в 150—250 руб. (без учета оплаты труда лектора). Из наглядных пособий намечалось приобрести «волшебные фонари» со всеми необходимыми для них принадлежностями, настенные таблицы, плакаты, модели. Для бесплатной раздачи крестьянам брошюр и листовок по сельскому хозяйству предусматривалась их закупка [24, с. 416].

Олонецкое губернское земство в 1914 г. выделило на работу среди крестьян 1252 руб. 50 коп., из них 700 руб. на организацию курсов. В том же году департамент земледелия профинансировал курсы, организованные земствами Олонецкой губернии для крестьян, на 1400 руб. [15, с. 22—23].

Кампании по организации и проведению курсов для земледельцев включали не только теоретические занятия, но и практическую работу, позволявшую крестьянам лучше усвоить передовые агротехнологии и способы ухода за домашним скотом. Как говорили агрономы, крестьянину нужен не сказ, а показ, чему в значительной степени способствовали сельскохозяйственные и кустарные выставки. Уездные и сельские выставки, которые устраивались СХО, являлись переходной ступенью от агропросветительной деятельности к практической работе. Выставки делились на общие и отраслевые. На них демонстрировались достижения тех хозяйств, которые использовали новые сельскохозяйственные орудия, семена, удобрения. На выставках каждый крестьянин мог «видеть плоды трудов своих собратьев по занятию», и не только видеть, но и получать ответы на всякого рода вопросы и справки. Выставки сельского хозяйства устраивались с разрешения губернатора и местной администрации, для организации использовались средства СХО, уездных земств и правительства.

Так, на организацию в октябре 1909 г. в с. Шуньга выставки скотоводства Главное управление земледелия и землеустройства выделило обществу 50 руб., награды (серебряную и две бронзовые медали) и похвальные листы. Для проведения третьей выставки сельского хозяйства в с. Данилове в августе 1911 г. в распоряжение выставочного комитета Даниловского СХО поступили следующие средства: от Повенецкого уездного земства — 75 руб., от губернского земства — 75 руб., от департамента земледелия и землеустройства — 150 руб. [28, с. 20].

С каждым годом на выставках увеличивалось как число участников, так и количество отделов и экспонатов. Сначала, как правило, организовывался только отдел скотоводства, где экспонировались домашние животные, крупный рогатый скот (коровы и племенные быки) и лошади. Затем открывались новые отделы: полеводства и огородничества, культуры болот, луговодства, кустарный отдел, отдел маслоделия. В отделе культуры болот выставлялись образцы растений, выращенных на окультуренных болотных почвах (рожь, овес, ячмень, вика, тимофеевка, клевер). В отделе полеводства кре-

стьяне могли увидеть зерновые растения, выращенные из сортовых семян, в отделе огородничества — овощи с крестьянских огородов и показательных участков СХО. В кустарном отделе демонстрировалась продукция местных кустарей: орудия труда (бороны, сохи, моходробилки), средства передвижения (сани, кабриолеты, тарантасы), домотканый холст, полотенца, утварь (соломенные чаны, корзинки из лучины, щетки), мебель (стулья и столы из карельской березы) и другие изделия крестьян.

В 1908 г. на первой выставке в с. Данилове был организован только один отдел животноводства, где были представлены лошади и крупный рогатый скот (коровы, быки, телята). На второй выставке, устроенной Даниловским СХО 30 августа 1909 г., экспонаты выставлялись уже в двух отделах: животноводства и молочного хозяйства. На третьей выставке сельского хозяйства, состоявшейся 5—6 августа 1911 г., были организованы отделы животноводства, огородничества, маслоделия и кустарного производства. В первый день проводились обмеры коров, телят и быков, после чего 25 коров были внесены в племенную книгу Повенецкого уезда. Во второй день было продемонстрировано определение процентного содержания жирности в молоке и произведено сбивание сливочного масла в маслобойке из сливок, полученных тут же на выставке с использованием сепаратора [28, с. 20—21].

В августе 1911 г. выставки были устроены при Ребольском, Паданском, Покровском и Шуньгском СХО Повенецкого уезда. Ребольское СХО организовало сразу три отдела: крупного рогатого скота, огородничества и кустарный. На выставках в с. Покровское и Шуньга были отделы животноводства, огородничества, полеводства, культуры болот и крестьянских промыслов. На выставке в Паданах члены СХО разместили свои экспонаты в отделах животноводства, маслоделия, огородничества, травосеяния и кустарном [29, с. 157, 167, 181].

В наградной фонд выставки сельского хозяйства, организованной Шуньгским СХО в августе 1912 г. в с. Шуньга, вошли одна большая и одна малая серебряные медали, 5 бронзовых медалей, 15 похвальных листов от Главного управления землеустройства, а также похвальные листы Шуньгского СХО.

Выставки и деятельность СХО способствовали изменениям в крестьянских хозяйствах. Так, в с. Шуньга Повенецкого уезда огородничество появилось благодаря местному СХО. Общество пригласи-

сило для встречи с крестьянами инструктора сельского хозяйства В. Ф. Волейко, который в апреле 1912 г. прочитал лекции по огородничеству и показал в огородах местных крестьян наиболее приемлемые способы разведения различных овощей. В результате на выставке, устроенной Шуньгским обществом осенью 1912 г., в отделе огородничества было выставлено 125 экспонатов [23, с. 22].

Выставки, организуемые СХО, проводились вплоть до начала Первой мировой войны. Начавшаяся мобилизация лошадей и крупного рогатого скота для нужд армии затруднили организацию выставок, хотя ежегодные конские выставки и бега, устраиваемые Шуньгским СХО, проходили до января 1915 г. включительно [31, с. 23].

В целом выставки сельского хозяйства занимали заметное место в культурно-просветительной деятельности СХО. Они демонстрировали успехи крестьянских хозяйств и результаты работы по распространению сельскохозяйственных знаний. За представленные экспонаты крестьяне награждались медалями и денежными премиями.

К важным направлениям агропросветительной деятельности СХО относилось проведение экскурсий в передовые хозяйства. Ни для кого не было секретом, что «никакая проповедь агронома часто не подействует так, как собственные наблюдения и слово своего брата-мужика». Для слушателей земских сельскохозяйственных курсов Олонецкой губернии проводились экскурсии в Повенец и с. Шуньга. В Повенце экскурсанты посещали образцовую ферму Повенецкого уездного земства, а в Шуньге осматривали отрубное хозяйство члена Шуньгского СХО крестьянина И. С. Гайдина и Шуньгское маслодельное товарищество «Производитель». Так делался «первый шаг в деле развития местной самодетельности и возбуждения интереса олонецкого крестьянина к ведению молочного хозяйства» [32, с. 16, 18].

В ходе реформ П. А. Столыпина Олонецкое губернское и уездные земства стали устраивать поездки крестьян и земских служащих в Финляндию для ознакомления с хуторскими хозяйствами. Первая образовательная поездка была организована Повенецким земством в июне 1907 г. в Куопиоскую губернию, расположенную в восточной части Финляндии на границе с Олонецкой губернией. В группу экскурсантов входили член Повенецкой земской управы, сначала участник, а вскоре председатель Шуньгского СХО И. С. Гайдин, крестьянин Шуньгской волости И. Ф. Федоров и крестьянин Даниловской волости Ф. И. Ремешков.

В ходе поездки экскурсанты познакомились с достижениями финских фермеров по основным отраслям крестьянского хозяйства. В окрестностях Йознсуу они посетили частные хозяйства и общественную (кооперативную) маслодельню, где осмотрели сепаратор и «самые усовершенствованные приборы для маслоделия». Олонецкие гости увидели положительные результаты работы местных крестьян по осушению болот, многолетнему травосеянию и молочному скотоводству [33, с. 15—16; 34, с. 20].

В Хаммаслахти участники поездки посетили местное училище сельского хозяйства и домоводства, в котором в зимнее время мужчинам и женщинам читались лекции по сельскому хозяйству, огородничеству и садоводству. Здесь же женщин обучали «всякому рукоделию» и домоводству. В летнее время слушатели старались применить полученные знания на практике в своих хозяйствах. Был осмотрен училищный сад, маслодельня, хлев, а также огород, где выращивались «всевозможные огородные растения» [35, с. 21].

В 1911 г. состоялась ознакомительная поездка крестьян Олонецкого уезда по хуторским хозяйствам Восточной Финляндии. На организацию данного мероприятия Олонецкое уездное собрание выделило 100 руб., такую же сумму предоставило губернское земство. Возглавили группу председатель Крошнозерского СХО И.Н. Никитин и учитель Ильинского училища Ведлозерской волости И.М. Никитин [36, с. 14]. Группа из 6 человек посетила хуторские хозяйства и сельскохозяйственные предприятия в районе Сердоболя Выборгской губернии, Тохмаярви и Хаммаслахти Куопиоской губернии. Посещение Восточной Финляндии дало крестьянам богатый запас наблюдений и сведений по вопросам травосеяния, культуры болот, устройству скотных дворов, содержанию и кормлению домашнего скота.

Земские деятели Олонецкой губернии надеялись, что не «останется без ответа со стороны населения» и кооперативная пропаганда. Экскурсии дали возможность всесторонне ознакомиться с деятельностью кооперативов, которые «открылись давно и уже успели окрепнуть» [37, с. 98].

Положительным примером распространения производительной кооперации служила Вологодская губерния, где в 1914 г. насчитывалось более 130 маслодельных артелей. По договоренности с Вологодским обществом сельского хозяйства были организованы поездки олонецких крестьян на артельные маслодельные заводы Вологодской губернии. Экскурсии в соседнюю губернию отличались от по-

ездок в Финляндию тем, что «Финляндия для нашего крестьянина — та же заграница, а пример “немцев” не всегда-то убедителен для русского крестьянина, который скорее поразится и подивится виденному, но у себя не применит» [38, с. 23—24].

Поездки групп олонечских крестьян расширяли их кругозор, делали их более восприимчивыми к хозяйственным новациям, позволяли устанавливать связи кооперативных организаций разных губерний друг с другом, способствовали обмену опытом по модернизации крестьянских хозяйств.

Список источников и литературы

1. *История* экономики Карелии : в 3 кн. Кн. 1. Петрозаводск, 2005.
2. *Фортунатов А. А.* К вопросу о целях сельскохозяйственного образования в России // Вестник воспитания. 1899. № 8.
3. *Книга М. Д.* Формы организации внешкольного сельскохозяйственного образования в Российской империи // Манускрипт. 2016. № 12 (74) : в 3 ч. Ч. 2.
4. *Вестник* Олонечского губернского земства. 1914. № 24.
5. *Вестник* Олонечского губернского земства. 1910. № 10.
6. *Кулыжский А. Е.* Как устраивать сельскохозяйственное общество. М., 1908.
7. *Вестник* Олонечского губернского земства. 1914. № 19.
8. *Отчет* губернского земского агронома К. К. Вебер. 1912 год. Петрозаводск, 1912.
9. *Отчет* губернского земского агронома К. К. Вебер. 1909 год. Петрозаводск, 1909.
10. *Памятная книжка* Олонечкой губернии на 1911 год. Петрозаводск, 1911.
11. *Национальный архив* Республики Карелия.
12. *Отчет* губернского земского агронома К. К. Вебер. Петрозаводск, 1908.
13. *Отчет* агронома Повенецкого уездного земства за 1913 год. Петрозаводск, 1914.
14. *Вестник* Олонечского губернского земства. 1913. № 21.
15. *Отчет* губернского земского агронома Г. Г. Гультман. Петрозаводск, 1914.
16. *Пришвин М. М.* За волшебным колобком. Петрозаводск, 1987.
17. *Вестник* Олонечского губернского земства. 1910. № 3.
18. *Обзор* деятельности Крошнозерского сельскохозяйственного общества за 1913 год. Петрозаводск, 1914.
19. *Кораблёв Н. А.* Олонечская губерния // Карелия : энциклопедия : в 3 т. Т. 1. Петрозаводск, 2007.

20. *Вестник* Олонецкого губернского земства. 1914. № 5.
21. *Вестник* Олонецкого губернского земства. 1916. № 13.
22. *Российский* государственный исторический архив.
23. *Вестник* Олонецкого губернского земства. 1912. № 20.
24. *Проведение* столыпинской аграрной реформы в Карелии (1906—1917 гг.). Документы и материалы. Петрозаводск, 2013.
25. *Вестник* Олонецкого губернского земства. 1916. № 2.
26. *Отчет* агронома Повенецкого земства по сельскому хозяйству за 1911/12 хозяйственный год. Петрозаводск, 1913.
27. *Вестник* Олонецкого губернского земства. 1917. № 8.
28. *Вестник* Олонецкого губернского земства. 1911. № 22.
29. *Отчет* агронома Повенецкого земства за 1910—1911 г. Петрозаводск, 1912.
30. *Вестник* Олонецкого губернского земства. 1912. № 24.
31. *Вестник* Олонецкого губернского земства. 1915. № 2.
32. *Вестник* Олонецкого губернского земства. 1913. № 16.
33. *Вестник* Олонецкого губернского земства. 1907. № 18.
34. *Вестник* Олонецкого губернского земства. 1907. № 19.
35. *Вестник* Олонецкого губернского земства. 1907. № 20.
36. *Вестник* Олонецкого губернского земства. 1911. № 21.
37. *Справочная* книга для сельских хозяев / под ред. К. А. Мациевича. Харьков, 1913.
38. *Вестник* Олонецкого губернского земства. 1914. № 9.

**Основные направления интерпретации
значения столыпинской аграрной реформы
в российской, английской и американской историографии**

В статье рассмотрены основные направления осмысления значения аграрной реформы, проводившейся под руководством П. А. Столыпина в период после окончания первой российской революции. На основе анализа опубликованных работ российских, английских и американских авторов представлена совокупность различных точек зрения на данное событие. Исследованы аргументы авторов в пользу скептической, оптимистической и нейтральной оценок значения и механизма правительственных мероприятий, проводившихся в отношении структуры сельского хозяйства, условий жизни и труда крестьянства.

In paper are analyzed basic directions in interpretation of importance of agrarian reform realized in period after first Russian revolution under direction of P. A. Stolypin. On base of published works of Russian, British and American authors is presented community of different viewpoints on this event. In text of paper are studied scientific arguments for support of skeptical, optimist and neutral evaluations of importance and mechanism of organized governmental actions concerned structure of agriculture, conditions of life and of labor of peasantry.

Ключевые слова: реформа, крестьянство, правительство, сельское хозяйство, П. А. Столыпин, концепция, историография.

Keywords: reform, peasantry, government, agriculture, P. A. Stolypin, conception, historiography.

Изучение процессов экономической модернизации и во многом обусловленной ею трансформации общественных отношений занимает существенное место в исследованиях, посвященных истории

России периода, последовавшего за преобразованиями 1860—1870-х гг. При этом для выявления специфики мировоззрения конкретных авторов и определения степени их объективности изучение особенностей анализа и интерпретации ими содержания и значения реформ имеет даже большее значение, чем исследование специфических черт характеристики и оценки ими революционных событий. Это связано с тем, что революционные события, по существу, становились фактом действительности, в результате чего в отношении их происхождения и последствий нередко было возможным заниматься только умозрительным поиском каких-либо альтернативных сценариев. Зачастую такая деятельность (особенно характерно это было для историко-публицистических работ конца 1980-х — первой половины 1990-х гг.) основывалась на использовании искусственно созданных аргументов, оторванных от уже доказанного документальными источниками хода развития исторической реальности. Изучение реформ представляет собой гораздо более сложный процесс, поскольку требует не только непосредственной оценки многих фактов и явлений, но и ее убедительности, недетерминированности изначально существующей убежденностью в том, что революционные события были неизбежными или, напротив, произошли специально. Очевидно, что качественное, опирающееся на репрезентативную совокупность источников и обоснованно выбранную методологическую базу исследование процессов преобразований в различных областях экономики и социальных отношений нередко может дать основания для корректировки многих излишне плоских концепций истории развития революционного движения.

В этом плане применительно к изучению периода в развитии России, находящегося в узких по меркам эволюции отечественной истории рамках между событиями первой российской революции и так называемой второй российской революции, своего рода пробным камнем для определения объективности историографических источников является анализ и интерпретация в них значения столыпинской аграрной реформы.

В период становления советского государства, закономерность успешности которого должны были доказывать представители общественных наук, и затем его восстановления после событий нацистской агрессии исследование данной тематики в объективном ключе было крайне затруднено. Именно поэтому таким популярным в отечественной историографии с начала 1920-х до конца 1950-х гг.

стало изучение столь парадоксальной с позиции современных достижений исторического знания проблемы, как наличие или отсутствие у России черт полукOLONиального развития в сравнении со странами Западной Европы и отчасти Северной Америки. Для этого же периода характерно использование необъективных идеологических штампов, которые сложно считать объяснимыми и обоснованными даже с точки зрения использования принципа историзма при анализе историографических источников. Например, к их числу относится применение по отношению к описанию типологии аграрного строя в Российской империи начала XX в. определения «крепостнический» и характеристика с позиций данного термина методов и приемов, которые использовались правительственными структурами в рамках реализации реформ в период 1906—1913 гг. В частности, даже критически относившиеся к личности, взглядам и деятельности П. А. Столыпина исследователи более раннего периода не утверждали, в отличие от авторов работ второй половины 1930-х гг., что его политика по организации и проведению аграрной реформы была исключительно репрессивной. Иллюстрацией такого, преодоленного исследователями 1960—2010-х гг., субъективного подхода было содержание опубликованной в 1936 г. книги С. М. Дубровского «Третьеиюньская монархия и реформы Столыпина», в которой он, в частности, писал: «Пришедший в 1906 г. к власти палач Столыпин прежде всего старался кровавым террором, виселицами, массовыми арестами подавить революционное движение. Стараясь всеми силами задушить революционное движение, столыпинское правительство стремилось укрепить союз с верхами торгово-промышленной буржуазии, которая для борьбы против революционного движения охотно шла на соглашение с самодержавием» [1, с. 54].

Переходным к сконцентрированной, основанной на более глубоком изучении документальных источников интерпретации столыпинских аграрных преобразований стал период первой половины 1950-х гг. В его условиях историкам и специалистам в области других общественных наук уже не требовалось показывать преимуществ советского политического и общественного строя над дореволюционным, поскольку социалистическое общество провозглашалось построенным и приближающимся к стадии начала коммунистического строительства. Исследователи начали прилагать усилия к тому, чтобы сосредоточить фокус своих работ на примерах и результатах проведения преобразований в конкретных регионах Россий-

ской империи, среди которых к числу наиболее доступных в плане имевшейся документальной базы относился Центрально-Черноземный район. Также, в отличие от авторов большинства работ, созданных в первые три десятилетия существования Советского государства, ученые стали обращаться, в том числе с использованием документов архивных фондов, к деятельности конкретных учреждений, обеспечивавших проведение аграрной реформы, например Крестьянского банка. Однако при этом на доктринальном уровне даже в наиболее качественных и основательных по своему информационному потенциалу работах подчеркивалось, что мероприятия, проводившиеся всеми созданными по инициативе Совета министров институциональными структурами, наносили ущерб представителям всех слоев крестьянства, кроме зажиточного. В этом плане примечательными были выводы, сделанные в защищенной в 1953 г. кандидатской диссертации М. С. Симоновой. Согласно основному из них, «Крестьянский банк был крупнейшим проводником столыпинской аграрной политики... Деятельность банка была направлена на обслуживание кулацких слоев деревни. Бедноте и середнякам банк нес разорение. Политика насаждения кулацких хуторов и отрубов за счет разорения бедноты сочеталась с политикой экономической поддержки кулачества путем оказания так называемой денежной и агрономической помощи единоличным хозяевам» [2, с. 8—9].

Таким образом, к середине 1950-х гг. стало наблюдаться некоторое смещение акцентов в интерпретации намеченных еще С. Ю. Вите и проводившихся на практике П. А. Столыпиным экономических преобразований. Исследователи, стремившиеся к созданию более глубоких по содержанию и аргументации работ, указывали на наличие реальных и конструктивных сдвигов в разных отраслях экономики, констатируя, конечно, при этом неспособность архаичных административных структур проводить эффективные преобразования. В этом плане примечательны наблюдения и выводы, представленные в подготовленном П. И. Лященко трехтомном исследовании «История народного хозяйства в СССР», которое стало рубежным в развитии отечественной историографии социально-экономической истории России. В начале 2-го тома, посвященного периоду капитализма, начальной границей которого обозначена юридическая отмена крепостного права, автор констатировал: «Общие феодально-крепостнические основы абсолютистского политического строя царизма вместе с господством поместного дворянства сохранились и после реформы. Поэтому отдельные части старой экономики оказались на-

столько живучими, а социальная сила их настолько значительной, что новая экономика унаследовала от крепостничества тяжелое экономическое и социальное прошлое, наложившее отпечаток на характер и на темпы развития промышленного капитализма» [3, с. 5].

Логическую линию констатации несовместимости управлявшихся представителями феодального класса органов политической власти с необходимостью проведения фундаментальных преобразований, в том числе в аграрном секторе, исследователи переносили и на так называемый период империализма, начало которого датировали применительно к развитию России серединой 1895 г. При этом для выделения данной даты было сложно найти конкретные фактические обоснования, но в их число, очевидно, входило заключение глобального союза между Российской империей и Францией, ставшего основой Антанты, и — в сфере интеллектуальной истории — первые научные исследования, направленные на анализ и обобщение опыта экономического развития России к середине 1890-х гг. Среди них наибольшее влияние на развитие отечественной и зарубежной историографии столыпинской аграрной реформы и других фундаментальных экономических преобразований оказали имевшие аналитическую и при этом критическую направленность книги «Развитие капитализма в России» В.И. Ленина и «Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование» М.И. Туган-Барановского [4; 5]. Выбор в качестве теоретической и практической основы работ именно этих авторов, характерный для большинства созданных в последующие десятилетия российских и зарубежных исследований, объяснялся не столько их марксистскими убеждениями, сколько стремлением выявить причины отсутствия существенного влияния столыпинской аграрной реформы на ход революционной трансформации жизни страны.

Тезис об отставании политических инициатив и действий структур государственного аппарата Российской империи от существовавших объективных потребностей в модернизации экономического развития и социальных отношений оказался в качестве имеющего основополагающее значение характерным для работ как российских, так и зарубежных авторов, между идеями которых даже в условиях холодной войны наблюдалось взаимопроникновение. Например, английский историк Т. Шанин в рамках созданного им концептуального определения России имперского периода как страны «развивающегося общества» делал при оценке происходивших в ней транс-

формационных процессов масштабный вывод о том, что «значительные социальные, демографические и экономические процессы модифицировали облик России в направлениях, которые раньше были под контролем реакционных идеологий, бюрократов и реакционных монархов» [6, р. 33]. В отечественной историографии исследователи, стремясь выявить наличие фундаментальных, имевших объективную сущность предпосылок революции 1917 г. и построения социализма и вычленив в связи с этим даже особую, империалистическую стадию развития, в максимальной мере подчеркивали успехи производительных сил в сфере модернизации различных отраслей хозяйства. При этом они отмечали, что данные усилия не только находили свое отражение в собственно производственном секторе, но и влияли на развитие социальных групп, укреплявшихся в количественном и качественном смысле в рамках системы общественных отношений.

В существовании, с одной стороны, буквально вырывавшегося во внешнем направлении потенциала страны в области экономического развития и социальной структуры и, с другой — сдерживавших данный процесс бюрократических структур и идеологических стереотипов и российские, и зарубежные исследователи видели специфику развития России на рубеже XIX—XX вв. В частности, в одной из статей, сохранившихся в архиве Российской академии наук, советский историк Л. М. Иванов, выявляя и объясняя данное противоречие, писал: «Техническая перестройка промышленности сопровождалась целым рядом социально-экономических изменений как структуры самой промышленности, так и всего хозяйства страны. Этот процесс в пореформенное время проходил в России значительно быстрее, чем в ряде западноевропейских стран. Однако наличие целого ряда остаточных явлений от крепостничества сказывалось на развитии капитализма, в том числе и на сложении пролетариата. Получив юридическую свободу, крестьяне и бывшие работные люди на деле оказались привязанными к наделам и не могли сразу порвать с земледелием. Таким образом, подавляющая часть крестьян и работных людей, длительное время уже работавших в промышленности и ставших фактически рабочими, оказывалась в той или иной мере связанной со своим прошлым. Это было характерной чертой формирования русского пролетариата, особенно в первые десятилетия после реформы 1861 г., связанной с особенностями экономического и политического развития страны» [7, ф. 1673, оп. 1, д. 23, л. 53].

При начавшемся в 1950-е гг. более глубоком анализе содержания документальных источников по аграрной и в целом экономической

истории России периода с отмены крепостного права до событий Первой мировой войны исследователи продолжали придерживаться тех доктринальных установок, которые содержались главным образом в наиболее статичных по своей направленности работах по истории коммунистической партии. Так, они указывали на необходимость проводить различие между обобщающими положениями, базировавшимися на фактическом анализе конкретных явлений, и выводами, оценивавшими исторический процесс в целом как движение от изначально ущербной, по их мнению, капиталистической модели развития к социалистической. В частности, предполагая возможность корректировки восприятия особенностей аграрного развития России под воздействием появления новых научных данных, С.М. Дубровский высказал в начале 1960-х гг. следующее примечательное утверждение: «Насколько недостаточны сами по себе арифметические выкладки “об уровне капитализма”, видно из того, что для победы революции важны не только объективные, но и субъективные факторы: роль сознательности рабочего класса, умелое руководство коммунистической партии, ее способность объединить вокруг пролетариата в революционной борьбе не пролетариат и т. д., и т. п.» [8, с. 10].

Развивая подход, уводивший в сторону от анализа фактических явлений в развитии земледелия и землеустройства, направленный на абсолютизацию значения социально-классовых противоречий в сельской местности между дворянами и крестьянами и между различавшимися по доходам слоями крестьян, исследователи аграрной истории России стремились понять причины, из-за которых внедрение капиталистических отношений в аграрный строй России оказалось недостаточным для его стабильного развития. В этом плане в период 1970—1980-х гг. широко использовавшимся концептуальным и методологическим инструментом стала наиболее масштабной изложенная В.И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России» концепция, утверждавшая наличие альтернативных по отношению друг к другу прусского и американского путей развития сельской экономики. Преимущество данной концепции заключалось в том, что она позволяла констатировать последовательное развитие в России капиталистических отношений в условиях существования инерционных препятствий, давала объяснение практически всем базисным и надстроечным явлениям и при этом могла быть приложена к интерпретации практически любых явлений. Наиболее четко об-

ращение к ней можно проследить в имевших большое теоретическое и методическое значение работах А. М. Анфимова и И. Д. Ковальченко.

Для исследований этих авторов было характерно сочетание анализа в динамическом ключе конкретных явлений в реализации аграрных преобразований, с одной стороны, и обобщения выявляемых данных путем их использования для аргументации выдвигаемых концепций — с другой. Сходной чертой взглядов этих авторов как на столыпинскую аграрную реформу, так и на предшествовавшие ей преобразования стало объяснение их логики прагматическими интересами представителей правящих классов, которые, как известно, владели земельными угодьями и трудящимися на них крестьянами в качестве привилегии. Эти интересы находили отражение в решении практически всех вопросов имущественного, финансового и, в более широком смысле, социального характера. Наиболее успешные землевладельцы отличались, согласно выявлявшимся российскими историками данным, умением адаптировать способы ведения хозяйства и управления работниками к условиям капиталистической системы хозяйства. Рассматривая сведения, относящиеся к данной тематике, А. М. Анфимов обобщал опыт развития наиболее успешных дворянских хозяйств в период с начала 1860-х до середины 1910-х гг. следующим образом: «В сельском хозяйстве происходил процесс замены натуральных отработок отработками в их денежной расценке. Процесс этот остался не только не исследованным, но, смеем утверждать, и не замеченным экономистами того времени. В первые десятилетия после реформы господствовали отработки, унаследованные от крепостной практики разделения обрабатываемой площади — “часть на себя, часть на барина”... Но затем, с развитием в деревне товарно-денежных отношений, помещики смекнули, что арендатора можно обязать выполнять не все привычные при отработке операции, а лишь наиболее выгодные из них. Сделать это оказалось просто — при помощи денежной расценки стоимости десятины земли» [9, с. 17].

Академик И. Д. Ковальченко, исследовавший процесс капитализации сельскохозяйственного развития России на протяжении еще более длительного периода и придерживавшийся позиции, что этот процесс начался еще в XVIII в., выдвигал тезис о существовании в стране двух находившихся между собой в состоянии сложного баланса укладов аграрного сектора. Используя терминологию, харак-

терную для формационного подхода, он выявлял параллельно происходившие процессы кризиса феодально-крепостнической системы и прогрессирующего развития системы капитализма и на крупно-индустриальном, и на мелкотоварном уровнях. Также он выдвигал положение о внутренней неоднородности самой типологии сельскохозяйственного развития, отмечая в рамках территории Российской империи признаки воплощения как прусского, так и американского путей развития. В этом исследователь видел своеобразие, но вместе с тем и слабость той системы экономических, в том числе производственных, отношений, которая была разрушена более прогрессивной, по его убеждению, социалистической модернизацией. Обосновывая данную концепцию, И. Д. Ковальченко, в частности, писал: «Все демократические силы боролись за создание условий для победы буржуазно-крестьянского пути этого развития. Соотношение сил в этой борьбе было таково, что верх брал буржуазно-помещичий, самодержавный лагерь. Итогом было преобладание в аграрном развитии России буржуазно-консервативного, помещичьего, прусского пути буржуазной аграрной эволюции. Но оно не исключало и не могло исключить реального буржуазного аграрного развития на основе крестьянского хозяйства по американскому пути. Более того, ход процесса был таков, что, хотя ни один из двух путей в России так и не победил, помещичий путь исчерпал свои исторические возможности раньше, чем крестьянский» [10, с. 224].

Рассмотренная концепция о сохранявшемся и во время проведения столыпинской реформы прагматизме политики правящих кругов, стремившихся удержать прежние привилегии в областях организации землепользования и управления крестьянами, получила практически общее распространение и в российской, и в зарубежной историографии. В отличие от публицистов, практически все авторы указывали на то, что в отношении полного уничтожения традиционного, отвечавшего интересам наиболее обеспеченных, привилегированных слоев населения уклада сельскохозяйственного развития П. А. Столыпин не придерживался революционных взглядов, что и сделало столь популярной в 1917 г. аграрную программу партии социалистов-революционеров. Объективная ситуация развития сельских районов, в которых сохранялось неприятие менее успешными земледельцами и материально более обеспеченных крестьян, и основной категории землевладельцев, не исчезла в результате преобразований 1906—1914 гг., а была только временно сдержана различны-

ми мероприятиями правительственных структур. При анализе и интерпретации значения столыпинской аграрной реформы практически все авторы указывают на нерешенность двух основных проблем — разделения общинных территорий и трудящихся коллективов на индивидуальные предприятия и обеспечения крестьян достаточными и доходными земельными ресурсами.

Российские авторы, приходившие к данному выводу, либо констатировали вслед за либерально и демократически настроенными экономистами конца XIX — начала XX в. факты малоземелья и устойчивости консервативных традиций, либо делали выводы более глобального характера, оспаривая сам факт состоятельности итогов деятельности правительственных структур. Примером этого может служить, в частности, следующий вывод, озвученный в середине 1990-х гг. в обобщающей статье А. П. Корелина и К. Ф. Шацилло: «В сфере политической реформа явно провалилась. История не отвела Столыпину тех 20 лет покоя, на которые он рассчитывал. Оправдались его самые мрачные предсказания, высказанные еще в самом начале аграрных преобразований: в случае неуспеха реформы правительство будет окончательно дискредитировано, а престиж революционеров неизмеримо вырастет. Во-первых, процесс образования массового слоя политически консервативных крестьян-собственников оказался прерванным войной... Во-вторых, реформа не сняла социальную напряженность в деревне. Общинники повели борьбу против выходцев из общины, стремясь вернуть их» [11, с. 41]. Сторонники наиболее оптимистичных представлений о степени успешности столыпинской аграрной реформы также указывали на то, что связанные с нею преобразования имели запоздалый характер. Оспаривая высказываемую, например, в работах И. Д. Ковальченко точку зрения о том, что положительные статистические данные об общем росте объемов и доходности сельскохозяйственного развития в существенной мере нивелировались снижением объемов внутреннего потребления сельскохозяйственной продукции крестьянами и слабостью сформировавшегося слоя сельских предпринимателей, они признавали факт незавершенности намеченных правительственными структурами реформ. При этом, рассматривая и оценивая в целом социальную структуру российского общества рубежа XIX—XX вв., они приходили к выводу о том, что аграрный сектор отличался наибольшей отсталостью в связи с сохранением в нем сословных барьеров, ограничений существования крестьян в общине и про-

явившихся уже в ситуации Гражданской войны признаков социальной конфронтации. Данную концепцию представлял и обосновывал в своей двухтомной монографии Б.Н. Миронов. По его мнению, в результате реформ 1860-х гг. все категории крестьян консолидировались в единое сословие свободных сельских обывателей. Они постепенно стали утрачивать сословные черты, но процесс этот проходил очень медленно из-за того, что политика правительства намеренно консервировала патриархальность деревни и сословные признаки крестьян. Только после того, как были отменены выкупные платежи за землю, подушная подать и круговая порука, после получения права на выход из общины и изменения своего социального статуса в 1906 г. крестьянство стало быстро превращаться в настоящий класс в истинном значении этого понятия [12].

Английские и американские историки, считавшие на практически безоговорочном уровне Российскую империю образцом страны, стремившейся догнать страны Западной Европы по степени успешности хозяйственного развития и не имевшей для этого достаточного потенциала, оценивали весь опыт аграрных преобразований в России со времен юридической отмены крепостного права и до столыпинской реформы как малоуспешный. Для обоснования данной точки зрения они находили многочисленные примеры, связанные в частности с фактами снижения уровня потребления сельскохозяйственной продукции (среди которых в качестве особенно значимого выделяется голод 1891 г.), внешнеполитическими неудачами и крестьянскими выступлениями в период первой российской революции. В наиболее фундаментальных с точки зрения документальной базы и приводимой аргументации работах, не ограничивавшихся по содержанию констатацией нарастающего и неизбежного кризиса политической системы самодержавия, можно обнаружить указания на непоследовательность экономической политики российского государства, например, по отношению к институту крестьянской общины. В частности, Т. Шанин обращал внимание на тот факт, что в ходе аграрной реформы, начатой на практическом уровне П.А. Столыпиным и фактически продолжавшейся до 1913 г., правительственные структуры, по сути, разрушали тот уклад, который был заложен в рамках аграрного строя реформой 1861 г. и всячески поддерживался в условиях последующих преобразований более консервативной направленности. Он указывал на то, что успешность начатых в 1906 г. преобразований зависела от результативности мер по разрушению

общинной структуры, поддержанной организаторами и участниками реализации реформы системы крепостного права. Также английские исследователи утверждали, что причиной состоявшейся в России социалистической революции был изначально низкий уровень жизни большинства представителей крестьянского населения, которые, даже осуществляя различные виды трудовой деятельности, не могли обеспечить себе его улучшение. В частности, основательница британской школы россиеведения досоветского периода О. Крипп писала о том, что широкая «практика сочетания сельского хозяйства с распространением в промышленности кустарей или промышленных рабочих была проявлением отсталости как промышленности, так и сельского хозяйства» [13, р. 21]. При наиболее положительной интерпретации содержания и значения столыпинской аграрной реформы и предшествовавших преобразований в сфере развития крестьянского хозяйства, не ориентированной на доказательство связи между неудачами реформ и успешностью революций, зарубежные авторы подчеркивали позитивный характер намерений представителей правительственных структур по отношению к населению. В среде представителей гражданской администрации, в первую очередь в лице П. А. Столыпина, они видели людей, имевших прогрессивные убеждения и стремившихся путем улучшения условий жизни большей части населения обеспечить прогресс в развитии экономики и социальной сферы. Так, с точки зрения американского историка Д. Мэйси, достаточно нетипичной для зарубежной историографии, «столыпинские реформы были в равной мере возвратом к традициям крестьянской реформы 1861 г. и финальной реализацией стремлений освободителей. К тому же бюрократы, проводившие столыпинские реформы, решили связать успешность своей программы с этими традициями, хотя вместе с тем и пытались решить ряд проблем, которые создало освобождение» [14, р. 6].

Представленная эволюция интерпретаций значения столыпинской аграрной реформы в отечественной, английской и американской историографии указывает на то, что при очевидном расширении документальной базы и содержательной репрезентативности научных исследований они в целом останавливались в концептуальном отношении на трех основных положениях. Первое из них состоит в том, что по сути данная реформа была последним ресурсом для модернизации как аграрного строя Российской империи, так и существовавших в его рамках социальных, в том числе производствен-

ных, отношений. Согласно второму положению, использованию данного ресурса препятствовала, с одной стороны, консервативность убеждений большинства представителей правящей элиты, а с другой — их принадлежность к тому слою общества, который был менее всего заинтересован в ликвидации различных элементов, сдерживавших развитие капиталистической экономики. Третье положение, вытекающее из первых двух, заключается в том, что столыпинская аграрная реформа оказалась незавершенной и в силу сохранявшейся в сельских районах социальной напряженности была свернута со значительной степенью энтузиазма и легкости. Немаловажно, что аналогичные выводы были характерны для наблюдений и умозаключений еще тех людей, которые являлись очевидцами и нередко непосредственными участниками событий второй российской революции. Следовательно, осуществленные на протяжении нескольких последних десятилетий научные исследования подтвердили достоверность многих фактов экономической истории России начала XX в. и при этом представили различные варианты их интерпретации, основанные в том числе на идеологических убеждениях авторов.

Список источников и литературы

1. *Дубровский С.М.* Третьеиюньская монархия и реформы Столыпина. Л., 1936.
2. *Симонова М.С.* Столыпинская аграрная реформа в губерниях Центрально-черноземной зоны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953.
3. *Лященко П.Н.* История народного хозяйства СССР : в 3 т. Т. 2 : Капитализм. 4-е изд. М., 1956.
4. *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности // Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 3. М., 1975.
5. *Туган-Барановский М.И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. Т. 1 : Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. СПб., 1900.
6. *Schanin Th.* Russia as a developing society: The roots of Otherness: Russia's Turn of Century. L., 1985.
7. *Архив* Российской академии наук.
8. *Дубровский С.М.* К вопросу об уровне развития капитализма в сельском хозяйстве России и характере классовой борьбы в деревне в период империализма: Две социальные войны // Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962.

9. *Анфимов А. М.* П. А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002.
10. *Ковальченко И. Д.* Аграрный строй России второй половины XIX — начала XX в. М., 2004.
11. *Корелин А. П., Шаццло К. Ф.* П. А. Столыпин. Попытки модернизации сельского хозяйства России // Судьбы российского крестьянства. М., 1995.
12. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб., 1999. Т. 2.
13. *Crisp O.* Studies in the Russian economy before 1914. L., 1976.
14. *Macey D. A. J.* Government and peasant in Russia, 1861—1906. The Pre-history of the Stolypin Reforms. Decalb, 1987.

**Особенности осуществления
стольпинской аграрной реформы
в центральных и южных губерниях Российской империи**

В статье показан процесс реализации аграрной реформы П. А. Столыпина, связанный с разрушением крестьянской общины и переходом к хуторской и отрубной формам хозяйствования и землепользования. Рассмотрено влияние природного, социального и других факторов на ход преобразований в ряде губерний Российской империи.

The article shows the process of implementing the agrarian reform of P. A. Stolypin, associated with the destruction of the peasant community and the transition to farm and bran forms of management and land use. The influence of natural, social and other factors on the course of transformations in a number of provinces of the Russian Empire is considered.

Ключевые слова: стольпинская аграрная реформа, хуторское хозяйство, участково-отрубная форма землепользования.

Keywords: Stolypin agrarian reform, farm management, precinct-cut form of land use.

Начало XX столетия в Российской империи ознаменовалось быстрым ростом промышленного производства и дальнейшим развитием капиталистических отношений. Однако формирование рынка и развитие предпринимательства в России имело свои особенности: сохранение полукрепостнических форм зависимости в сельском хозяйстве и крупного помещичьего землевладения; наличие самодержавной власти и отсутствие гарантий прав человека на жизнь, свободу и частную собственность. По составу населения Россия являлась преимущественно крестьянской страной. Общинный уклад жизни и коллективистская психология крестьян оставались одним из самых серьезных препятствий на пути развития института частной собственности и предпринимательской инициативы.

В большинстве российских губерний остро стояла проблема малоземелья. Правительство осознавало необходимость разрешения аграрного вопроса, он был ключевым на заседаниях Первой и Второй Государственных дум. Петр Аркадьевич Столыпин, назначенный весной 1906 г. премьер-министром, предложил программу реформ, основные задачи которых заключались в разрушении крестьянской общины и решении проблемы аграрного перенаселения центральной России. Общину П. А. Столыпин расценивал как основное препятствие для формирования крестьянской земельной собственности и развития крестьянского предпринимательства. Он стремился создать в России класс крестьян-собственников, наделенных имущественными, гражданскими и политическими правами, которые стали бы основой для формирования в стране мощного среднего класса.

Реформы, разработанные П. А. Столыпиным, осуществлялись по нескольким направлениям:

— реализация указа «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний» от 5 октября 1906 г. и закона от 14 июня 1910 г., предусматривающих форсированное разрушение крестьянской общины и укрепление индивидуального крестьянского землевладения;

— проведение землеустройства: ликвидация земельной чересполосицы, создание хуторов и отрубов («Положение о землеустройстве», ставшее законом 29 мая 1911 г.);

— переселение крестьян из перенаселенного центра на окраины империи, где имелся свободный земельный фонд;

— содействие крестьянам в приобретении дополнительных участков земли через Крестьянский поземельный банк [1].

В нашем исследовании мы рассмотрим, как осуществлялись в разных регионах страны аграрные преобразования, связанные с разрушением крестьянской общины и переходом к хуторской и отрубной формам хозяйствования и землепользования.

Реализация нового аграрного законодательства была сопряжена с рядом трудностей. Быстрой перестройке крестьянского хозяйства препятствовали многие факторы, в том числе:

— природно-географический (в большинстве центральных губерний России, например в Воронежской, значительная часть крестьян проживала в крупных селениях; такая скученность сельского населения объяснялась недостатком водных и лесных ресурсов);

— низкий уровень образования и культуры сельского населения России (большинство крестьян опасалось риска самостоятельного хозяйствования из-за недостатка агрономических знаний);

— плохое состояние путей сообщения, приводившее к тому, что при выделении на хутор труднодоступными становились церковь, больница, рынки сбыта продукции [2, с. 139—140].

Если с природно-географическими обстоятельствами бороться было затруднительно, то повышение уровня культуры крестьян было под силу местной власти. Так, в Воронежской губернии в 1912 г. был открыт Сельскохозяйственный институт имени Петра I, в период с 1909 по 1913 г. организовано несколько просветительских поездок воронежских крестьян в западные губернии страны, где проживали немцы и чехи, для заимствования опыта ведения хозяйства [2, с. 140].

С крестьянами проводилась и разъяснительная работа. Например, в печатных изданиях Калужской губернии публиковались обращения губернатора А. А. Офросимова, в которых он разъяснял правила неприкосновенности чужой собственности. По поручению губернатора земства выискивали отдельных крестьян, желающих выйти из общины, и оказывали им всяческое содействие. По мнению губернатора, это могло помочь скорее достичь цели, так как для крестьян большое значение имел пример: выйдет из общины один, за ним пойдут и другие [3, с. 144—145]. В июне 1910 г. на базе Калужского реального училища были организованы сельскохозяйственные курсы для 50 слушателей разных возрастов. С осени 1911 г. подобные курсы стали устраиваться в уездах губернии. С целью распространения агрономических знаний проводились сельскохозяйственные выставки, на которых работали экспертные комиссии, выявлявшие лучшие единоличные и коллективные хозяйства, образцовую продукцию, существовала система премирования [3, с. 147].

К 1914 г. в Калужской губернии насчитывалось 6206 хуторов. Однако по количеству хуторов и отрубов в Центрально-Промышленном регионе лидировала Смоленская губерния — 27 409 хуторов и отрубов [3, с. 148]. Росту хуторского хозяйства способствовали природно-географические условия губернии: холмистый рельеф, разнообразие почв, близость грунтовых вод. «Каждый хутор был обеспечен в той или иной мере пахотными сенокосными землями, а также выгоном и лесом» [4, с. 154]. Распространению хуторов благоприятствовал и опыт «колонистов» — выходцев из Курляндской и Лифляндской губерний, которые вели на Смоленщине хуторское хозяйство еще с 70-х гг. XIX в.

Значительную роль природного фактора можно подтвердить и на примере самой молодой и маленькой российской губернии — Черноморской. Она была образована в 1896 г. на южной окраине импе-

рии. В период осуществления столыпинской аграрной реформы здесь шли интенсивные переселенческие процессы, с 1905 по 1911 г. на территории губернии возникло 70 новых селений. Наиболее целесообразными формами землепользования, отвечающими топографическим условиям местности, являлись хуторская и участково-отрубная. Такое землепользование соответствовало идее, заложенной П. А. Столыпиным. Но, несмотря на достаточное количество свободного земельного фонда, население черноморской деревни тоже столкнулось с проблемой малоземелья. Значительная часть земельных наделов представляла собой участки на горных склонах, заросших густым лесом [5, с. 76—77]. Недостаток свободных земель способствовал развитию земельной аренды и рынка наемного труда, а также росту инициативы сельских жителей в поисках неземледельческих видов заработка, которые к началу второго десятилетия составляли свыше 40% всех доходов черноморских крестьян [6, ф. Р-25, оп. 1, д. 375, л. 194].

Помимо природного фактора в ряде регионов имел значение фактор социальный. Так, в Кубанской области 70% земельного фонда принадлежало Кубанскому казачьему войску, остальная земля была поделена между частными владельцами, казной и коренными жителями. Владение землей было неотъемлемой частью статуса казаков — военно-служилого сословия. Согласно Положению от 1869 г., каждому казаку, достигшему 17-летнего возраста, полагался надел от 16 до 30 десятин в зависимости от месторасположения и качества земли [7, с. 186]. В годы столыпинских реформ преобразования, направленные на разрушение крестьянской общины, в Кубанской области не проводились. В 1909 г. в III Государственной думе в рамках обсуждения сметы Военного министерства депутатами был поднят вопрос об изменениях в казачьем землевладении, но на протяжении двух лет конкретных решений этой проблемы не предлагалось. В 1911 г. Дума все же представила военному министру проект, разработанный по аналогии с крестьянской реформой П. А. Столыпина, предполагавший переход от войскового общинного землепользования к индивидуальному — хуторам и отрубам. Однако представители казачьей администрации и военного министерства крайне отрицательно отнеслись к данному проекту, так как считали общинное землевладение лучшей гарантией боеспособности казачьего войска. В итоге переход от общинного землевладения к личному на праве собственности был признан нежелательным и недопустимым в каза-

чьих областях. Тем не менее станичным обществам было запрещено удлинять сроки земельных наделов и ставить казакам препоны в создании новых хуторов [1].

Таким образом, процесс разрушения крестьянской общины и создания хуторов и отрубов в разных регионах Российской империи не был одинаковым и осуществлялся с разной степенью успешности. Если попытки повысить уровень агрикультуры и самостоятельности крестьян приводили к желаемому результату, то природный и социальный факторы становились существенной преградой на пути реализации аграрной реформы. Задуманные Столыпиным преобразования остались незавершенными. В свое время Петр Аркадьевич говорил о том, что России необходимо двадцать мирных лет для реформирования. Но в 1911 г. автор реформ стал жертвой политического убийства, а в 1914 г. Российская империя вступила в Первую мировую войну.

Список источников и литературы

1. *Дон и Северный Кавказ во второй половине XIX — начале XX века.* URL: http://www.hist.ctl.cc.rsu.ru/don_nc/xixend-xx/Sels_xoz_stolip_ref.htm (дата обращения: 17.05.2020).

2. *Стародубцева Т. В.* Столыпинская реформа и ее реализация в Воронежской губернии // Опыт экономического и социального обновления России в свете реформ П. А. Столыпина : матер. междунар. науч.-практ. круглого стола (29 июня 2012 г.) / под ред. проф. Я. С. Ядгарова. М., 2012.

3. *Александров Е. Л.* Особенности проведения столыпинской аграрной реформы в Калужском регионе // Опыт экономического и социального обновления России в свете реформ П. А. Столыпина : матер. междунар. науч.-практ. круглого стола (29 июня 2012 г.) / под ред. проф. Я. С. Ядгарова. М., 2012.

4. *Михальченкова О. А.* Из истории создания единоличных хозяйств в Смоленской губернии в период столыпинской аграрной реформы // Опыт экономического и социального обновления России в свете реформ П. А. Столыпина : матер. междунар. науч.-практ. круглого стола (29 июня 2012 г.) / под ред. проф. Я. С. Ядгарова. М., 2012.

5. *Козлов Л.* Краткий очерк переселенческих участков Черноморской губернии. Тифлис, 1906.

6. *Архивный* отдел администрации города Сочи.

7. *История Кубани с древнейших времен до конца XX века : в 2 ч. / А. В. Баранов, А. Н. Еремеева, А. В. Жинкин [и др.].* Краснодар, 2011. Ч. 1 : С древнейших времен до 1917 года.

Д. А. Столыпин (1818—1893) и становление аграрной социологии в России

В статье проанализированы социологические взгляды Дмитрия Столыпина, который в своих произведениях отстаивал преимущества развития в России частного крестьянского хозяйства как источника прогресса в аграрном производстве.

The article analyzes the sociological views of Dmitry Stolypin, who in his works defended the advantages of developing a private peasant economy in Russia as a source of progress in agricultural production.

Ключевые слова: Д. А. Столыпин, аграрная социология, Российская империя, позитивизм.

Keywords: D. A. Stolypin, agrarian sociology, Russian Empire, positivism.

Эпоха пореформенной России внесла новые и противоречивые факторы в процессы развития отечественной деревни. Все первое десятилетие после реформы 1861 г. прошло под знаком экономического и социокультурного кризиса в русской деревне и помещичьей усадьбе. Удар был нанесен не только по отрицательным, но и по положительным сторонам патерналистских традиций. Эйфория ожидания новых экономических перспектив сменилась пессимистическими настроениями в среде общественно активного дворянства. На фоне негативных экономических последствий разрушения прежних хозяйственных связей и роста финансовой зависимости ширилось недовольство деревенского населения. Реформа, хотя и предоставила крестьянам личную свободу — потенциально возможную предпосылку для «раскрытия» индивидуальной предприимчивости, вместе с тем не решила коренных аграрных и социальных проблем страны. Именно эта «нерешенность» обуславливала различные, зачастую про-

тиворечивые тенденции развития сельского хозяйства России и на рубеже XIX — XX вв. Причем аграрную модернизацию тормозили несколько сил: не только помещики-ретрограды и бюрократия, но и маргинальные слои сельского населения, воспитанные в духе общинных уравнилельных норм и неуважения к частной собственности и «хозяйствующей личности» [1, с. 189—202, 275, 288].

С середины XIX в. в России немало представителей дворянских семей проявляли исследовательский интерес к проблемам развития деревни и сельскохозяйственного производства. Яркий пример тому — деятельность Московского общества сельского хозяйства и других многочисленных сельскохозяйственных обществ. Экономическая и социально-политическая действительность аграрной империи того времени, тесная связь реальной жизни дворянства с крестьянским социумом предопределяли прочную и вполне объяснимую генетику этого явления.

В этой связи, на наш взгляд, публицистическое наследие Дмитрия Аркадьевича Столыпина дает современному исследователю типичный пример того, как в России создавались отечественные («свои») традиции аграрной социологии.

Заметим, что отечественные исследователи к наследию Д. А. Столыпина обращались однажды (в первой половине 90-х гг. XX в.), но в контексте истоков личностных позиций его знаменитого родственника и реформатора — П. А. Столыпина [2, с. 81—94]. Наш интерес обусловлен содержанием многочисленной публицистики Д. Столыпина и его вкладом в формирование социологических воззрений того времени. Исходя из сложившейся в России историографической традиции, наследие Д. Столыпина правомерно отнести к первому этапу развития российской социологии.

Как известно, итогом предсоциологического этапа стали идеи К. Д. Кавелина (1818—1885), которые во многом заложили основы новой социальной науки в России. Он стремился преодолеть недостатки, присущие позициям западников и славянофилов. При рассмотрении сельской общины в его взглядах сочетались идеи государственной школы, которая представляла общину институтом, созданным государством в фискальных целях, и идеи славянофилов о великой роли общины, являющейся реальной альтернативой развитию капитализма в России. К. Д. Кавелин считал, что оптимальным будет разумное сочетание общинного землевладения, которое препятствует переходу земли в руки частных землевладельцев, с личной

поземельной собственностью крестьян, позволяющей избежать пролетаризации и нищеты крестьянских масс [3, с. 98—100]. Взгляды Д. Столыпина демонстрируют иные социологические позиции, которые не только отражают общую эволюцию общественной мысли, но и строятся на иной теоретической базе.

Д. А. Столыпин (1818—1893) — представитель большого рода Столыпиных. Получил военное образование, участвовал в Крымской войне. Затем оставил службу и основательно занялся сельским хозяйством, имея значительную земельную собственность в различных губерниях империи. Его внимание к судьбам российской деревни и потенциалу ее развития стало смыслом его жизни и публицистики.

Как и многие его современники, Д. Столыпин реализовывал себя в определенной политической атмосфере и социальной среде. На его взгляды повлияли факторы, связанные с последствиями поражения России в Крымской войне и огромным социальным переворотом — отменой крепостного права. Так, в брошюре о войне, опубликованной в 1874 г., он вспоминал об эмоциональном потрясении, которое пережил еще в 40-е гг., когда приехал в имение «Ночка» в Пензенской губернии, доставшееся ему по наследству. Его встречали крестьяне в лохмотьях, на вопросы о причинах их бедности отвечавшие одно: «никаких притеснений не было». Молодой собственник решил выяснить, в чем причины упадка и нищеты в его деревне. По документам имения оказалось, что земля была нарезана по описи 1816 г., без учета последующего демографического роста. Это и привело к росту нищеты крестьянских семей [4, с. 24—25]. В дальнейшем вплоть до конца жизни Д. Столыпин стремился собирать статистику и анализировать хозяйственные отчеты своих имений, проводил специальные обследования, часто сопровождая их описание сравнением российского и западного опыта хозяйствования. Эмпирические методы легли в основу его многочисленных публикаций.

Д. Столыпин несколько лет жил в Европе. Посещение клубных дискуссий в Женеве и Париже, знакомство с трудами О. Конта заложили позитивистский подход его исследовательских поисков в осмыслении российской действительности. Такая модель формирования исследовательской позиции была характерна для того времени и отражала уровень научных знаний об обществе.

Нельзя не отметить, что восприятие и использование позитивистских методов исследования общества были у Столыпина непоследовательными, хотя общий принцип — приложение эволюцион-

ных законов органического мира к общественным процессам — им активно применялся. «Главное понятие в сочинении Конта, — писал он, — составляет развитие, генетический переход от простого к более сложному, самый процесс этого развития можно представить в следующей формуле: это закон наибольшего действия, при сравнительно наибольшей экономии труда, или, другими словами, при сравнительно наименьшей трате сил; этот закон признан верным для явлений природы; так же закон этот верен для развития общественного богатства, в смысле экономии, получаемой от употребления улучшенных машин, наконец, он должен быть признан верным для производства умственного труда...» [5, с. 150—151].

Отмена крепостного права, как известно, стимулировала в России многочисленные и длительные дискуссии о путях совершенствования крестьянского хозяйства. Именно они были тем социально-политическим контекстом, на фоне которого более двух десятилетий Д. Столыпин практически исследовал крестьянский быт и доказывал свою приверженность идее отмены общины и развития частного (хуторского) хозяйства, политике применения передовых практик обработки земли и развития сельскохозяйственного образования. В 1874 г. он писал: «Упразднение крепостного права расторгло зависимость одного частного лица от другого и уничтожило все зло, отсюда происходящее; но собственно экономические порядки переделов и дробления земли остались те же, что и прежде. Я старался показать, что они никуда не годны; а потому нельзя удивляться, что некоторые находят быт крестьян и после упразднения крепостного права неудовлетворительным» [4, с. 29].

Опираясь на доклады Московского общества сельского хозяйства и публикации современников (А. А. Фета, А. А. Величина, Н. П. Заломанова, К. П. Победоносцева), Д. Столыпин находил подтверждения своей позиции о преимуществе развития в стране хуторов и закрепления имущественных прав крестьян. «Самоуправление общины, без предварительного признания высшим государственным законом личных имущественных прав, — это стремление большинства меньше имущих к разделу состояния больше имущих. ... В общине... хотя и пишется официально, крестьяне собственники, но в обыкновенном разговоре употребляется слово община, и это совершенно верно, община и общество крестьян — две великие разницы» [5, с. 162—163].

С экономической точки зрения именно в общине Д. Столыпин видел причину постоянного «оскудения» урожаев у крестьян. Это

убедительно подтверждает его сборник «Очерки философии и науки. Наш земледельческий кризис» (1891) [6]. Поддерживая статью К. П. Победоносцева «Семейные участки», в которой обосновывалась необходимость возвращения майората для сохранения дворянского владения, Д. Столыпин экстраполировал этот принцип на крестьянское хозяйство, подчеркнул экономическую слабость малоземелья. По его мнению, даже хорошее малоземельное хозяйство «никогда не может стать на один уровень с крупным по множеству причин, начиная с невозможности крупных экономических затрат, не окупающихся применением в малых размерах» [6, с. 34].

Для Д. Столыпина в его исследованиях активное изучение статистических данных было приоритетным. При этом он отмечал их неполноту в России того времени. Анализируя статью А. Фета в «Московских ведомостях» от 17 октября 1889 г., посвященную экономическому быту крестьян после отмены крепостного права, Д. Столыпин отмечал отсутствие в России положительных данных «в пользу нового строя, в невозможности сравнения особых присущих свойств личного и общинного владения, в нивелированном крепостным правом крестьянском быту» [6, с. 46].

Стремясь смотреть на социально-экономические явления системно, проводя комплексный анализ причин упадка крестьянского хозяйства, Д. Столыпин, заочно дискутируя с Н. Заломановым по поводу его статьи «О причинах упадка крестьянского хозяйства в России» (1882), рассуждал: «Указывая на влияние удаления полей в усадьбе, автор пишет, что, помимо дороговизны возки навоза (а иногда и полной невозможности удобрения), есть еще другая более важная причина, препятствующая увеличению скотоводства, а следовательно, и удобрения в хозяйстве, — это влияние расстояния земельных угодий на издержки производства, как-то: потеря времени при переходах и переездах рабочих, при уборке урожая и вывозке навоза и т. п. Вместе с этим расстояние угодий влияет и на продуктивность молочного скотоводства при выгонном кормлении в течение лета. При значительных переходах молочных коров с выгона в усадьбу удои получаются весьма малые, например вдвое, чем пастьбе вблизи усадьбы. Стоимость труда, непроизводительно расходуемого при переходах и переездах значительных расстояний полевых угодий от усадьбы, достигает весьма заметной величины» [6, с. 51—52]. Опираясь на теорию немецкого экономиста И. Г. фон Тюнена, Д. Столыпин рассчитал потери поземельного дохода, выделив те показатели

расстояния, при которых наступает предел рентабельности хозяйства. Сравнивая климатические и народно-хозяйственные условия России и Западной Европы, он отмечал большую значимость среднего расстояния полей от усадьбы для российских хозяйств.

Д. Столыпин активно отстаивал необходимость научного образования в России. «Для сельскохозяйственных, как вообще для всех общественных явлений, — отмечал он, — вопрос в настоящее время заключается в замене предвзятых мнений непреложными научными законами. Конт представил стройную теорию, согласно которой общественные явления рассматриваются наряду с остальными положительными науками; в основание этой теории Конт ставил единство науки и естественное совпадение научных законов и методов... Преподавание философии наук могло бы служить научным введением к изучению социологии; общественных явлений, столь путанных в настоящее время» [5, с. 164—165]. Сам Д. Столыпин учредил при Московском психологическом обществе премию «по философии наук».

Воззрения Д. А. Столыпина привлекают своим толкованием социального прогресса. Он не поддерживал суть славянофильства, радуясь за европейское понимание социального равенства в аграрном обществе и увязывая его с юридической и фактической защитой частной собственности. Критикуя общинную действительность в Отечестве, он верил в перспективы социально-экономического развития России на основе укрепления хуторского хозяйства, отрубов и сельскохозяйственной промышленности в целом.

Список источников и литературы

1. *Козлов С. А.* Российские ученые-аграрники XIX — начала XX века: историко-биографические очерки. М., 2019.
2. *Голосенко И. А.* Столыпинская реформа и социология Огюста Конта // Социологический журнал. 1994. №4.
3. *Новикова С. С.* Социология: история, основы, институционализация в России. М., 2000.
4. *Столыпин Д. А.* Из личных воспоминаний о Крымской войне и земледельческие порядки. М., 1874.
5. *Столыпин Д. А.* Научные очерки. Начала социологии. М., 1890.
6. *Столыпин Д. А.* Очерки философии и науки. Наш земледельческий кризис. М., 1891.

Крестьянское движение в России в годы Первой русской революции

Статья посвящена истории крестьянского движения в России в годы Первой русской революции. Она является попыткой комплексного подхода к данной теме, реализованного на основе анализа достижений современной отечественной и зарубежной историографии проблемы.

The article is devoted to the history of the peasant movement in Russia during the First Russian Revolution. It is an attempt to an integrated approach to this topic, implemented on the basis of the analysis of the achievements of modern domestic and foreign historiography of the problem.

Ключевые слова: Первая русская революция, крестьянское движение, Всероссийский крестьянский союз, «приговорное» движение.

Keywords: First Russian Revolution, peasant movement, All-Russian Peasant Union, «sentencing» movement.

Эта статья — одна из попыток обобщения накопленного в отечественной и зарубежной историографии материала о региональных и других особенностях крестьянского движения в России в годы Первой русской революции. Она подготовлена в рамках участия автора в научном проекте Института российской истории РАН — составлении академической «Истории России» (в 20 томах).

Крестьянское движение — одна из самых ярких страниц в истории революции 1905—1907 гг., поскольку характеризует позицию в революции основной массы населения страны — крестьянства. Кроме того, аграрный вопрос являлся важнейшим вопросом революции, ее «гвоздем», по меткому и точному выражению В.И. Ленина [1, с. 178], а крестьянское движение было направлено именно на его

решение. Поэтому данная тема получила широкое освещение в историографии и продолжает до настоящего времени привлекать внимание исследователей. В ее изучении было несколько этапов, каждый из которых характеризовался введением в научный оборот новых источников и расширением регионального аспекта исследований. Первая волна публикаций пришлась на 1920—1930-е гг. [2—4], вторая — на 1950—1960-е гг. (в связи с юбилеями революции) [5—7]. Третий период охватил 1970—1980-е гг., когда предшествующие оценки советскими историками основных событий крестьянского движения 1905—1907 гг. были закреплены и обоснованы в рамках обобщающих работ общесоюзного и регионального уровней [8; 9; 10, с. 204—253; 11]. Советские исследователи установили примерное количество крестьянских выступлений в 1905—1907 гг., в том числе на региональном уровне, указали на определяющее влияние рабочего движения и политических партий (прежде всего РСДРП) на крестьянское движение. Причем в этом влиянии они видели важнейшую причину крестьянского протеста, который сам по себе, без внешнего воздействия, по их мнению, не приобрел бы в годы революции столь значительных масштабов.

В 1990-е гг. начался современный этап в историографии проблемы. Он характеризуется критическим отношением к предшествующим работам советских историков, появлением новых концептуальных оценок основных аспектов проблемы, введением в научный оборот новых источников, расширением тематических и региональных рамок исследований [12]. Одновременно сохраняется и прежняя традиция осмысления проблемы, сформировавшаяся в советский период [13, с. 471—475].

В плане концептуального осмысления проблемы на современном этапе ее исследования заметным событием стала предложенная В. П. Даниловым совместно с английским социологом Т. Шаниным концепция крестьянской революции в России, в которой события 1905—1907 гг. рассматриваются в качестве ее важнейшего этапа. При этом обосновывается тезис о самостоятельном характере самого крестьянского движения в это время, его самодостаточности и развитии в силу внутренних, чисто крестьянских, а не внешних факторов и механизмов. В качестве доказательства данного тезиса В. П. Данилов, Т. Шанин и ряд их сторонников приводят факты возникновения и деятельности внепартийного Всероссийского крестьянского союза и повсеместного развития в годы революции «приговорного»

движения. Именно они свидетельствовали о крестьянской самоорганизации, автономности крестьянского движения, жизненности и эффективности крестьянской общины как главного механизма крестьянского протеста. По мнению В. П. Данилова и Т. Шанина, крестьянская революция явилась главным событием Первой русской революции [14, с. 4—23]. С определением крестьянского движения в 1905—1907 гг. как этапа крестьянской революции согласился один из самых авторитетных исследователей крестьянского движения в пореформенной России Б. Г. Литвак [15, с. 507].

Среди других современных исследований на указанную тему следует выделить публикации о причинах крестьянской революции А. П. Корелина, о Всероссийском крестьянском союзе А. А. Куреннышева, о «приговорном» движении Л. Т. Сенчаковой, об общине О. Г. Вронского, о крестьянском протесте в регионах В. А. Степни-на [16, с. 30—51, 77—89; 17—20].

Из зарубежных исследований проблемы заслуживает внимания монография Т. Шанина «Революция как момент истины», обосновывающая феномен крестьянского движения в России в 1905—1907 гг. как самостоятельной и самоорганизованной революционной силы [21; 22], а также публикации украинского автора Н. А. Ковалевой о крестьянском движении в годы революции в Центральной и Юго-Восточной Украине [23, с. 33—37].

Исходя из анализа историографии проблемы можно заключить, что на данный момент отсутствуют обобщающие документальные и монографические исследования крестьянского движения в России в 1905—1907 гг., отражающие современное ее состояние. По-прежнему остаются дискуссионными и нуждаются в дальнейшем исследовании такие аспекты проблемы, как дефиниция крестьянского движения («революция», «война», «Жакерия» и т. п.), его статистика и география (уточнение числа крестьянских выступлений в регионах), степень влияния на конкретные крестьянские выступления рабочего движения и политических партий, феномен крестьянского наивного монархизма, антиклерикального движения, регионально-национальные особенности крестьянского протеста.

О том, что начиная с 1905 г. и до середины 1907 г. крестьянское движение в России перешло в новое качественное состояние и стало частью общероссийского революционно-демократического движения и настоящей крестьянской революцией, убедительно свидетельствуют следующие факты: резкий рост числа крестьянских выступ-

лений и их распространение по всей территории страны; массовые погромы помещичьих имений в черноземной полосе Российской империи и вооруженные крестьянские восстания в Прибалтике и Грузии в 1905 г.; организация Всероссийского крестьянского союза (ВКС); массовое «приговорное» движение; активное участие крестьян в выборах в Государственную думу, образование в Думе фракции крестьянских депутатов — трудовой группы.

Наиболее точное количество крестьянских выступлений в годы революции указано в публикациях Л. Т. Сенчаковой — 25 823 выступления, что в 22,6 раза больше, чем общее число крестьянских выступлений за период с 1890 по 1904 гг. (1139), и в 228 раз больше, чем в 1904 г. (113). Эти цифры убедительно свидетельствуют о действительно революционном взрыве крестьянского протеста в 1905—1907 гг., выходе его на качественно новый этап по сравнению с предшествующим периодом.

Эпицентры крестьянского движения в годы революции оказались теми же, что и в предшествующие десятилетия: черноземные губернии с засильем помещичьего землевладения, Прибалтийский край, Грузия и Сибирь, где крестьяне страдали или от малоземелья, или от запретов на доступ к лесным и иным ресурсам, необходимым для их хозяйственной деятельности. Таким образом, налицо преемственность крестьянского движения, сохранение его главных причин, стремление крестьян добиться своих целей несмотря на попытки власти сдержать их революционный порыв. В 1905—1907 гг. так же, как и в предыдущее десятилетие, крестьянство вновь боролось за землю против помещиков. Их выступления по-прежнему были направлены против разорявших и сдерживавших развитие крестьянских хозяйств государственных податей и повинностей, монополии государства и частных лиц на лесные и иные ресурсы. По установленным в историографии данным, в годы революции в эпицентрах движения непосредственное участие в активных формах крестьянских выступлений (захват земли, сенокосов, лугов, разгром помещичьих и частновладельческих имений, коллективные порубки леса и т. п.) приняло в среднем от 20 до 30% сельского населения. В остальных районах доля непосредственных участников была значительно меньше. При этом следует учитывать, что почти все крестьянство в том или ином виде участвовало в пассивных формах борьбы (неплатежах податей, бойкотах распоряжений власти и т. д.). Ничего подобного не было в предшествующей истории крестьянско-

го движения. В 1905—1907 гг. крестьянством использовались как традиционные, так и новые формы борьбы или их комбинации в зависимости от ситуации и общего хода революции. Главным механизмом и организационным ресурсом крестьянского движения выступала община. На сельских сходах принимались решения о начале выступления, разрабатывался его план, выдвигались вожаки и т.д. В ходе революции подавляющее большинство крестьянских выступлений было направлено на внешнего «врага» (помещика, купца, земского начальника и др.). На так называемую «вторую социальную войну» — выступления крестьян против кулаков и зажиточных, по самым завышенным подсчетам советских историков, пришлось не более 10% всех крестьянских выступлений [9; 11].

В историографии установлено несколько этапов крестьянского движения в годы Первой русской революции. Первый охватывает период с 1905 г. по февраль 1906 г., здесь особое место занимает период с октября по декабрь 1905 г., характеризовавшийся массовым разгромом помещичьих имений в черноземных губерниях страны и крестьянскими вооруженными восстаниями в Прибалтике и Грузии. Второй этап — 1906 г., когда после роспуска Первой Государственной думы крестьянское движение получает новый размах, приближающийся по своим масштабам к событиям осени 1905 г. Но в целом крестьянским выступлениям в этот период был присущ уже «оборонительный» и более скрытый характер. После подавления вооруженных восстаний и погромно-захватного движения конца 1905 г. крестьянство сосредотачивается на борьбе против податно-налоговой системы государства и за его земельно-лесные ресурсы (особенно в Сибири). В это время пытаются организовать крестьянское движение с помощью мирных средств борьбы Всероссийский крестьянский союз, разворачивается массовое «приговорное» движение в связи с выборами в Государственную думу, в которую крестьяне, вопреки надеждам власти и противодействию революционных партий, избирают своих, «крестьянских» депутатов — трудовиков. В 1907 г. крестьянские выступления постепенно угасают, хотя и превосходят по количеству выступления дореволюционного периода. Региональные особенности этапов крестьянского движения проявились в большем числе выступлений в 1906 г. (относительно 1905 г.) в Сибири и на Северном Кавказе, где движение в этот период усилилось, по сравнению с губерниями европейской части страны, в которых власти в конце 1905 г. сбили волну массового крестьянского протеста с помощью репрессий [12, с. 35].

Интенсивность крестьянского движения в годы революции зависела прежде всего от циклов сельскохозяйственных работ. Его всплеск приходился на осень и зиму, а затухание — на период летней уборочной страды. В 1905 г. катализатором крестьянского протеста выступило рабочее движение, особенно Всероссийская октябрьская стачка и Декабрьское вооруженное восстание, которые продемонстрировали слабость власти, подтолкнули крестьян к активным действиям. Отдельные рабочие, как правило отходники, возвратившиеся в деревню, а также из близлежащих к крестьянским селениям предприятий, нередко становились активными участниками, а иногда и вожаками крестьянских выступлений в годы революции. Бастующие железнодорожники саботировали перевозку в районы крестьянских восстаний карательных войск и т. д. Но в целом крестьянское движение в 1905—1907 гг. было самостоятельной революционно-демократической силой, действующей из внутренних, а не внешних причин, влияние которых на нее (в том числе рабочего движения) хотя и невозможно отрицать, но и преувеличивать не стоит.

Данный вывод подтверждается, несмотря на необходимость дальнейшего изучения проблемы, уже имеющимися знаниями об участии в крестьянском движении еще одной «внешней силы» — революционных партий (социал-демократов и эсеров). В годы Первой русской революции их влияние на крестьянское движение значительно возросло по сравнению с предшествующим периодом. В разных регионах страны оно различалось по силе и охвату. В этот период общим направлением деятельности в деревне и социал-демократов, и эсеров была активная агитационно-пропагандистская работа (распространение листовок, организация митингов и т. п.) и создание на местах партийных сельских ячеек и комитетов. В этом же ряду организация социал-демократами советов рабочих и крестьянских депутатов в рабочих поселках, а также некоторых отделений ВКС, как правило расположенных в пригородной зоне [9, с. 147—148; 17, с. 157, 164—165].

Наибольшим влиянием в крестьянской среде, особенно в исконно русских губерниях черноземной полосы, пользовались эсеры, позиционировавшие себя в качестве главных защитников крестьянства. Они внесли значительный вклад в создание и деятельность на этой территории Всероссийского крестьянского союза. К 1907 г. под контролем партии были практически все отделения ВКС, на основе ко-

торых эсеровские «крестьянские братства» встали на путь организации боевых крестьянских дружин для вооруженной борьбы с самодержавием [24, с. 15—17, 116].

Несомненно, влияние и активное участие в крестьянских восстаниях в Прибалтике и Грузии социал-демократов придало им более организованный характер. Представители РСДРП, в том числе один из авторитетных лидеров партии В. И. Ленин, неоднократно выступали в поддержку деятельности ВКС и развернувшегося в России массового крестьянского движения. По мнению лидера большевиков, это движение, наряду с рабочим, проломило «брешь» в самодержавии [25, с. 342]. В марте 1905 г. в опубликованной газетой «Вперед» статье «Пролетариат и крестьянство» В. И. Ленин призвал социал-демократов всемерно поддерживать и направлять крестьянское движение. Он же выдвинул лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства [26, с. 345—346; 27].

Тем не менее, несмотря на активную работу эсеров и социал-демократов в крестьянской среде, революционные партии все же не вели крестьянство и не руководили его движением в революции в буквальном смысле слова. Их прямое влияние и руководство обнаруживается лишь в отдельных крестьянских выступлениях, составлявших незначительную долю от основной их массы, происходившей в подавляющем большинстве случаев стихийно и с опорой на механизм крестьянской общины (включая выделение из крестьянской среды вожаков). Всероссийский крестьянский союз возник не как «партийный проект», а как результат самоорганизации сознательной части беспартийного крестьянства, и лишь после арестов его активистов и ужесточения репрессивного режима в деревне оказался в руках эсеров. Теми же причинами объясняется провал попыток революционных партий взять под свой контроль в деревне выборы в Государственную думу. Крестьяне предпочли партийным деятелям своих, крестьянских депутатов — представителей трудовой группы. Члены эсеровской и социал-демократической партий получили поддержку значительной части крестьян в годы революции не потому, что «просвещали» их в «революционном духе», а потому, что их партийные лозунги совпали с крестьянскими целями борьбы. Кроме того, организаторские навыки партий оказались востребованы при создании органов революционной власти на селе. В целом же крестьянское движение оставалось стихийным и неподвластным внешним революционным силам, несмотря на их горячее желание обуздать его и направить в нужное русло.

Подтверждением этому являются обстоятельства начала массового крестьянского движения в России в годы революции. Его отправной точкой стало изъятие крестьянами в феврале 1905 г. в Курской, Орловской и Черниговской губерниях хлебных запасов в помещичьих экономиях и распределение их среди населения окрестных сел, которое в очередной раз встречало весну впроголодь. Первые группы арестованных «грабителей» на вопрос властей: «Чего вы хотели?» — отвечали: «Мы хотели и хотим есть». Весной 1905 г. стало быстро расти число самочинных захватов помещичьих земель (иногда и рабочего скота вместе с пахотными орудиями), которые распределялись среди крестьянских хозяйств для полевых работ. Дальнейший подъем крестьянского движения в черноземной полосе империи был обусловлен не рабочими забастовками, а неурожаем в 150 уездах 25 губерний, где находилось большинство самых крупных дворянских латифундий, а крестьянство в наибольшей степени страдало от малоземелья. Столкнувшись с угрозой массового голода, крестьяне попытались добиться от помещиков снижения цен за аренду земли, открытия доступа к лесам и сенокосам, продажи земли по доступным ценам и т.п. Но попытки «договориться по-хорошему» не увенчались успехом. В результате крестьяне перешли к прямым захватам помещичьих земель и уничтожению имущества помещиков путем поджогов и разгромов имений. Во второй половине 1905 г. заполохали имения в 24 губерниях Европейской России, было разгромлено не менее 2 тыс. дворянских усадеб. Крестьяне в буквальном смысле «выкуривали» помещиков из их гнезд, чтобы им некуда было возвращаться и негде размещать на постой карательные отряды. Громя поместья, крестьяне, однако, почти не прибегали к физическому насилию над владельцами и служащими экономий [28, с. 86—87; 29, с. 218].

Одним из самых ярких примеров самоорганизации крестьянского движения в Российской империи в годы Первой русской революции и свидетельством его революционного характера было батрацко-крестьянское восстание в Прибалтийском крае в ноябре — декабре 1905 г. Оно стало кульминацией начавшихся летом 1905 г. стачечного движения и нападений батраков и крестьян Латвии и Эстонии на поместья немецких баронов, сосредоточивших в своих руках огромные земельные владения (в среднем 2200 га земли на одно поместье). В ходе восстания было разрушено 459 поместий в Латвии и 114 в Эстонии [4, с. 45—50; 22, с. 182—184]. Для подавления «крестьян-

ского бунта» («восстания латышей») в Прибалтийском крае по личному распоряжению Николая II в ноябре — декабре 1905 г. было организовано несколько карательных экспедиций. Их действия контролировал и направлял сам император, а также С. Ю. Витте и высшее командование Петербургского военного округа, части которого были задействованы в карательных экспедициях. Твердость и жестокость в отношении повстанцев поддерживал и даже лично поощрял Николай II, требуя отвечать «на террор террором», особенно когда речь шла о наказании лиц, виновных в убийствах военных и должностных лиц [30, с. 437; 31, с. 186]. Характерно в этом плане свидетельство С. Ю. Витте: 30 декабря 1905 г. он показал царю копию телеграммы В. У. Соллогуба, в которой сообщалось, что в Эстляндии капитан Рихтер «не только расстреливал, но и вешал главных агитаторов». Напротив этого предложения Николай II начертал: «Молодец!» [32, с. 43—44]. В дальнейшем, в ходе революции 1917 г. и Гражданской войны, участники восстания в Прибалтике, особенно латыши, а также их подростки, бывшие свидетелями насилий по отношению к ним и их семьям со стороны царских карателей, образуют «преторианскую гвардию большевиков» («латышские красные стрелки»).

Среди эпицентров крестьянского движения в годы революции выделялись Черноземный центр, Поволжье и Украина. На этой территории, являвшейся цитаделью помещичьего землевладения, подавляющее большинство выступлений крестьян было направлено против помещиков. До завершения уборочной кампании основными формами борьбы крестьян были требования к помещикам увеличить площадь сдаваемой в аренду земли, снизить арендные платежи, уменьшить цены на продаваемую землю, принимать на работу только местных крестьян, повысить плату за работу в помещичьих хозяйствах и т. п. В сентябре — декабре 1905 г. начались прямые захваты и погромы помещичьих имений. В первую очередь они коснулись крупных дворянских поместий, причем, как правило, тех, владельцы которых в январе — августе 1905 г. отказались от «мирной» уступки крестьянам земли и выполнения других их просьб [20, с. 29—40, 75]. Одновременно в ноябре — декабре 1905 г. в губерниях Черноземного центра резко возросло число самовольных порубок частновладельческого леса и поджогов помещичьего имущества. В 1906—1907 гг. основной формой крестьянского движения в Черно-

земном центре стала борьба крестьян против податного гнета — отказ от уплаты налогов, протест против распродажи имущества за недоимки [20, с. 65, 73—110].

Крупнейшим центром крестьянского движения в 1905 г. была западная часть Грузии — Гурия (Озургетский уезд Кутаисской губернии), где крестьяне (особенно переселенцы хизаны) страдали от малоземелья и тяжелого труда на арендованных у помещиков по высоким ценам землях. Весной 1905 г. они («красные сотни») подняли вооруженное восстание, а в ноябре 1905 г. в захваченном уездном городке Озургети провозгласили Гурийскую республику. Тем же порядком в Сенакском уезде была создана Сенакская республика. Гурийская и другие крестьянские республики были разгромлены карательными отрядами генерала А.М. Алиханова (Аварского) и полковников Крылова и Толмачева, которые устраивали массовые аресты, порки участников движения и т.п. [4, с. 50—55; 13, с. 472; 22, с. 180—181].

Значительный рост крестьянского протеста в 1905—1906 гг. наблюдался на Северном Кавказе. Крестьянство региона, по своему составу разнородное (крестьяне коренные и из других губерний, казаки, горцы, кочующие народности и др.), также включилось в общероссийское крестьянское движение. На Северном Кавказе массовое крестьянское движение началось в феврале 1905 г. как лесопорубочное в казенных лесах. Застрельщиками его стали осетины Владикавказского округа. Там же с весны 1905 г. начались самовольные захваты и распашки крестьянами земель причта и шамхалов. В декабре 1905 г. в Северной Осетии на этой почве произошло вооруженное выступление горцев 25 аулов [33, с. 23—27; 34, с. 25—26; 42, 47]. В Кубанской области как наиболее развитом сельскохозяйственном районе Северного Кавказа основными формами крестьянского и казачьего протеста были стачки сельскохозяйственных рабочих и порубки частновладельческого леса. В горных аулах Дагестана и Чечни активно развивалось качагское (абреческое) движение. Качаги сжигали бекские усадьбы и хозяйственные постройки, убивали помещиков, купцов, представителей царской власти, совершали внезапные налеты на железную дорогу, воинские посты [34, с. 28—30, 35—38, 51, 61—62; 35, с. 235—236]. На Северном Кавказе наиболее активные и массовые крестьянские выступления были подавлены с помощью карательного отряда полковника Ляхова и др.

Свою специфику имели в годы революции крестьянские выступления в районах, где отсутствовало помещичье землевладение. На Севере России в 1905—1907 гг. ведущей формой крестьянского движения было порубочное, затронувшее в 1905—1907 гг. практические все уезды Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний [36, с. 14—15, 17, 21]. В Олонецкой и Архангельской губерниях наряду с порубками леса распространенными формами крестьянского движения в 1905—1907 гг. стали забастовки лесных рабочих и сплавщиков [36, с. 38—46].

Особенности крестьянского движения в Сибири определялись отсутствием там помещичьего землевладения и относительной зажиточностью местных крестьян. Как и в дореволюционный период, сибирские крестьяне боролись за право пользования казенным лесом и кабинетскими землями. «Вторая социальная война» против кулаков и зажиточных односельчан не получила в Сибири в 1905—1907 гг. широкого распространения (2,4% от общего числа всех выступлений). Массовые порубки леса в казенных дачах происходили главным образом в Томской и Тобольской губерниях Западной Сибири, крестьяне которых испытывали наибольшую нужду в лесу по сравнению с крестьянами губерний Восточной Сибири. Захваты кабинетских земель отмечены по большей части в Нерчинском уезде Забайкальской области и южных уездах Енисейской губернии, где крестьяне нуждались в земле, основные массивы которой находились в собственности Кабинета [37, с. 103, 108—111]. Вслед за порубками и захватами кабинетских земель ведущими направлениями крестьянского протеста в Сибири в годы революции стали отказы от выплат различных податей и выполнения государственных натуральных повинностей [37, с. 111—113]. Отличительной чертой крестьянского движения в Сибири были «волнения запасных» в Томской и Тобольской губерниях в 1905—1906 гг. (82 выступления). Бывшие участники Русско-японской войны и запасные солдаты, призванные на эту войну и вернувшиеся в свои селения после демобилизации, выступили против злоупотреблений местной власти при назначении пособий и предоставлении различных льгот им и их семьям [37, с. 114—115].

Если в Западной и Восточной Сибири в годы революции крестьянский протест получил достаточно большой размах, то на территории соседнего с ними Приамурского генерал-губернаторства сложилась иная ситуация. В 1905—1907 гг. там имели место отдельные конфликты между многоземельными «старожилами-стодесятника-

ми-заимочниками» и «новоселами» из-за неиспользуемых в старожильческих селениях и захваченных явочным порядком земель [38, с. 63—68].

Активным в годы революции был крестьянский протест и в других регионах Российской империи. В Белоруссии широкое распространение получили стачки батраков и отказы крестьян повиноваться распоряжениям поветовых властей об уплате налогов. В Туркестане также массовыми были отказы дехкан исполнять подати. Кроме того, там происходили самовольные порубки казенного и частного леса, а также развивалось так называемое разбойничество — одна из форм партизанского движения местного коренного населения против баев и царской власти [9, с. 63, 81, 109; 39; 40, с. 433].

Новой формой крестьянского движения в годы революции, свидетельством возросшей политической активности, сознательности и самоорганизации крестьян явилось создание летом 1905 г. первой в истории России национальной непартийной крестьянской организации — Всероссийского крестьянского союза (ВКС). Главным событием в истории ВКС стал II («делегатский») Всероссийский съезд союза, который проходил легально в Москве 6—10 ноября 1905 г. в присутствии более 187 делегатов из 75 уездов 26 губерний России. Большинство делегатов было избрано на сельских сходах земельных обществ, как присоединившихся к союзу, так и воздержавшихся от этого. Решения съезда стали программными документами для активистов ВКС на местах, а также в ходе многих крестьянских выступлений конца 1905 — первой половины 1907 г. В резолюции «По земельному вопросу» съезд единогласно высказался за ликвидацию частной собственности на землю и превращение ее в общенародное достояние, передачу без выкупа в трудовое пользование крестьян («кто трудится на земле сам со своей семьей, без наемного труда») всех монастырских, церковных, удельных, кабинетских и «государевых» земель. У частных владельцев земля должна быть отобрана, частью за вознаграждение, частью без вознаграждения. Условия этой передачи должны быть определены Учредительным собранием, которое издаст по этому поводу специальный закон [41, с. 6].

«Делегатский» съезд выразил волю крестьян и по таким волнующим их вопросам, как образование и местное самоуправление. В первом случае декларировалось право на общедоступное, обязательное и государственное «низшее образование» крестьянским де-

тям обоего пола. Преподавание закона божьего в начальной школе объявлялось необязательным и должно было вводиться по желанию родителей учащихся. Также предусматривалось «кормление детей в учебное время» и предоставление особо нуждающимся из них бесплатных одежды и ночлега. Вопрос о местном самоуправлении, начиная с волостного звена (в том числе полиции и суда) и кончая областным уровнем и его венцом — Учредительным собранием, должен был решаться с помощью всенародных выборов, в которых право участия на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования предоставлялось всем лицам начиная с 20 лет без различия пола и каких-либо ценовых ограничений [17, с. 59].

Второй съезд ВКС предложил мирные формы крестьянской борьбы (бойкот, стачка, неплатеж податей и налогов) и не поддержал призыв выступивших на нем представителей революционных партий к вооруженному восстанию против самодержавия. При этом съезд призвал царское правительство к отмене смертной казни и немедленной амнистии всех наказанных за участие в аграрных беспорядках. Съезд обратился к железнодорожникам с просьбой не подвозить войска в губернии, где происходили крестьянские волнения [17, с. 95—105, 117—124, 144—145].

После завершения работы съезда активизировалось создание местных организаций ВКС, которые в 1905—1907 гг. действовали в Центральной России, Поволжье, Сибири, в части Западного края, а также на Украине, Кубани и Дальнем Востоке. В октябре — декабре 1905 г. состоялось более 30 уездных съездов Крестьянского союза [17, с. 152, 155, 173]. Самым ярким проявлением деятельности ВКС на местах стала так называемая Марковская республика [3]. Но все же сеть ВКС была невелика (чуть больше 40 отделений) для того, чтобы реализовать во всероссийском масштабе принятую II съездом политическую программу [4, с. 58; 17, с. 181—183, 213—215, 231—240].

Феноменом и новой формой крестьянской борьбы в 1905—1907 гг. было массовое «приговорное» движение — составление на сельских сходах коллективных обращений (приговоров, наказов), содержащих видение крестьянами решения их проблем и направлявшихся затем в высшие инстанции (Сенат, Государственную думу и т. д.). Крестьянские петиции и наказы были результатом творческой деятельности прежде всего самих крестьян, хотя в их составлении, как правило, принимали участие и представители «сельской интеллиген-

ции» (учителя, земские работники и др.), а также иногда революционных партий. Изученные исследователями крестьянские приговоры и наказания периода Первой русской революции показывают фундаментальную однородность содержания крестьянских требований к власти в различных частях страны. Это обстоятельство позволяет говорить о наличии в данный период своего рода «общероссийской программы» крестьянского движения, то есть наиболее волновавших российскую деревню проблем и путей их решения с «крестьянской» точки зрения.

Выходом из «бедности», «нищеты», «голода» и «упадка» в крестьянских обращениях к власти единодушно называлась справедливая земельная реформа, суть которой состояла в полной ликвидации помещичьей земельной собственности и передаче всех конфискованных земель крестьянам на принципе равного права на землю для тех, кто на ней трудится (это требование содержалось в 100% документов). При этом в большинстве приговоров и наказов содержалось требование запрета на использование наемного труда в сельском хозяйстве (59%). Во многих из них выражалось категорическое неприятие частной собственности на землю, поскольку земля является «божьей» и «ничьей». В половине крестьянских документов звучало требование об отчуждении церковных и монастырских земель и передаче их народу, а в некоторых — требование свободы совести, отделения церкви от государства и школы — от церкви [9, с. 226; 42, с. 221, 239].

Решение главного для крестьян вопроса о земле увязывалось в приговорах и наказах с изменением системы местного управления, а также со сменой действующего правительства, ответственного за «бюрократический режим», при котором крестьяне «вдоволь пострадали от произвола всякого начальства» и который защищал всеми средствами их «вековое угнетение» помещиками. Поэтому в крестьянских обращениях предлагалась выборность сверху донизу всего начальства и его подотчетность народу. При этом отвергались насильственные методы достижения данной цели [42, с. 239].

Влияние на «приговорное» движение политических партий проявилось в факте включения в приговоры и наказания чисто политических требований, которые не отвергались крестьянами, поскольку, по их мнению, могли содействовать решению главного для них земельного вопроса [42, с. 221]. «Приговорное» движение способство-

вало росту политической сознательности крестьян, свидетельствовало о приверженности значительной их массы чисто мирным средствам борьбы за свои права в годы революции.

В период революции исследователями установлено 33 факта антиклерикальных выступлений крестьян, как правило связанных с желанием отобрать землю у причта и монастырей, сдававших ее в аренду по завышенным ценам. При этом они выступали против церкви, монастырей и религии не как таковых, но именно как землевладельцев, не работающих на земле и эксплуатирующих крестьянский труд. Возникали и конфликты из-за слишком активной антикрестьянской позиции некоторых священников, осуждавших крестьянские выступления против власти [6].

В первой половине 1907 г. царизму удалось подавить массовое крестьянское движение в его наиболее радикальных формах. Одновременно были пресечены крестьянские попытки легальной самоорганизации через Всероссийский крестьянский союз и «приговорное» движение, направленное на то, чтобы добиться «земли» и «воли» мирными средствами. В результате в годы Первой русской революции крестьянское движение не достигло главной своей цели — ликвидации помещичьего землевладения. С этой точки зрения оно потерпело поражение. Но это поражение не было полным разгромом с отягчающими последствиями. Крестьяне одержали ряд значимых для них «тактических побед». Под натиском крестьянского движения царизм был вынужден пойти на уступки по ряду важных для крестьян вопросов. Были отменены выкупные платежи, подушная подать и круговая порука в уплате налогов там, где они еще сохранялись. Были устранены некоторые сословные ограничения крестьян в правовом отношении: их приравнивали к другим сословиям в вопросах избрания места жительства, поступления в учебные заведения и на государственную службу, а также в судопроизводстве. Было упразднено право земских и крестьянских начальников самовольно налагать взыскания на крестьян за невыполнение их постановлений, ограничивалось право уездных съездов отменять решения крестьянских сходов по представлениям земских начальников. Крестьянское движение вынудило помещиков и других землевладельцев черноземных губерний почти на одну треть снизить цены за аренду земли и поднять заработную плату значительным группам батраков, особенно в районах с техническими культурами. Крестьянство получило «эко-

номическую выгоду» от революции за счет порубленных государственных и частных лесов, которые позволили многим крестьянам справиться постройки и удовлетворить другие хозяйственные нужды.

В 1905—1907 гг. крестьяне прошли «школу» настоящей революционной борьбы и впервые реально участвовали в демократизации общественной жизни страны посредством создания ВКС и «приговорного» движения. Они испробовали на практике и отточили механизм революционного насилия против помещиков и власти, а также структуры революционно-демократической крестьянской власти, которые будут в том же виде, как и в 1905—1907 гг., воссозданы в 1917 г. И наконец, самое главное, крестьянское движение заставило царское самодержавие ускорить столыпинскую аграрную реформу — вторую «великую крестьянскую реформу», призванную, по замыслу ее организаторов, не допустить новой крестьянской революции.

Список источников и литературы

1. Ленин В. И. Пролетариат и его союзник в русской революции // Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 14.
2. Мороховец Е. А. Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции. М. ; Л., 1926.
3. Павлов И. Н. Марковская республика. М. ; Л., 1926.
4. Шестаков А. В. Крестьянство в революции 1905 г. М. ; Л., 1930.
5. Дубровский С. М. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956.
6. Емелях Л. И. Антиклерикальное движение крестьян в период Первой русской революции. М. ; Л., 1965.
7. Кузьмин А. З. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905—1907 гг. Пенза, 1955.
8. Кондриков Б. В. Крестьянское движение в Западной Сибири в период первой русской революции. Омск, 1976.
9. Сенчакова Л. Т. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1989.
10. Симонова М. С. Крестьянское движение 1905—1907 гг. в советской историографии // Исторические записки. 1975. Т. 95.
11. Тюкавкин В. Г., Щагин Э. М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987.
12. Анфимов А. М. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002.
13. Россия в 1905—1907 гг. : энциклопедия. М., 2016.
14. Данилов В. П. Крестьянская революция в России, 1902—1922 гг. // Крестьянство и власть : матер. конф. М. ; Тамбов, 1996.

15. *Современное* крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. М., 2015.
16. *Первая* революция в России: взгляд через столетие. М., 2005.
17. *Куренныхев А. А.* Всероссийский крестьянский союз. 1905—1930 гг. Мифы и реальность. М. ; СПб., 2004.
18. *Вронский О. Г.* Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905—1917). М., 2000.
19. *Приговоры и наказания* крестьян Центральной России. 1905—1907 гг. : сб. док. М., 2000.
20. *Степанин В. А.* Крестьянство Черноземного центра в революции 1905—1907 годов. Воронеж, 1991.
21. *Shanin T.* Russia 1905—1907: Revolution as a Moment of Truth. L., 1987.
22. *Шанин Т.* Революция как момент истины: Россия 1905—1907 гг. — 1917—1922. М., 1997.
23. *Ковалева Н.* Крестьянское движение в надднепринской Украине в условиях революции 1905—1907 гг.: масштабы, формы, движущие силы // Наукові записки Тернопольського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. Сер.: Історія. 2014. №2.
24. *Леонов М. И.* Эсеры в революции 1905—1907 гг. Самара, 1992.
25. *Ленин В. И.* Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам // Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 17.
26. *Ленин В. И.* Пролетариат и крестьянство // Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 9.
27. *Гончаров А. Д., Луняков П. И.* В. И. Ленин и крестьянство. 2-е изд., доп. М., 1976.
28. *Веселовский Б.* Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России, 1902—1906 гг. СПб., 1907.
29. *Данилов В. П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды : в 2 ч. Ч. 2. М., 2011.
30. *Николай II* в 1905 г. (по рескриптам, резолюциям и телеграммам) // Красный архив. 1925. Т. 11—12.
31. *Переписка* Николая II и Марии Федоровны (1905—1906 гг.) // Красный архив. 1927. Т. 22.
32. *Революция* 1905 г. и самодержавие : сб. док. М. ; Л., 1928.
33. *Джисоева Р. А.* Политические представления крестьянства в революции 1905—1907 гг. (по материалам Северной Осетии) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2014. №1.
34. *Трехбратов Б. А.* Крестьянское движение на Северном Кавказе в период революции 1905—1907 гг. Краснодар, 1984.
35. *История* Дагестана : в 4 т. М., 1968. Т. 2.

36. Чупров В. И. Крестьянское движение на Севере в годы Первой русской буржуазно-демократической революции (1905—1907 гг.). Сыктывкар, 1982 (Сер. Научные доклады ; вып. 87).

37. *Крестьянское движение в Сибири. 1861—1907 гг.* Хроника и историография. Новосибирск, 1985.

38. Лыкова Е. А. Крестьянство Дальнего Востока в период русской революции 1905—1907 гг. // Дальний Восток России на перекрестке эпох : сб. науч. тр. Всерос. круглого стола, посвященного 111-летию Первой русской революции и 110-летию открытия Первой Государственной думы. Хабаровск, 2017.

39. Шабуня К. И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг. Минск, 1962.

40. Пясковский А. В. Революция 1905—1907 годов в Туркестане. М., 1958.

41. *Постановления съездов Крестьянского союза.* СПб., 1905.

42. Сенчакова Л. Т. Приговоры и указы российского крестьянства 1905—1907 гг. По материалам центральных губерний. М., 1994.

Статистическая характеристика крестьянского движения в российской деревне в начале XX века

На основе статистической обработки данных о крестьянских выступлениях в начале XX в. дана характеристика региональных особенностей и внутренней структуры крестьянского движения и их связи с региональными условиями крестьянского существования.

On the basis of statistical processing base information about peasant actions of the beginning XX century are characterized regional features and interior structure of peasant movement and there relatedness with regional conditions of peasant subsistence.

Ключевые слова: крестьянство, движение, региональные особенности, структура.

Keywords: peasantry, peasant actions, regional features, structure.

Устойчивым стимулом для усиления недовольства и роста крестьянского движения в начале XX в. было то, что негативное воздействие проведенной крестьянской реформы с годами все более возрастало. Аграрный капитализм развивался в таких формах и направлениях, от которых крестьянам нечего было ожидать с точки зрения улучшения своего положения. Растущий недостаток земли, низкий уровень доходности собственного хозяйства, ограниченные возможности получения дополнительных доходов за счет внешних заработков в сочетании с уменьшением размеров душевого надела вследствие роста численности сельского населения и консервация сковывающих крестьянскую инициативу сословных ограничений влекли за собой сохранение, а то и ухудшение и без того низкого жизненного

уровня подавляющего большинства крестьянских семей. Промышленный кризис начала века и неурожай 1901 г. еще более ухудшили положение в деревне.

Сохраняя привычную для традиционного крестьянского сознания надежду на власть как источник возможных кардинальных изменений своего положения к лучшему, крестьянство вынуждено было вести борьбу за то, чтобы добиться каких-либо частных улучшений своей жизни и тем самым не только сохранить более или менее достаточный уровень благосостояния, но и поддержать свой социально-экономический статус.

Статистическая обработка и анализ содержащихся в общей Хронике крестьянского движения в России в 1900—1904 гг. фактических сведений позволяют получить общую характеристику основных черт и внутренних особенностей крестьянского движения в первые годы XX в. [2].

Для выявления количественных характеристик крестьянского движения в отдельных регионах страны и влияния на них конкретных социально-экономических условий крестьянского существования в качестве основания для группировки данных была использована система аграрного районирования, разработанная И. Д. Ковальченко и Л. И. Бородинским на основе изучения социально-экономических характеристик губерний Европейской России в начале XX в. [1, с. 59—95]. В нашей статье территориальные рамки исследования были расширены за счет включения в них сибирских и южных губерний.

Сравнение данных статистического анализа уровня развития крестьянского движения в различных регионах страны показало, что наибольшее количество выступлений (44%) приходится на долю черноземных губерний. При примерно равном числе губерний количественный уровень движения почти на $\frac{1}{3}$ превосходит соответствующие показатели нечерноземной зоны и значительно превышает аналогичные данные по степным и прибалтийским губерниям. Наиболее низкий по количеству выступлений уровень крестьянского движения характерен для центрально-промышленных, приуральских и столичных губерний европейской части страны, а также ее южных и восточных окраин — Сибири, Закавказья и Средней Азии.

Все эти хорошо известные особенности истории объясняют тем, что именно в черноземных губерниях сложились наиболее трудные для крестьян условия хозяйственной деятельности и повседневного существования. По признакам аграрной типологии средне-

черноземные губернии отличались наименьшими размерами наделов, высокими ценами на землю и стоимостью аренды и, при высоком уровне развития земледелия, низким уровнем развития животноводства и меньшим, по сравнению с другими регионами, применением наемного труда. Понятно, что острый недостаток земли и невозможность сколько-нибудь успешно компенсировать крайне низкий уровень доходности собственного хозяйства за счет других источников существенно стимулировали развитие крестьянского движения в этом регионе.

В рамки данного объяснения хорошо укладывается и то, что в Степном районе, отличавшемся наименьшей долей дворянских земель, наибольшими размерами крестьянских наделов, широким развитием земледелия и значительным применением более высокооплачиваемого наемного труда, уровень крестьянского движения был в 8,5 раза ниже, чем в Среднечерноземной полосе, и в 5,5 раза ниже показателей Нечерноземья.

Из пяти губерний с наибольшим количеством учтенных крестьянских выступлений в 1900—1904 гг. (Киевская губерния — 178, Саратовская — 137, Волынская — 122, Подольская — 110, Смоленская — 95) три входили в Среднечерноземную полосу, однако две другие (Волынская и Смоленская) представляли Центрально-Западный регион Нечерноземья. В ходе дальнейших сопоставлений нетрудно установить, что при практически равном количестве губерний суммарные показатели Центрально-Южно-Черноземного района на треть ниже, чем Центрально-Западного региона Нечерноземья.

С другой стороны, общее количество крестьянских выступлений в пяти губерниях Прибалтийского района заметно ниже по сравнению со всеми регионами Черноземья, за исключением Средневожского, несмотря на сходство двух основных условий — сочетание низкого размера крестьянского надела с высокой долей частного дворянского землевладения.

Наконец, в самом Среднечерноземном регионе средние показатели количества крестьянских выступлений в изучаемый период колеблются от 17 в Средневожском и 26 в Центрально-Черноземном до 104 в Центрально-Южно-Черноземном и 109 в Юго-Западном районах.

При внимательном сравнении некоторых признаков аграрного районирования следует обратить внимание на то, что более низкие количественные показатели крестьянского движения, при всех основных недостатках крестьянского существования, представлены в

тех аграрных регионах Европейской России, где более высокими были уровень применения наемного труда и степень социального расслоения деревни. Напрашивается вывод о том, что уровень развития крестьянского движения напрямую зависит не только от степени сохранения феодально-крепостнических пережитков, но и от повышения уровня развития аграрного капитализма, причем действие этих факторов имеет разнонаправленный характер. Объективный ответ на этот вопрос может быть получен на основе более глубокого изучения региональных особенностей развития капиталистических аграрных отношений и их влияния на развитие аграрного движения.

Признание ведущей роли социально-экономических факторов в определении количественных и качественных признаков крестьянского движения в конкретный период не исключает того, что в интересах его более объективного, аргументированного и всестороннего описания историкам следовало бы более тщательно изучить и учесть влияние, оказываемое на уровень интенсивности крестьянского движения не только социально-экономическими, но и социально-демографическими факторами. Тем более что в исследованиях социально-экономического положения в пореформенной деревне аграрное перенаселение рассматривается как один из факторов его ухудшения, следовательно, оно выступает в качестве одной из причин роста крестьянского движения. Необходимо также, отказавшись от идущей от идеологов революционного движения априорной оценки крестьянского движения как совершенно стихийного и несознательного, более глубоко исследовать социально-психологическую мотивацию действий его непосредственных участников.

Ограниченные хронологические рамки и различия в составе исходных документальных и статистических данных позволяют лишь в общих чертах установить динамику развития крестьянского движения в этот период и достаточно объективно сопоставить ее показатели с предшествующим этапом. Общая динамика носит волнообразный характер, но процесс роста количества выступлений проявляется достаточно четко в почти двукратном увеличении их численности по сравнению с начальными показателями, что может быть следствием как ухудшения положения крестьян, так и появления новых внешних факторов роста крестьянской активности.

Структура крестьянского движения обусловлена наличием в нем проявлений двух форм классовой борьбы: экономической и политической в их повседневных формах. В структуре экономической

борьбы отмечается несколько направлений. Содержание конкретного направления определяется на основе выделения и систематизации событий, имеющих однородное содержание и направленность. Таким образом, в структуре изучения крестьянского движения анализ конкретного направления представляет собой один из этапов его описания, находящийся между начальным этапом исследования, предполагающим описание совокупности разрозненных событий, и его завершающей стадией — созданием единой картины развития крестьянского движения в целом с учетом всех его общих черт и частных особенностей. Авторы работ, посвященных изучению крестьянского движения, определяют основные направления его развития на основе выделения признаков сферы развития конфликта, объекта борьбы, противника или целей ее участников. Многообразие принципов типологии, не снижая объективности и достоверности полученных выводов, позволяет авторам выбрать наиболее соответствующий целям исследования прием ее создания.

Общее описание крестьянского движения на отдельных этапах его развития базируется на обобщении результатов, полученных путем анализа его основных направлений. В данном исследовании для описания внутренних характеристик движения и их взаимосвязи в качестве ведущих признаков для выделения направлений крестьянского движения использованы сведения об объекте и противниках как наиболее оптимальная основа для дальнейшей группировки и анализа всей совокупности данных.

В общей структуре крестьянского движения абсолютное большинство принадлежит выступлениям, направленным на защиту поземельных интересов его участников, а основные его противники (87,5%) являются представителями частного землевладения, среди которых, в свою очередь, 91% относится к категории помещиков. Оставшаяся незначительная часть такого рода столкновений приходится на долю государственных землевладельцев в лице Казны, Кабинета и Уделов. Последнее легко объясняется тем, что изначально условия наделения крестьян, живших на землях государственных собственников, были более благоприятными для них, а сама процедура отграничения крестьянских наделов была проведена более четко. Кроме того, казенные и кабинетские земли находились преимущественно в сибирских губерниях, где крестьяне менее всего испытывали недостаток в земле. Тем не менее к началу XX в. увеличивается число поземельных конфликтов, особенно на Алтае, где каби-

нетская администрация последовательно контролировала и пресекала попытки крестьян пользоваться кабинетскими землями с нарушением установленных правил.

Различные категории сельскохозяйственных угодий авторы более чем половины донесений обозначают общим понятием «земля». В тех сообщениях, где содержатся более точные сведения о видах угодий, 73% приходится на луга и выпасы и только в 15% фигурирует пашня. При определении формы крестьянских действий наряду с общим определением «захват» содержатся и вполне конкретные указания на форму нарушения владельческих прав, причем на 247 случаев потрав и покосов в изучаемый период приходится лишь 10 случаев запашки. Постоянным объектом крестьянских притязаний были частновладельческие лесные угодья, и среди основных форм крестьянского движения количество порубок является устойчиво высоким.

В дореволюционной социал-демократической публицистике, а вслед за ней и в советской историографии особое значение с точки зрения количественного, а главное, качественного развития аграрного движения придавалось выступлениям в Полтавской и Харьковской губерниях весной 1902 г. Современная их оценка сформулирована в предисловии В. П. Данилова к сборнику документов о крестьянском движении в 1901—1904 гг.: «Крестьянское движение совершенно отчетливо стало принимать новое направление, от борьбы за спорные земли и за отрезки оно перешло к принципиально новому этапу — борьбе за отобрание всей помещичьей земли. Это был большой перелом в самосознании крестьянства, подтверждением чему явилось восстание крестьян в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г.» [2, с. 8]. На основе документов, содержащих довольно полные сведения о тех событиях, вырисовывается следующая картина. В конце марта — начале апреля 1902 г. в смежных уездах Полтавской и Харьковской губерний большие и малые толпы доведенных до отчаяния крестьян грабили окрестные имения, забирали в них хлеб, продовольствие и некоторое имущество. Поводами к массовому распространению этих действий послужили отсутствие у крестьян продовольствия и семян из-за неурожая 1901 г. и нерасторопность местной администрации в выдаче ссуд голодающим. Быстрому росту числа выступлений и участию в них значительной массы крестьян способствовала «народная агитация». Путем использования большого количества войск власти в течение короткого времени локализовали и подавили это движение и развернули активную кампа-

нию по поиску и наказанию виновных. С точки зрения формы выступлений, которая является одним из главных критериев при оценке уровня крестьянских выступлений, за исключением случаев попутного повреждения помещичьих построек речь идет о концентрированном проявлении довольно распространенного в крестьянском движении присвоения помещичьей собственности, а не частновладельческих угодий. Объектом борьбы была не земля, а имущество. Столь же некорректным представляется и применение термина «восстание» для определения всех крестьянских действий. В ходе подавления крестьянских выступлений имели место не более трех случаев сопротивления военным командам, все остальные действия крестьян не подпадают под категорию вооруженного противостояния. Так что историкам еще предстоит выработать более точную и объективную оценку полтавско-харьковских событий. Все эти данные подтверждают общепризнанную точку зрения, согласно которой основные причины крестьянского движения коренились в тяжелых условиях крестьянского существования, обусловленных, в свою очередь, недостатком угодий и засильем частного сословного землевладения. Однако вытекающее из нее утверждение, что крестьянское движение в его повседневных формах было направлено на борьбу за ликвидацию помещичьего землевладения, более основывается на общих теоретических положениях, чем на анализе их конкретной направленности.

В реальности различные формы покушения на помещичью земельную собственность, в которых идеологи революционного движения, а также авторы основанных на этой методологии исследований крестьянского движения в пореформенной деревне видели проявление борьбы крестьян за ликвидацию помещичьего землевладения, являлись лишь одним из наиболее доступных для крестьян способов компенсировать недостаток угодий и продуктов собственного хозяйства и таким образом повысить материальный уровень своего повседневного существования. Этими же стремлениями объясняется рост количества забастовок батраков и поденщиков, боровшихся за увеличение платы. Опираясь на традиционные воззрения и социальные иллюзии, пореформенное крестьянство возлагало свои надежды на власть в деле более или менее радикального разрешения аграрного вопроса в своих интересах. Одним из проявлений этих ожиданий были периодически распространявшиеся в пореформенной деревне слухи о грядущей аграрной реформе сверху, оживление которых наблюдалось с началом Русско-японской войны.

Среди крестьянских выступлений в первые годы XX в. около 7,5% имели своим поводом действия землевладельцев, направленные на подтверждение их юридических прав на спорные земли. Установить наличие таких выступлений и характер конфликта позволяют сведения о том, что стало толчком к конкретным выступлениям, для прекращения которых потребовалось вмешательство представителей власти. Авторы документов, к сожалению, не часто включают в них точные указания о поводах крестьянских выступлений. Из общего количества событий, получивших отражение в хронике [2], только в описании 17,5% имеется такого рода информация. Среди них поводом для половины выступлений (150) стали споры между крестьянами и помещиками о праве на землю. Для 66% подобных конфликтов поводом послужило проведение межевых и землеустроительных работ по инициативе помещиков, а также выдворение крестьян с ранее захваченных участков. Неопределенность границ между общинными и частновладельческими землями и, как следствие, наличие так называемых спорных участков создавали все большие неудобства для развития хозяйственной деятельности их владельцев и усиливали вероятность конфликтов с крестьянами. Поэтому помещики стремились зафиксировать свои права на спорные участки. В таких случаях они выступали инициаторами точного определения границ, что, в свою очередь, вызывало активное недовольство крестьян, предпочитавших сохранять прежнюю, более благоприятную для них ситуацию. Крестьяне пытались препятствовать проведению межевых работ, что становилось поводом для вмешательства полиции.

Треть ученных в хронике выступлений против землевладельцев составляют две основные формы аграрного террора — погромы и поджоги, причем количество поджогов более чем вдвое превосходит количество погромов. Часть историков высоко оценивают погромы, поскольку видят в них одну из наиболее острых форм борьбы крестьян против помещичьего землевладения. По их мнению, широкое распространение в деревне погромной практики отражает остроту противостояния, существовавшего между крестьянами и помещиками. Ограниченный интерес исследований к фиксации и статистике поджогов определяется тем фактом, что они не относятся к категории массовых выступлений. Более мягкое отношение к этому вопросу прозвучало в предложении Н. Н. Лещенко учитывать поджоги как одну из форм массового выступления при наличии факта поддержки

действий поджигателей со стороны общества [3, с. 274]. Это уточнение мало меняет суть дела, так как в источниках по вполне понятным причинам отсутствуют сведения как о публичной поддержке такого рода действий, так и об их негативной оценке со стороны крестьян. Не зафиксированы также факты добровольной выдачи властям заподозренных в совершении поджогов, зато имеются сведения о случаях, когда крестьяне отказывались участвовать в тушении пожаров. Следовательно, по умолчанию основное население деревни одобрительно относилось к действиям поджигателей и к ним самим. Создание достаточно полной статистики самих поджогов, их динамики и мотивов их использования как одного из средств социальной мести пока остается одной из слабо разработанных проблем развития крестьянского движения. Во всяком случае, вряд ли стоит считать их одной из форм борьбы за землю в предреволюционные годы. Время «выжигать» помещиков из деревни еще не настало.

Что касается погромов, то установить их действительное количество и определить место, которое они занимают в структуре крестьянского движения, мешает то, что в конкретных исследованиях под это определение подводятся события, различные по интенсивности, характеру и целям их участников. В отличие от историков, объединяющих все факты нападения на помещичьи усадьбы в единое понятие «погром», авторы соответствующих документов используют для описания такого рода событий ряд определений, более точно отражающих их суть. В них наряду с понятием «погром» фигурируют такие термины, как «разбор», «ограбление», «увоз», которые авторы сообщений используют и для описания случаев захвата хлеба и кормов непосредственно в поле или на сенокосе, а также срубленного крестьянами леса. Погром, по сути, представляет собой не присвоение, а целенаправленное коллективное уничтожение недвижимого имущества. Судя по документам, именно такого рода выступления не имели большого распространения в начале XX в.

Вторым по количеству выступлений направлением в экономической борьбе крестьянства было противоборство в сфере податных отношений. Основная его форма — отказ крестьян от выполнения своих податных обязанностей (6,5% от общего числа выступлений), мотивированный недостатком или отсутствием средств. Сравнительно невысокий уровень активности крестьян в борьбе против податного гнета, возможно, объясняется тем, что противником в таких конфликтах выступало государство. Одним из сдерживающих фак-

торов, видимо, было существовавшее в психологии крестьян устойчивое представление о том, что внесение податей для них составляет хотя и довольно тяжелую, но естественную и неизбежную обязанность, неисполнение которой является прямым нарушением существующего порядка. Временное уклонение отдельных плательщиков от ее исполнения было довольно широко распространено в пореформенной деревне, но для того, чтобы крестьяне решились на открытое и коллективное неисполнение своих податных обязанностей, требовались достаточно сильная мотивация и законное, с точки зрения крестьян, оправдание их действий.

Начиная с 1901 г. в документах зафиксировано более 80 случаев (из которых 55 приходится на 1902 г.), когда, преследуя свои экономические интересы, крестьяне сознательно шли на нарушение действующего законодательства и неизбежный конфликт с властями.

В рамках второго по количеству выступлений и уровню активности направления крестьянского движения его противником являлась действующая власть. Такого рода конфликты составляли 28% от общего числа выступлений. Противостояние между властью и крестьянством отличалось большей однородностью поводов и форм конкретных выступлений, ограниченным количеством объектов, но большей остротой и массовостью конкретных конфликтов и более сложной структурой. При этом следует учитывать, что крестьянство не преследовало цели свержения или глубокой модернизации существующего политического порядка. В качестве противника воспринимались конкретные органы и представители власти, а не система в целом. Крестьянская борьба против власти носила характер политической борьбы, но локализовалась на низшем ее уровне, в сфере защиты повседневных интересов деревни. Она проявлялась в различных формах противодействия представителям местных административных и полицейских органов и крестьянского самоуправления в случаях принуждения крестьян к выполнению их сословных обязанностей или вмешательства этих органов в конфликты между крестьянами и представителями других сословий и категорий земельных собственников на стороне последних. Преобладающее число конфликтов с представителями власти носило вторичный характер, поводом для них становились действия самих властей.

Число столкновений с органами крестьянского самоуправления не превышает 18% от общего количества выступлений против власти. Представители этих органов сами являлись членами крестьян-

ского сообщества, поэтому на их деятельность, в том числе в условиях конфликта, объективно влияло возникавшее в таких случаях противоречие между их административными обязанностями и сословными связями и представлениями. Они имели в своем распоряжении довольно ограниченные административные и карательные средства прекращения противоправных действий и поэтому в конфликтных ситуациях чаще были готовы пойти на уступки и передать разрешение конфликта в руки местной администрации и полиции.

Как правило, столь же малоэффективными в деле прекращения покушений на помещичью собственность оказывались частная охрана и служащие имений. Поэтому и тем и другим в случае обострения конфликта оставалось надеяться только на помощь властей.

В большинстве случаев крестьянские выступления в их наиболее активной форме были направлены против местных административных органов и чиновников, осуществлявших функции контроля и сословного попечительства в отношении крестьян. В зависимости от ситуации конкретные формы крестьянского сопротивления варьировались от пассивного отказа от исполнения незаконных или невыгодных, по мнению крестьян, требований начальства до открытого и демонстративного неподчинения (61 % от общего числа выступлений политического характера).

В случаях, когда прекратить крестьянское сопротивление административными методами не удавалось, в дело вступала полиция (6,2% выступлений против власти), хотя следует иметь в виду, что в ряде случаев ее представители в лице низших полицейских чинов с самого начала становились одной из сторон конфликта.

В наиболее острых ситуациях или в состоянии крайнего эмоционального возбуждения крестьяне сами переходили в наступление на своих противников. Случаи нападения на представителей местных полицейских, административных и судебных органов с целью изгнания их с места конфликта, в том числе с нанесением травм и побоев, имели место в 15 % всех выступлений против местных властей и полиции.

Когда же меры административного и полицейского воздействия не приносили должного результата, власти прибегали к использованию военной силы или участию в прекращении выступления первых лиц губернской администрации. Из зафиксированных при составлении хроники событий донесения о 87 конкретных выступлениях заканчиваются сообщениями о том, что ввиду недостаточной эффек-

тивности обычных мер для их прекращения были вызваны военные команды. Половина подобных сообщений приходится на 1902 г., причем в 4 случаях участники выступления оказали военным активное сопротивление. В том же году в 5 (из 6 зафиксированных за весь период) случаях потребовалось личное вмешательство губернаторов.

Сообщения о тех или иных открытых проявлениях второй социальной войны в деревне накануне первой русской революции носят единичный характер, что свидетельствует о невысоком качественном уровне противостояния внутри самого крестьянского сообщества. Многочисленные конфликты на почве столкновения индивидуальных и групповых экономических интересов представителей различных имущественных слоев еще не переросли в форму открытого социального противоборства. Этому способствовала как сохранявшаяся и в условиях усиливающегося материального неравенства общность сословного положения крестьянства, так и использование внутри самой крестьянской общины традиционных механизмов разрешения подобных конфликтов. В тех случаях, когда они оказывались недостаточно эффективными, потерпевшая сторона обращалась за поддержкой к официальным властям. Поэтому сведения о характере и масштабах развития второй социальной войны в начале XX в. следует искать в отложившихся в фондах соответствующих официальных органов крестьянских прошениях и жалобах [4, с. 88—93]. Расширению рамок второй социальной войны за счет появления внешних противников способствовало проникновение в деревню торгово-промышленного капитала, о чем свидетельствуют содержащиеся в хронике [2] сообщения о направленных против его представителей крестьянских выступлениях.

Отличительной чертой крестьянского движения являлось и то, что общее количество выступлений менялось в зависимости от времени года. Наибольшая активность наблюдалась в весенний и летний период, в осенние и особенно зимние месяцы отмечался спад. Такой характер годовой динамики крестьянского движения служит еще одним подтверждением того, что в борьбе против частного землевладения преобладало стремление к присвоению не самой земли, а продуктов ее хозяйственного использования. Именно в разгар сезона сельскохозяйственных работ создавались наиболее благоприятные, с точки зрения крестьян, условия для хотя и незаконного, но выгодного пользования помещичьими угодьями и произведенными на них продуктами.

Данные хроники крестьянского движения свидетельствуют об увеличении количества выступлений, повышении активности его участников и уровня крестьянских притязаний, но заставляют признать, что достигнутый накануне первой революции уровень его развития был явно недостаточным для того, чтобы оно стало эффективным средством защиты крестьянских интересов.

Список источников и литературы

1. Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX — XX веков (Опыт многомерного количественного анализа) // История СССР. 1979. № 1.
2. *Крестьянское движение в России в 1901—1904 гг.* : сб. документов. М., 1998.
3. Леценко Н. Н. Источники по изучению крестьянского движения периода первой русской революции и методика их обработки // Вопросы источниковедения первой русской революции. М., 1977.
4. Шустов К. Б. Борьба за надел в пореформенной псковской деревне // Северо-Запад в аграрной истории России : сб. науч. тр. Калининград, 1984. Вып. 1.

М. Д. Карпачёв

Воронежская деревня накануне революции 1917 г.: промежуточные результаты аграрного реформирования

Статья посвящена анализу социально-экономического положения деревни Воронежской губернии в последние годы существования Российской империи. Дана оценка результатов новой аграрной политики, основанной на приватизации крестьянской земли. Раскрыто влияние аграрного перенаселения на состояние крестьянской экономики и на социальные отношения в деревне.

The article is devoted to the analyses of the social and economic development of the peasantry of the Voronezh region at the last decades in the history of the Russian Empire. The results of the new agrarian policy based on the privatization of the peasant land allotments are represented. The influence of agrarian overpopulation on the peasant's economy is shown as well.

Ключевые слова: крестьянство, Воронежская губерния, начало XX века, новая аграрная политика.

Keywords: peasantry, Voronezh region, the beginning of the 20th century, new agrarian policy.

Вопросы социально-экономического положения дореволюционной России стали в последние годы предметом оживленных, порой весьма острых дискуссий. В публикациях Б. Н. Миронова, М. А. Давыдова, ряда участников Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы содержатся выводы о достаточно устойчивом развитии аграрного сектора российской экономики накануне Первой мировой войны [1, с. 621—628; 2, с. 197—209]. К выводу об устойчивом экономическом развитии России в начале XX в. пришел и американский исследователь П. Грегори. При этом он подверг критике распространенные представления об обострении аграрного кризиса в России на

рубеже XIX—XX вв. [3, с. 85]. Однако эта позиция встретила резкие возражения со стороны ряда других исследователей. Внезапно возникшая острая дискуссия только подтверждает необходимость конкретного анализа социально-экономических процессов в регионах России, поскольку в разных частях огромной страны положение дел в экономике и уровень народного благосостояния всегда были и остаются до сих пор очень разными.

Центральное Черноземье в начале XX столетия оставалось зоной безусловного преобладания земледелия в трудовой деятельности народа. И через полвека после отмены крепостного права свыше 94% населения Воронежской губернии составляли крестьяне. Природа и плодородные почвы все еще решающим образом влияли на хозяйственную жизнь этого благодатного края России. «Экономическая деятельность населения Воронежской губернии, — констатировали в начале прошлого века земские специалисты, — главным образом направлена на земледелие, кустарные и другие промыслы развиты слабо и служат только подспорьем сельскому хозяйству» [4, ф. 20, оп. 1, д. 2672, л. 12]. После великих реформ 1860—1870-х гг. в России происходили громадные перемены, но в структуре населения и в экономике региона они проявлялись слабо.

Несмотря на благоприятные природно-климатические условия, черноземные губернии оказались в Европейской России зоной экономической, социальной и культурной отсталости. В политической публицистике все чаще стала обсуждаться проблема «оскудения» земледельческого центра, о бедственном положении воронежской деревни заговорили как в административных, так и в общественных кругах. Тягостное впечатление в русском обществе вызвали картины крестьянского голода начала 1890-х гг. Выяснилось, что жившие на тучных черноземах крестьяне не имели и, что еще печальнее, не могли иметь хлебных резервов. Двухлетний недород привел к тяжелому народному бедствию. Тема крестьянских лишений активно использовалась как революционными, так и либеральными противниками самодержавия. Широкий резонанс получила небольшая, но темпераментно написанная книга земского врача А.И. Шингарева. Это исследование высокой смертности воронежского крестьянства содержало откровенный упрек власти в пренебрежении нуждами деревни [5].

Цели и социальная направленность столыпинского аграрного курса еще, видимо, долго будут предметом острых дискуссий. Ис-

следователи-марксисты советского времени (экономисты и историки), как известно, стремились выяснить классовый характер преобразований и неизменно указывали на консервативную и даже реакционную сторону политики П. А. Столыпина в деревне. Премьера-реформатора упрекали главным образом в том, что он стремился сохранить помещичью земельную собственность и подвести под самодержавие новую опору в виде укрепившегося кулачества [6; 7; 8, с. 56—63]. В зарубежной и в отечественной литературе новейшего времени, напротив, упор делается на определение социально-политической целесообразности столыпинских преобразований. Исследователи стали приходить к выводу, что реформы эти были призваны положить начало гражданственности в среде российского крестьянства [9—11]. В новейшей литературе возобладали позитивные оценки аграрного курса, направленного на приватизацию крестьянской надельной земли. Впрочем, в ряде серьезных работ сохраняются и пессимистические оценки возможностей новой аграрной политики. Среди них выделяется основательный труд английской исследовательницы Дж. Пэллот, которая увидела в столыпинских начинаниях очередную административную утопию, едва ли способную обеспечить скорый прогресс русского сельского хозяйства. Автор не раз отмечала сопротивление крестьян попыткам реформировать общину. Гораздо меньше внимания она уделяет тем крестьянам, которые проявили большую заинтересованность в успехе той же реформы [12; 13, с. 187].

Между тем у данной проблематики есть еще один важный и при этом вполне самостоятельный аспект. Речь идет о выяснении сугубо хозяйственной результативности политики, основанной на постепенном сокращении общинного надельного землевладения. Как повлиял переход части крестьянства к индивидуальному хозяйствованию и приватизации земельных угодий на развитие культуры и на состояние аграрного сектора экономики? Японский исследователь Кимитака Мацузато справедливо подчеркнул, что без анализа этой стороны реформ нельзя всерьез воспринимать категорические суждения о крахе или, напротив, полном успехе правительственных начинаний того времени [14, с. 196]. Материалы, раскрывающие ход преобразований в Воронежской губернии, дают неплохие возможности для объективного анализа развернувшейся перестройки русской деревенской жизни.

Прежде всего, местные источники свидетельствуют о безусловной и неотложной необходимости в реформах. Спустя четыре десяти-

тилетия после отмены крепостного права социально-экономическое положение воронежского крестьянства отличалось крайней противоречивостью. Земледелие и животноводство в губернии вступили в полосу острого затяжного кризиса, о хроническом характере которого свидетельствовало широкое распространение в публицистике того времени термина «оскудение». Под этим звучным словом понималось депрессивное состояние экономики как помещичьих, так и крестьянских хозяйств. Крестьянство губернии периодически голодало, а воронежское дворянство в пореформенные годы неуклонно теряло свою земельную собственность. Выйти из такого печального положения без глубоких структурных преобразований и чрезвычайных усилий всего общества было невозможно.

Причин у аграрного кризиса (или оскудения) было много. В пореформенные десятилетия выяснилось, что возможности для продолжения экстенсивного сельского хозяйства в губернии исчерпаны. Всю вторую половину XIX и первые полтора десятилетия XX в. в черноземных губерниях наблюдался исключительно быстрый рост численности сельского населения. Однако свободного резерва еще не возделанных земельных площадей к тому времени не осталось. Если в 1862 г. в Воронежской губ. проживало около 1,9 млн чел., то в 1897 г. — уже около 2,5 млн, в 1905 г. — около 3,2 млн, а в 1914 г. — примерно 3,7 млн. Произошло значительное сокращение душевого земельного надела: примерно с 4,8 дес. в 1861 г. до 2,6 дес. в 1905 г. В среде самого крестьянства, а также в кругах оппозиционной интеллигенции все более настойчивый характер стали приобретать разговоры о крестьянском малоземелье как главной причине материальных затруднений народа. В кругах радикальной оппозиции широко распространилось убеждение, что существует простое решение проблемы: следует увеличить размеры крестьянского землепользования. Сделать это виделось возможным только путем принудительного перераспределения земельной собственности.

Однако вдумчивые наблюдатели уже в те годы хорошо понимали, что простого решения в данном случае нет. Корень проблемы они видели не в малоземелье (с просторами Воронежской губернии это понятие сочеталось плохо), а в росте избыточного сельского населения — так называемом аграрном перенаселении региона. Доля сельского населения в губернии в начале XX в. доходила до 95 %, а вся удобная земля давно была распахана. По подсчетам некоторых специалистов, для обработки угодий в черноземных губерниях впол-

не могло хватить 35 % имевшейся рабочей силы, следовательно, 65 % трудоспособных крестьян в деревне могли считаться относительно «лишними» [15, с. 115]. Такие расчеты нуждаются в уточнении, но факт оставался фактом: относительная перенаселенность воронежской деревни возрастала с каждым годом.

Известный земский статистик Ф. А. Щербина, внимательно наблюдавший за жизнью воронежской деревни конца XIX в., отметил абсолютную неизбежность коренных перемен. «Когда же количество жителей, — писал он, — настолько увеличится, что земледельческих продуктов окажется мало для него и под руками не бывает свободных земель, тогда для населения предстоит обыкновенно тройкий исход — или усилить производительность той же площади земли, то есть повести более интенсивное хозяйство, или выселить приросший избыток жителей на сторону, или же изыскать, наконец, иные, помимо земледелия, материальные источники» [16, с. 244].

Второй и третий способы использовать было и проще, и привычней, первый, напротив, был наиболее труден, а для воронежского крестьянства попросту недоступен. Переходу к интенсивному хозяйствованию мешало слишком многое: и низкий культурный уровень деревни, и традиции уравнительного землепользования, и отсутствие устойчивого спроса на крестьянскую продукцию. На протяжении веков задачей общины было обеспечение материальных условий собственного крестьянского существования, в условия рыночного обмена она вписывалась плохо. Не внушали больших надежд и выселения. Прираставший избыток жителей начал понемногу уходить из губернии уже в первые пореформенные десятилетия. Однако масштабы выхода до начала XX в. оставались относительно невысокими и заметного влияния на сокращение аграрного перенаселения не оказывали [17, с. 9—10].

Более существенное значение имел поиск неземледельческих источников материального существования. Рост промышленности, развитие новых путей сообщения и городской жизни открывали неизвестные прежде перспективы. Все более значительная часть крестьянства перестала воспринимать обезземеливание как полную жизненную трагедию, находились иные, нередко гораздо более прибыльные, чем обработка земли, занятия. По сведениям переписи 1897 г., в Воронежской губернии было зафиксировано около 50 разных видов домашних кустарных промыслов, в которых было занято около 40 тыс. работников с годовым общим заработком в 3 млн руб.

[18, с. 238]. Например, тысячи крестьян, в том числе безземельных, с успехом занимались сапожным промыслом в слободе Бутурлиновке. Уже через 20 лет после отмены крепостного права объемы производства сапог достигали здесь внушительной цифры в 1 млн пар ежегодно. Средняя цена за пару сапог составляла тогда 3—3,5 руб. Семья, в которой шил сапоги один мастер с помощником, зарабатывала в год около 250 руб. [19, с. 75]. Это был вполне приличный доход, если иметь в виду, что сумма годовых денежных повинностей (государственных, земских и мирских) средней крестьянской семьи составляла около 30 руб., а, скажем, пуд говядины на городском рынке стоил около 3 руб., пуд ржи — около 80 коп. Примерно такие же заработки могли иметь и плотничьи артели, в состав которых входили сотни крестьян Нижнедевицкого уезда. «Зарабатываемые деньги, — отмечал современник, — идут на уплату податей, на наем земли под посев и на домашние нужды; а часть денег (от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{3}$ получаемого заработка) пропивается» [20, с. 100]. Конечно, такие семьи продолжали заниматься и земледелием, но удельный вес привычного крестьянского труда в них заметно снижался.

Под прессом земельной тесноты десятки тысяч воронежских крестьян начали систематически прибегать к отхожим промыслам. На заработки отправлялись целыми артелями, преимущественно в многоземельные казачьи станицы Дона, Кубани и Ставрополя. В хорошие годы сезонные заработки там заметно превосходили денежные доходы среднего крестьянина, остававшегося трудиться на своем наделе в родной губернии.

Новые виды заработка самым серьезным образом сказались на быте и социальной психологии воронежской деревни. Быстро расширялись контакты крестьянства с окружающим миром, а дополнительные ресурсы давали возможность хотя бы частично удовлетворять новые потребности. Наблюдатели отмечали, что в селах с большой долей отходников в лучшую сторону менялся облик зданий, шире распространялась грамотность, выше становились материальные запросы крестьянства. По данным Б.Н. Миронова, обострявшееся малоземелье не помешало русскому крестьянству в конце XIX в. весьма существенно увеличить потребление продуктов питания, особенно ржи и картофеля (в 1913 г. на 37% больше, чем в 1890 г.) [21, с. 466—467].

Итак, значительная часть крестьян губернии находила новые источники пополнения жизненных средств. Но при этом социальная

мобильность резко возрастала, что быстро расшатывало все привычные устои крестьянского общества. Крестьянство становилось гораздо более требовательным, а его недовольство начинало проявляться с большой силой. «Теперь, иронизируют крестьяне, в светлой хате сын хватит по уху отца, а прежде этого не бывало», — подмечал все тот же Ф. А. Щербина [16, с. 414—415].

Возраставшая избыточность аграрного населения подрывала традиционную статичность крестьянской жизни. Но все же большинство воронежских крестьян пыталось восполнить дефицит земельных ресурсов привычными методами народной экспансии. Во второй половине XIX в. велась интенсивная распашка выгонов, лесных угодий, лугов, сенокосов. За три десятка лет после отмены крепостного права пашня в Воронежской губернии увеличилась почти на 400 тыс. десятин, или на 10%, население же выросло за эти годы почти на 40%. Размеры распаханых угодий стали превышать все разумные пределы. В результате положение земледельцев только ухудшилось. Сильное сокращение лесных и пойменных ресурсов обернулось ухудшением экологической обстановки. Земледельцы, отмечал в 1893 г. Ф. А. Щербина, «всюду почти в один голос показывали, что урожаи за последние годы понизились, что земля ухудшилась, что степей и лугов стало несоразмерно с другими угодьями меньше, что леса подверглись сильным истреблениям под влиянием непомерных запашек, что погода изменилась к худшему: ветра стали дуть чаще и порывистее, дожди выпадали внезапно, в виде разрушительных ливней на небольших пространствах, а не тихих обложных дождей, как это было в старину, обильные мокрые туманы перестали появляться, а наоборот участились сухие туманы, мгла, реки обмелели и засорились и т. п.» [22, с. 7—8]. Отчасти такие жалобы можно объяснить традиционными для обыденного сознания представлениями о том, что в прежние годы природа и люди выглядели лучше. Тем не менее зафиксированный Щербиной факт сугубо потребительского отношения к природе сомнений ни у кого не вызывал и объяснялся чрезмерным давлением экстенсивных методов хозяйствования на среду обитания.

Аграрное перенаселение было тесно связано с сохранением в воронежской деревне общинных принципов землепользования. Коллективное владение земельными угодьями к концу XIX в. полностью подтвердило опасения тех реформаторов, которые еще во время подготовки крестьянского освобождения предсказывали грядущую уг-

розу хозяйственному прогрессу в русской деревне. Конечно, вспоминал один из местных администраторов той поры, нашим «самобытникам» дороги круговая порука и коллективная земельная собственность с возможностью уравнительного передела. Но община поглощала личное право и личную ответственность крестьянина, при этом «общинное владение влечет за собой неизбежно, по-видимому, полный застой в хозяйственной культуре: ни травосеяния, ни хорошего выгона, ни правильного унавоживания — никакого улучшения община не допускает» [23, с. 23]. Общинный строй был неразрывно связан с господством патриархальных отношений и в семейно-бытовой сфере. «Нигде, — отмечал тот же очевидец, — вы не увидите такого царства насилия, как в крестьянской семье, и это некоторыми называется патриархальным бытом. Все это работает до изнеможения, пьет иногда до беспамятства, ест впроголодь» [23, с. 10]. Община могла относительно устойчиво функционировать только при наличии земельного простора, позволявшего использовать трехпольную систему возделывания пашни, исчерпанность же земельных ресурсов неизбежно делала общину все более агрессивной, причем главным образом по отношению к частной собственности и к личной инициативе. Революционные потрясения начала XX в. наглядно продемонстрировали, какой грозный потенциал социального взрыва таится в русской поземельной общине.

Открытый указом 9 ноября 1906 г. и другими мероприятиями столыпинского правительства курс на индивидуализацию крестьянской земельной собственности должен был положить конец господству общины, открыть простор хозяйственной самостоятельности в деревне, ускорить переход к интенсивным формам земледелия на основе достижений современной агрикультуры и использования современной техники. В.И. Гурко, один из отцов новой аграрной политики, имел все основания утверждать, что община «принуждает своих членов равняться не по уровню знаний и предприимчивости наиболее развитых и энергичных своих членов, а, наоборот, поневоле остается в области земледелия на уровне наименее знающих и несмышленных» [24, с. 160].

В Воронежской губернии нашлось немало энтузиастов новой политики. Перестройкой аграрных отношений энергично занимались члены землеустроительных комиссий, местная администрация, земские учреждения [25, с. 89]. Широкою просветительскую работу в деревне развернули десятки правительственных и земских инспекто-

ров, агрономов, ветеринаров и других специалистов сельского хозяйства. Новое дело продвигалось с большим трудом. «Крестьяне, — замечал Щербина, — в большинстве своем даже не могут представить себе, чтобы общинное землевладение могло быть заменено иною формою владения и пользования. По крайней мере, на поставленный исследователями вопрос о том, не желает ли общество, или нет ли в нем отдельных лиц, желающих перейти к подворному землевладению, крестьяне отвечали в большинстве случаев не только отрицательно, но и с явным недоумением» [16, с. 147]. Многовековые привычки сломать было очень нелегко. Община была хорошо знакома, агрономы же звали к неизведанной жизни.

И все-таки реформы продвигались вперед. Как и предполагали организаторы преобразований, некоторые крестьяне молодых и средних возрастов (от 20 до 30% домохозяев) психологически были готовы перейти к новым принципам экономической жизни. Сторонники новой политики, безусловно, учитывали возросшую к началу XX в. мобильность сельского населения и крепнувшее желание предприимчивых крестьян освободиться от оков общинной регламентации. Социальные последствия преобразований заслуживают отдельного исследования. Здесь же стоит отметить, что из 400 тыс. крестьянских дворов Воронежской губернии хозяева примерно 135 тыс. изъявили к 1915 г. желание выйти из общины и закрепить причитающиеся наделы в собственность [26, с. 113—114]. Еще несколько десятков тысяч домохозяев, живших в общинах, в которых не было коренных переделов земли со времени отмены крепостного права, были по закону 1911 г. объявлены наследственными владельцами находившихся в их распоряжении наделов земли. Таким образом, не менее половины всех крестьянских хозяйств губернии к началу Первой мировой войны втянулись в процесс нового землеустройства.

Говоря о хозяйственных результатах развернувшегося реформирования, не забудем, что перестройка аграрных отношений в губернии (как и в России в целом) только начиналась. По расчетам правительства, индивидуализация крестьянской собственности должна была в основном завершиться к середине 1930-х гг., поэтому разговоры о полном успехе или, наоборот, о крахе реформ в данном случае представляются преждевременными и некорректными. Тем не менее анализ экономических показателей жизни воронежской деревни в условиях развернувшихся реформ мог обнадежить сторонников мирного обновления народной жизни.

Прежде всего выяснилось, что перешедшие к индивидуальному землевладению крестьяне стали гораздо внимательнее относиться к пропаганде культурных и рациональных приемов обработки почвы. Если общинники, как правило, с недоверием воспринимали советы неожиданно появившихся в деревне агрономов и предпочитали держаться традиционной сохи и трехполья, то самостоятельные хозяева проявляли живой интерес к экономическим новшествам. Все чаще становились известными случаи успешного применения в хозяйствах специальных знаний. Так, в с. Попасном Богучарского уезда земский агроном устроил показательное поле на земле одного из крестьян, недавно покинувших общину. На второй же год это поле по сравнению с соседними дало доход в 1,5 раза больше. «Это получилось от того, — сообщали специалисты, — что агроном научил хозяина этого поля правильно разрабатывать и засеивать землю, правильно распределять на ней растения (ввел четырехпольный севооборот) и завел травы на пару и в отдельном клину». Успех показательного поля вдохновил еще около 40 хозяев перейти к усовершенствованной агротехнике. И если в этом селе обычный годовой доход общинника от земледелия составлял около 300 руб., то у «новаторов» он достигал 450 руб. [27, с. 2—3].

Курс на рационализацию сельской экономики наносил удар по традиционным представлениям крестьян о способах и приемах землепользования. Под влиянием упорной просветительской работы специалистов-агров, в том числе ознакомительных поездок групп крестьян в районы с культурным интенсивным хозяйством, воронежские крестьяне начинали постигать выгоды просвещенного труда. Как это ни удивительно, но лишь в начале XX в. воронежский крестьянин обнаружил, что не только слепые силы природы, но и его собственные усилия способны повлиять на хозяйственные итоги года. Присущие русскому крестьянину фатализм и упование на волю Божию начинали уступать у вышедших из общины «единоличников» место трезвому расчету и экономическому анализу. В том же Богучарском уезде некоторые крестьяне с. Талы воспользовались указом 9 ноября 1906 г., вышли из общины и перешли на хутора и отруба. Один из «новаторов» сообщал, что свой надел в 6 дес. он распределил следующим образом: полторы дес. отвел под озимую рожь, а остальные 4,5 выделил под зябь и вспахал осенью. В конце того же 1913 г. он пошел на курсы агронома М.М. Богословского, на которых, по его словам, понял, что жить по старинке больше нельзя, «по-

тому что мы своим неразумным чередованием растений на полях сеем хлеб по хлебу, и засоряем и истощаем землю, вследствие чего и получаются такие низкие урожаи хлебов, да еще наполовину с семенами сорных трав, главным образом с семенами овсюга» [28, с. 23].

Агроном заложил на наделе этого крестьянина опытное поле и с весны 1914 г. ввел 4 клина: с паром, озимой рожью, пропашными и яровыми. Причем пар был двух видов: занятой, на котором была посеяна вика с ячменем на сено, и черный. Все лето пар поддерживался в чистоте, часть занятого была удобрена навозом. В дальнейшем все операции, включая лущение, боронование, отбор семян и т. п., крестьянин проводил по советам агронома. В итоге сельскохозяйственный год был завершен с хорошими результатами, которых не было и не могло быть у соседей-общинников с их традиционным трехпольем. «Поэтому, — заключал крестьянин-новатор, — мой совет отрубщикам и хуторянам, если они еще хозяйствуют по старинке, переходить скорее к четырехполью, и они получают благие результаты» [28, с. 24].

С появлением все более заметного слоя крестьян, принявших новые условия землепользования, в губернии, естественно, возрастал сектор частного землевладения. Причем быстро увеличивалось именно крестьянское частное землевладение, поскольку дворянство по-прежнему неуклонно сокращало размеры своих имений. Такое сосредоточие земельных угодий в руках крестьянина-частника сопровождалось все более устойчивым ростом сельскохозяйственного производства. О существенных сдвигах в экономических показателях аграрного сектора губернии можно судить, если сопоставить данные статистики за 1907 и 1915 гг., погодные условия которых резко не отличались.

Сбор всех хлебов в 1907 г. в губернии составил около 76 млн пудов, при этом около 50,5 млн пудов было собрано на крестьянских наделах. Если учесть, что на посев 1908 г. крестьяне отводили около 11 млн пудов зерна, то на собственные нужды у них оставалось около 39 млн пудов, что давало 13,8 пуда продовольственного зерна на человека. Кроме того, крестьяне располагали в 1907 г. 20,5 млн пудов картофеля (по 7,2 пуда на человека) [29, с. 11]. Надо учесть, что продовольственная норма на едока в год составляла, по данным земских статистиков, примерно 20 пуд. в год (хлеба и картофеля). Таким образом, можно констатировать, что, по сути, весь собранный в

1907 г. урожай должен был уйти на собственное потребление крестьян-общинников. Ради этого и существовала община. Основную же массу товарного хлеба давали частновладельческие хозяйства.

Конечно, крестьяне тоже должны были осенью взять часть урожая на продажу; надо было платить налоги, ремонтировать износившуюся часть инвентаря, приобретать различные предметы потребления. Но при этом те же крестьяне весной становились самыми массовыми покупателями хлеба, поскольку действительных излишков у них не было. Все это свидетельствовало только об одном: рыночная конъюнктура не могла быть главным стимулом крестьянского общинного производства; смысл своего хозяйства общинник видел прежде всего в обеспечении своей семьи минимумом продовольственной и иной продукции. Общинное хозяйство никогда не было и не могло быть основой нормального рыночного обмена. Вот почему у современников не вызывал большого удивления тот факт, что буквально по всем культурам урожайность у частных землевладельцев в Воронежской губернии всегда была выше, чем у общинников, на 25—30%, а нередко и больше. В том же 1907 г. урожайность озимых у владельцев была сам 8,4, у крестьян-общинников — сам 5,4, яровых у владельцев — сам 5,7, у общинников — сам 3,6, картофеля у владельцев — сам 7,8, у общинников — сам 5,2 и т. д. [29, с. 12].

Конечно, аграрный курс Столыпина форсировал раскол в деревне. Ставка делалась на деятельные слои крестьянства. Вышедшие из общины крестьяне трудились с гораздо большей эффективностью. На этот факт обратил внимание воронежский помещик и видный государственный деятель С. И. Шидловский. «Появилось то, — вспоминал он, — чего я раньше допустить не мог и что было, в сущности, совершенно нормально. Крестьянские земли оказывались обработанными лучше, чем мои, и урожаи у них отнюдь не ниже, а выше моих». Улучшения распространялись по мере выхода из общины и дальше, «ни в чем только не затронувши надельные земли», общинники же, сетовал Шидловский, продолжали вести допотопное хозяйство. «Понятно, что, видя вокруг себя подобные явления, я не мог не прийти к заключению, что общинное распоряжение землею является самым крупным тормозом для улучшения земельной культуры, при каком мнении я и остаюсь до сего времени» [30, с. 36—37].

Дело, конечно, было не в элементарной косности общинников. Экономика крестьянской общины носила закрытый и самодостаточный характер. На протяжении веков община помогала крестьянам

выживать в суровой борьбе с природой и властями. Но, консервируя аграрную перенаселенность, та же община объективно не была заинтересована в производстве больших излишков сельскохозяйственной продукции. Если бы сотни тысяч крестьянских дворов Воронежской губернии вдруг резко повысили продуктивность своих полей, они тут же столкнулись бы с проблемой сбыта. Чрезмерные урожаи иногда оборачивались бедой, как ни парадоксально это звучит. Так было, например, в 1897 г., когда губернатор В.З. Коленко с тревогой сообщал правительству о катастрофическом падении цен на зерно из-за высокого урожая и отсутствия спроса. Малому населению городов столько продукции не требовалось. Община уверенно себя чувствовала лишь на среднем уровне достаточности. Большинство крестьян не было заинтересовано в высоких ценах на хлеб, напротив, они всегда учитывали, что им рано или поздно придется покупать его. Ситуация экономической безысходности порождала острое социальное беспокойство в деревне [31, с. 312].

Столыпинское реформирование было направлено на ликвидацию аграрной перенаселенности за счет целенаправленной поддержки хозяйственных инициатив крепких и трезвых крестьян-единоличников. Предполагалось, что промышленное и культурное развитие страны, развитие ее связей с внешним миром будут способствовать росту эффективности приватизированных крестьянских хозяйств. Известные основания для оптимистических прогнозов у сторонников реформ были. Несмотря на значительное отвлечение рабочей силы из-за мобилизаций (в Воронежской губернии в армию были призваны почти 400 тыс. молодых крестьян), в 1915 г. сельскохозяйственное производство выглядело гораздо перспективней, чем в 1907 г. Озимых хлебов было собрано более 63 млн пудов, яровых — 72 млн пудов, а всего, таким образом, 135 млн пудов, что почти на 50 млн пудов больше, чем в год начала реформ [32, с. 3]. Столь внушительное увеличение производства сопровождалось симптоматичными переменами в аграрных отношениях. Прежде всего ощутимый рост товарности зернового производства наблюдался в крестьянских хозяйствах. Крестьяне стали заметно расширять посевы озимой пшеницы — культуры более продуктивной, чем рожь, но и требующей более совершенной агротехники. Так, в 1913 г. крестьяне израсходовали на семена пшеницы 71,5 тыс. пудов, в 1914 г. — 81,7 тыс. пудов, а в 1915 г. — уже около 140,5 тыс. пудов. Таких подвижек при господстве общины не наблюдалось: для собственного продовольствия общинники сеяли исключительно рожь.

Очень важно отметить также, что общий рост производства сопровождался чувствительным сокращением помещичьего землевладения. Если в 1914 г. помещики заняли под озимые 223 тыс. дес., то в 1915 г. — всего чуть больше 100 тыс. дес. При этом озимые поля крестьян выросли на 125 тыс. дес. и достигли почти 770 тыс. дес., то есть почти в 8 раз больше, чем у помещиков [32, с. 6]. Примерно так же увеличивались крестьянские поля и под другими культурами.

На крестьянские хозяйства большее влияние стал оказывать рынок. Появление в губернии сахарных заводов привело к росту посевов сахарной свеклы, почти целиком отправлявшейся на продажу. В 1915 г. под сахарной свеклой в губернии было занято уже почти 20 тыс. дес. [32, с. 13]. Кроме того, все больше крестьян стали проявлять заинтересованность в выгодных для себя ценах на хлеб, поскольку его производство полностью покрывало потребности большинства семей. Можно, таким образом, констатировать, что сокращение удельного веса общинных хозяйств сопровождалось в губернии постепенным переходом к более эффективным методам хозяйствования. В деревне наметился поворот громадного исторического значения: впервые за многие века развитие земледелия начинало связываться не с экстенсивным его распространением, а с интенсификацией производства и подъемом культуры. У этого поворота были обнадеживавшие приметы: даже начавшаяся мировая война не нарушила поступательного роста крестьянской экономики. Как показывало время, затраты на сельское хозяйство довольно скоро приносили хорошие плоды. «Трехлетняя агрономическая деятельность, — с удовлетворением отмечалось в обзоре 1914 г., — не осталась без достаточных результатов: среди общей массы крестьян можно найти немало хозяев, которые завели уже улучшенные сельскохозяйственные орудия, породистый скот, разбили сады, применяют культурные способы обработки почвы и приемы по уходу за посевами и пр.; число таких крестьян с каждым годом увеличивается» [33, с. 3].

Еще раз подчеркнем, что позитивные результаты были достигнуты в первую очередь в хозяйствах крестьян, прошедших через новое землеустройство. Их опыт служил примером, поэтому даже в 1915 г. землеустроительные комиссии губернии получили 13 011 ходатайств от крестьян по образованию единоличных владений [34]. В немалой степени хозяйственным успехам отрубников содействовало развернувшееся в губернии массовое кооперативное движение. Кроме того, во время мировой войны именно крестьянство извлекло наибольшие

выгоды из введения в стране сухого закона. По многочисленным свидетельствам очевидцев, пьянство в деревнях Воронежской губернии с лета 1914 г. резко сократилось, а сохранившиеся средства крестьяне направляли на укрепление своих хозяйств. «Вследствие закрытия казенных винных лавок, — с удовольствием доносил Богучарский уездный исправник в октябре 1914 г., — все население трезво, усиленного разврата не замечалось и особо выдающихся каких-либо явлений, заслуживающих внимания, за истекший сентябрь месяц в Богучарском уезде не было» [4, ф. 6, оп. 2, д. 405, л. 33]. При этом крепкие и самостоятельные хозяева отнеслись к сухому закону с гораздо большим сочувствием, чем общинники, для которых совместные выпивки давно стали нормой [35, с. 245].

Однако до решительных сдвигов в сторону интенсивного сельского хозяйства в губернии было еще далеко. Большинство крестьян продолжало держаться общинных традиций. Надежды на улучшение своего положения оно по-прежнему связывало с перераспределением земельной собственности, в первую очередь с конфискацией земельных владений помещиков. Коренная реконструкция сельского хозяйства не могла быть совершена только за счет аграрных преобразований, и тем более ее нельзя было осуществить путем дополнительного наделения крестьян землей за счет более культурных частновладельческих хозяйств. Истоки аграрного кризиса Н. Л. Роголина справедливо объясняет не многоземельем помещиков, а слабым разделением труда и недоразвитой профессиональной дифференциацией [36, с. 19]. Стимулировать повышение эффективности должно было ускоренное развитие промышленности и путей сообщения, городской инфраструктуры и связанное с такими процессами радикальное изменение структуры общества. Мировая война и разразившийся на ее исходе вихрь революционных потрясений прервали нелегкое реформирование. При советской же власти проблема избыточного аграрного населения решалась специфическими методами административно-командного свойства.

Список источников и литературы

1. *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2010.
2. *Давыдов М. А.* Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX в. М., 2003.

3. *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003.
4. *Государственный архив* Воронежской области.
5. *Шингарев А. И.* Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений воронежского уезда. Саратов, 1901.
6. *Дубровский С. М.* Столыпинская земельная реформа. М., 1963.
7. *Сидельников С. М.* Аграрная политика самодержавия в эпоху империализма. М., 1980.
8. *Ковальченко И. Д.* Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность) // История СССР, 1991. №2.
9. *Фёдоров Б. Г.* Петр Столыпин: «Я верю в Россию»: в 2 т. СПб., 2002. Т. 1—2.
10. *Хотулев В. В.* Петр Столыпин: Трагедия России. М., 1998.
11. *Macey D.* Agricultural Reform and Political Change: the Case of Stolypin // Reforms in Modern Russian History: Progress or Cycle? Cambridge (Mass.), 1995.
12. *Pallot J.* Land Reform in Russia. 1906—1917. Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation. Oxford, 1999.
13. *Пэллот Дж.* Разрушила ли общину столыпинская реформа? // Отечественные записки. Журнал для медленного чтения. 2004. № 1.
14. *Мацузато К.* Столыпинская реформа и российская агротехнологическая революция // Отечественная история. 1992. №6.
15. *Иванов А. А.* Аграрное перенаселение в Центрально-Черноземном регионе России начала XX в. и его последствия // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России: матер. науч. конф. Липецк, 1998.
16. *Щербина Ф. А.* Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду. Воронеж, 1887.
17. *Небольсин А. Н.* Переселенческое движение крестьян из Воронежской губернии. Воронеж, 1928.
18. *Журналы* Воронежского губернского собрания очередной сессии 1913 г. Воронеж, 1914.
19. *Скиада М. М.* Производство крестьянских сапогов в слободе Бутурлиновке Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1878—79 гг. Воронеж, 1879.
20. *Воскресенский П. В.* Кустарные промыслы в Нижнедевицком уезде, имеющие характер отхожих промыслов // Памятная книжка Воронежской губернии на 1878—79 гг. Воронеж, 1879.
21. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб., 1999. Т. 1.
22. *Щербина Ф. А.* Хозяйственные нужды Воронежского края // Протокол заседания членов Воронежского отделения Императорского Московского общества сельского хозяйства. Воронеж, 1893.

23. Новиков А. И. Записки земского начальника. СПб., 1899.
24. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
25. Карпачёв М. Д. Воронежское земство и аграрные реформы начала XX века // Общественная жизнь Центрального Черноземья России в XVII — начале XX века. Воронеж, 2002.
26. Гульцев Н. Н. Столыпинская аграрная реформа в Воронежской губернии и ее крах : дис. ... канд. ист. наук. Л., 1952.
27. От кого зависит полезность агронома // Вестник Богучарского общества сельского хозяйства. 1915. № 5.
28. Письмо крестьянина-отрубщика // Вестник Богучарского общества сельского хозяйства. 1915. № 12—13.
29. Обзор Воронежской губернии за 1907 г. Воронеж, 1908.
30. Шидловский С. И. Воспоминания (1861—1922) : в 2 ч. Берлин, 1923. Ч. 1.
31. Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. Воронеж, 1999.
32. Обзор Воронежской губернии за 1915 г. Воронеж, 1916.
33. Обзор Воронежской губернии за 1914 год. Воронеж, 1915.
34. Постановления Воронежского губернского земского собрания по экономическим вопросам. Воронеж, 1916.
35. Астырев Н. М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1886.
36. Роголина Н. Л. Аграрный кризис в российской деревне начала XX века // Вопросы истории. 2004. № 7.

Реорганизация колхозов СССР после реформы 1958 года

В статье рассматриваются финансово-экономическое положение колхозов после реформы 1958 г., трудности в использовании сельскохозяйственной техники, приобретенной у государства, а также процесс укрупнения колхозов и их преобразование в совхозы.

The article discusses the financial and economic situation of collective farms after the 1958 reform, the difficulties in using agricultural machinery purchased from the state, as well as the process of consolidation of collective farms and their transformation into state farms.

Ключевые слова: аграрная политика Советского государства, колхозы, совхозы, ремонтно-технические станции.

Keywords: the agrarian policy of the Soviet state, collective farms, state farms, repair and technical stations.

В истории российской государственности важнейшим фактором развития стала ее способность отвечать на вызовы, определяющие внутреннюю стабильность и международную безопасность. Непременным условием построения универсальной системы государственной безопасности является органичность и сбалансированность ее элементов, значимость и приоритетность которых может иметь подвижный характер в зависимости от остроты политической, социально-экономической ситуации внутри страны и международной обстановки.

Убедительное подтверждение тому — новейшая история Отечества: неспособность правительства снять остроту социально-экономических проблем и обеспечить политическую стабильность общества на рубеже 1980—1990-х гг. привела к разрушению Советского государства. Среди нерешенных вопросов последнего периода истории Советской страны центральное место занимало обеспечение

населения продуктами питания. Решение проблемы продовольственной безопасности требует не только политической воли правительства и комплекса мероприятий административной поддержки развития агропромышленного комплекса, но и значительных материально-технических и финансовых ресурсов. Однако как раз материально-технических и финансовых ресурсов на развитие аграрной сферы руководство Советского государства выделяло недостаточно, расходовались они неэффективно и слабо стимулировали сельского труженика.

Во второй половине 1950-х гг. руководство страны во главе с Н. С. Хрущевым делает попытку придать импульс развитию сельского хозяйства путем проведения административных преобразований. В марте 1958 г. Верховный Совет СССР принял закон «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций», в соответствии с которым машинно-тракторные станции (МТС) реорганизовывались в ремонтно-технические станции (РТС). При этом тракторы, сельскохозяйственные машины и орудия, принадлежавшие МТС, равно как и вновь производимые промышленностью, подлежали свободной продаже колхозам за наличный расчет или с привлечением кредитных средств [1].

Таким образом, тракторы, сельскохозяйственные машины и почвообрабатывающие орудия переходили в собственность колхозов, которые теперь должны были решать сложные задачи по организации использования техники и поддержания ее в рабочем состоянии. Своей производственной инфраструктуры по техническому обслуживанию и ремонту сельскохозяйственных машин и орудий колхозы не имели, именно для выполнения этой задачи создавались ремонтно-технические станции.

В партийно-правительственном постановлении «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» от 18 апреля 1958 г. основное внимание уделялось выстраиванию новой производственной инфраструктуры колхозов в изменившихся условиях. Формируемые РТС наследовали от своих предшественников МТС многие функции. Они должны были осуществлять ремонт тракторов, сельскохозяйственных машин и орудий, принадлежащих колхозам. В дополнение на РТС возлагались обязанности по обслуживанию и ремонту техники совхозов и других сельскохозяйственных предприятий и организаций. Разработчики аграрной реформы 1958 г. прописали в законе ответственность РТС

за оказание колхозам помощи при использовании машинно-тракторного парка, проведении мелиоративных, ирригационных, планировочных и дорожных работ, выполнении работ по механизации и электрификации трудоемких процессов в животноводстве, перевозке грузов, организации материально-технического снабжения и многое другое.

В основных земледельческих районах страны реорганизация МТС была осуществлена в 1958—1959 гг. Так, к примеру, в Алтайском крае уже к 1 октября 1958 г. машины приобрели 87% колхозов [2, с. 27]. К началу 1960-х гг. МТС в стране не осталось вовсе. На первый взгляд, произошли «фасадные» изменения: на конторских зданиях появились новые вывески, но при этом сохранились руководящие кадры, инженерно-технические специалисты, рабочие-ремонтники, водители, обслуживающий персонал. В действительности это была радикальная аграрная реформа, выволившая взаимоотношения колхозов и РТС на качественно иной в сравнении с МТС уровень. Самая существенная новация реформы заключалась в том, что РТС больше не являлись центральным звеном производственной системы, в которой колхозы были структурными элементами. Деятельность ремонтно-технических станций должна была осуществляться на основе хозяйственного расчета, а ответственность за урожай полностью ложилась на колхозы.

В предшествующий период деятельность колхозов находилась в рамках производственной системы «МТС — колхозы», в которой системообразующей структурой выступали государственные машинно-тракторные станции, определявшие весь порядок сельскохозяйственных работ — от планирования до уборки урожая и выполнения плана хлебозаготовок [3]. Теперь ситуация менялась в корне: колхозы освобождались от опеки МТС и должны были хозяйствовать самостоятельно. Следует обратить особое внимание на тот факт, что реализация реформы носила единовременный характер. Во-первых, не предусматривался подготовительный переходный период, во-вторых, она не была растянута во времени. Идеологи реформы надеялись на эффект стимулирования роста аграрного производства благодаря соединению сельхозпроизводителя со средствами производства.

В результате проведения реформы 1958 г. радикально менялась жизнь колхозной деревни. Теперь ответственность за проведение всего комплекса сельскохозяйственных работ полностью возлагалась на колхозы. В то же время в партийно-правительственных документах присутствуют и тревожные нотки по поводу внедрения реформы.

Речь идет о возрастании роли и ответственности местных партийных и советских организаций в руководстве сельским хозяйством. В связи с этим были внесены изменения в структуру исполкомов районных Советов депутатов трудящихся. В их составе создавались районные инспекции по сельскому хозяйству. Начальник районной инспекции наделялся высоким статусом заместителя председателя райисполкома [1].

На районные инспекции возлагались задачи пропаганды и внедрения передового опыта и научных достижений в сельскохозяйственное производство, организации семеноводства и племенного дела, землеустройства и государственного учета земель, ветеринарной службы, надзора за проведением мероприятий по борьбе с вредителями и болезнями растений, оказания помощи колхозам в налаживании бухгалтерского учета и отчетности [1].

В условиях новой экономической реальности рубежа 1950—1960-х гг. колхозам приходилось перестраивать свою работу. Многие вопросы, находившиеся ранее в зоне взаимной с МТС ответственности, теперь надо было решать самостоятельно. Первое место среди них занимала проблема реализации всего комплекса задач по эффективному использованию приобретенной сельскохозяйственной техники. Она включала в себя вопросы не только технические — обеспечение бесперебойной работы машин и орудий (их обслуживание, профилактика и ремонт, доставка и хранение горюче-смазочных материалов), но и социальные — организация и оплата труда механизаторов, их питание, отдых и т. д.

Следует обратить внимание на тот факт, что даже в условиях деятельности государственных сельскохозяйственных предприятий, какими являлись МТС, проблема механизаторских кадров не была окончательно решена, а теперь она еще более обострилась. Далеко не все механизаторы МТС согласились перейти на работу в колхозы. В информационной записке, подготовленной к заседанию бюро Липецкого обкома КПСС, показана степень обеспеченности колхозов трактористами и комбайнерами. Так, на начало 1960 г. в колхозах области требовалось 4265 трактористов и 2034 комбайнера, а имелось соответственно 3785 и 1684, то есть для полного укомплектования механизаторами в хозяйствах недоставало 480 трактористов и 356 комбайнеров [4, ф. 34, оп. 11, д. 150, л. 13]. В последующие годы положение с механизаторскими кадрами в колхозах только усугубилось: в 1963 г. нехватка составляла уже 1732 тракториста [4, ф. 170, оп. 1, д. 40, л. 78].

Особенно трудным для колхозов был первый год работы в новых экономических условиях. Убедительное подтверждение тому — материалы сессии Елецкого районного Совета депутатов трудящихся Липецкой области от 24 октября 1958 г., где рассматривался вопрос «об эксплуатации, техническом уходе и хранении техники в колхозах». Материалы сессии являются очень содержательным источником, отражающим начало реализации аграрной реформы 1958 г. на местах, ее противоречия и трудности, с которыми сталкивались власть и колхозы при выстраивании новой модели производственных отношений в сельском хозяйстве.

В докладе директора районной РТС депутата Губанова акцент делался, конечно же, на позитивном эффекте реформы 1958 г. как «составной части коммунистического строительства». В Елецком районе 20 колхозов из 21 купили государственную технику на сумму более 8 млн руб. В руки колхозов перешли 209 тракторов, 139 комбайнов, 221 сеялка, 203 культиватора, 250 плугов и много другой техники. Весенний сев, уход за пропашными культурами, уборка урожая, как отмечал оратор, были проведены в более сжатые сроки. Многие колхозные механизаторы, получив технику, отнеслись к ней по-хозяйски. В целом по району колхозам удалось снизить себестоимость тракторных работ. В 1958 г. себестоимость одного гектара мягкой пахоты составила 25 руб., тогда как годом ранее при работе МТС — 28 руб. В результате колхозы сэкономили на каждом гектаре мягкой пахоты 3 руб., а всего по району — 600 тыс. руб. [5, л. 186].

Директор РТС Губанов, выразив положительное отношение к правительственной реформе 1958 г., вместе с тем указал на большие трудности в работе колхозов в новых условиях, деликатно назвав их «неисчерпаемыми резервами роста производительности труда и снижения себестоимости тракторных работ». «Резервов» действительно было очень много. В колхозах «Новый мир», «12-й Октябрь», имени Максима Горького простаивали не только вышедшие из строя, но и пригодные к работе трактора. В колхозах не смогли организовать двухсменную работу механизаторов, обеспечить тракторные бригады прицепщиками, а в некоторых случаях машины простаивали из-за нехватки трактористов. В колхозе «12-й Октябрь» все тракторы во время подъема зяби работали только в одну смену, потому что во вторую смену на них было «некого сажать» [5, л. 173, 178].

В докладе приводились факты нехозяйского отношения к технике: «Тракторист Крюков из колхоза “12-й Октябрь” перевернул один

трактор, ему дали другой. А первый трактор стоит. Работает на пахоте этот Крюков в одну смену, выезжает в поле в 10—11 часов утра». Механизаторы, перешедшие из МТС в колхозы, к большому недоумению их председателей не стали образцом дисциплины и порядка. Более того, своей апатией они заражали других колхозников. «Плохо у нас дело с трудовой дисциплиной механизаторов, — сокрушался председатель колхоза «Победа» Скворцов. — В МТС они регулярно выходили на работу, а у нас в колхозе они по два-три дня не выходят. Есть старые механизаторы, хорошо работавшие в МТС десятки лет, но теперь в колхозе проявляют недисциплинированность, есть, конечно, и хорошие товарищи, но и хороших стягивают в болото...» [5, л. 173].

Перемена отношения механизаторов к работе при переходе в колхоз объяснялась изменением формы оплаты труда. В МТС механизаторы привыкли получать зарплату регулярно, а по итогам года им причиталась дополнительная оплата от колхозов натурой и деньгами. В колхозах же сложилась практика оплаты трудней по итогам хозяйственного года, лишь немногие из них могли оплачивать труд трактористов ежемесячно. Бригадир тракторной бригады колхоза «Искра» депутат райсовета Пешехонов открыто выразил недовольство товарищей: «Плохо производится оплата труда механизаторов, наш колхоз задолжал уже за полтора месяца...» [Там же].

Большим подспорьем для семьи колхозника было личное подсобное хозяйство. Обыденным явлением в колхозах становились случаи, когда механизаторы оставляли работу в поле и отвлекались на домашние дела. Один из таких фактов приводит на сессии райсовета в своем выступлении депутат Губанов: «В колхозе “12-й Октябрь” стадо домашних коров пасли по очереди. Когда подошла очередь тракториста, работавшего на сволакивании соломы, он бросил трактор и пошел пасти коров» [5, л. 186].

В нищих колхозах на механизаторов смотрели с некоторой завистью еще со времен МТС: мол, работают за деньги, да еще и хлеб получают. Даже после реорганизации МТС подобные настроения сохранились. Колхозники считали работу механизаторов легкой и хорошо оплачиваемой, не связывали ее с более высокой производительностью труда. Председатель Елецкого райисполкома Скорик потребовал побороть такие настроения: «Почему у нас неправильно смотрят на механизаторов? Раньше мы кивали на МТС, и сейчас та-

кое же отношение. Тракторист просит соломы — не дают. Никакой заинтересованности трактористам не создают. А если уйдут трактористы из колхоза, что тогда будет делать колхоз?» [5, л. 178].

Организация проведения тракторных работ в колхозах оставляла желать лучшего. Так, в колхозе «12-й Октябрь» трактора на вспашке зяби оказались «разбросанными по всем полям, а не сконцентрированы в одном месте», что создавало трудности в обеспечении их работы всем необходимым и осуществлении за ними контроля. А главное — «при такой организации зябь трудно вспахать». Колхоз не обеспечивал механизаторов горячим питанием, в итоге трактористы ездили обедать домой на тракторах за 5 км. Экономия на питании механизаторов «выходила боком», происходил огромный перерасход горючего. Аналогичная ситуация наблюдалась не только в указанном колхозе. В колхозе «Новый мир», как отмечалось на сессии Елецкого районного Совета депутатов трудящихся, «совершенно отсутствует организация тракторных работ: трактористы приходят на работу к 10 часам утра, на стане воды нет, приносят воду для заправки из пруда за 300 м» [5, л. 186, 188].

Плохая организация работы тракторных бригад приводила к тому, что механизаторы использовали тяжелые машины в качестве средств передвижения (поездки на обед, заправки и т. п.). В результате только в одном 1958 г. перерасход горючего по колхозам района составил порядка 100 т: по образному выражению председателя райисполкома Скорика — «горючее льется рекой». Вина за это возлагалась на руководителей колхозов, не сумевших правильно организовать дело [5, л. 178].

Следствием недостатков в организации труда механизаторов стал рост аварийности. Мероприятия по технике безопасности во многих колхозах совершенно не проводились. На момент проверки в колхозах «Путь Ленина», «Путь к коммунизму», «Путь Ильича» не смогли обнаружить журналы по проведению инструктажа по технике безопасности. Директор районной РТС Губанов требовал навести элементарный порядок и запретить работу на тех тракторах и машинах, которые не удовлетворяли требованиям безопасности, «не допускать к работе лиц в нетрезвом состоянии и больных» [5, л. 178].

Залогом успешной работы машинно-тракторного парка был своевременный и правильный технический уход. В одних колхозах сумели наладить грамотное обслуживание и эксплуатацию техники, в других махнули рукой на это дело и тракторы работали от поломки

до поломки. В колхозах имени Максима Горького, «Новый мир», имени Ленина, «Оборона» профилактический уход за машинами не проводился, его график не составлялся, время пересменки не было определено: машина просто заправлялась горючим — и в работу [5, л. 178].

На сессии райсовета подобное положение было названо «нетерпимым». Для выправления ситуации предлагалось во всех колхозах «установить распорядок дня, определить время пересмены, пересмену производить только в присутствии бригадира». Бригадирам тракторных бригад надлежало установить график технических уходов, строго следить за его исполнением. Категорически запрещалась эксплуатация машин без проведения технического ухода [5, л. 189].

В докладе депутата Губанова речь шла об элементарных нормах организации тракторных работ и эксплуатации машинно-тракторного парка в колхозах. Губанов, прежде работавший директором МТС, по сути, говорил о том, что культура эксплуатации машинно-тракторного парка в сельском хозяйстве в результате проведения реформы 1958 г. упала. При этом было бы неправильным всю вину за создавшееся положение возлагать на руководство колхозов, потому что в одночасье на них обрушилось большое количество непривычных проблем, с которым было невозможно справиться.

Огромные убытки приносили колхозам неправильное хранение горюче-смазочных материалов и отсутствие порядка при заправке машин. Приводимые примеры из жизни колхозов Елецкого района свидетельствуют о полном отсутствии понимания технической культуры: в колхозах имени Максима Горького и «Оборона» «нефтетара разбросана по территории бригадного стана, цистерны не окрашены, сверху не закрываются, дождевая вода попадает в топливо. Заправка производилась без насоса, вручную, через нижний кран. В результате в топливный бак трактора попадает горючее не отстоявшееся, часто с водой, и топливная аппаратура выходит из строя». По этим причинам в Елецкой РТС за неполный 1958 г. запчастей на ремонт топливной аппаратуры было израсходовано в два раза больше, чем за весь предшествующий год. Парадокс состоял еще и в том, что на складах РТС имелись заправочные насосы с фильтрами, но руководители колхозов не приобретали их для нужд тракторных бригад, обосновывая это отсутствием «лишних денег», и к тому же не всегда понимали смысл такой покупки [5, л. 189].

Между тем самая дорогая часть дизельного мотора — это топливная аппаратура, прежде всего топливный насос высокого давле-

ния и форсунки. Они чаще всего выходили из строя по причине сорных примесей и воды, попадавших в солярку. Руководство колхозов во всех бедах винило РТС за рвачество и некачественный ремонт. «РТС некачественно проводит ремонт, — негодовал бригадир тракторного отряда колхоза «Искра» Пешехонов, — никакого контроля над топливными насосами, возим по десять раз» [5, л. 173].

На «дизеля» жаловался и председатель колхоза имени Максима Горького Борзых: «...весенне-посевную провели, а во время уборки начали выходить из строя дизеля. Механизаторы у нас хорошие, работают от души, но механика никуда не годится, один дизель работает, 3—4 стоят» [5, л. 175]. Вопрос работы топливной аппаратуры затрагивал в своем выступлении и заведующий Хитровским отделением РТС Швырев.

Разработчики реформы 1958 г. предполагали возникновение трудностей у колхозов при эксплуатации приобретенной у государства сельхозтехники. Для оказания помощи колхозам при РТС создавалась служба государственного технического надзора за состоянием машинно-тракторного парка. В Елецкой РТС такая служба имелась. В ее штате находились старший инженер по гостехнадзору и инспекторы. Однако работа службы гостехнадзора РТС оказалась малоэффективной. Инспекторы по гостехнадзору посещали тракторные бригады колхозов, осматривали станы, находили недостатки и делали замечания: «машины не очищены от грязи», «на агрегате не стоит предохранительный кожух» и т. п. По итогам проверки составлялись акты, после чего инспектор считал свою работу выполненной и уезжал из колхоза [5, л. 173].

Бригадир тракторных бригад и механизаторы находили множество причин, чтобы не выполнять предписания инспекторов. Служба гостехнадзора и тракторные бригады колхозов действовали обособленно в том плане, что не были экономически объединены и стимулированы ответственностью за качество выполнения сельскохозяйственных работ, да и сами проверки носили формальный характер.

В соответствии с положениями реформы 1958 г. при райисполкомах создавались инспекции по сельскому хозяйству. Это был еще один контролирующий и направляющий орган с нечеткими задачами и полномочиями, никак не встроенный в систему производственной деятельности колхозов. Первый год работы сельхозинспекции Елецкого райисполкома поставил под сомнение необходимость ее существования. Председатель райисполкома Скорик весьма критично

оценил работу данной структуры с точки зрения оказания помощи в организации тракторных работ в колхозах: «Райсельхозинспекция... пока еще ничего не делает. Плохо у нас с контролем качества выполнения работ. Трактористы понапашут — страшно смотреть. Мы допускаем распушенность в этом деле. Разве у нас земли плохие? — Хорошие! А мы даем урожай 8—10 центнеров с гектара» [5, л. 178].

Наряду с районными РТС ответственность за реализацию аграрной реформы несли партийные и советские органы. По решению Елецкого райкома КПСС раз в две недели в колхозах проводилась проверка состояния всей сельскохозяйственной техники. На сессии райсовета это мероприятие называли «хорошим», однако с подобной оценкой трудно согласиться: это была имитация деятельности районной власти — «показуха». Вот истинная ценность таких проверок: «...в ряде колхозов каждый раз записываются одни и те же недостатки, но по этим актам никаких мер не принимается, более того, их просто даже не читают». Районные власти призывали председателей колхозов более ответственно относиться к результатам проверок, проводимых ради «оказания помощи правлениям в руководстве тракторными бригадами». Речь шла о том, чтобы «акты проверок обсуждать, намечать конкретные мероприятия, ответственных лиц, сроки исполнения и проверять исполнение этих мероприятий» [5, л. 190].

Специфика сельскохозяйственного производства определяет сезонный характер работы машин и агрегатов. Большинство из них работает короткий период времени — от нескольких дней до 1—2 месяцев в году. Все остальное время они стоят. От правильности хранения сельхозмашин в значительной степени зависит срок их службы. После окончания полевых работ машины и агрегаты следовало очистить от грязи, смазать и поставить на хранение, а в идеале на зимнее хранение требовалось ставить и отремонтированную технику.

В 1958 г. после завершения сезона полевых работ из 20 колхозов Елецкого района только 3 — имени Куйбышева, «Путь Ленина» и «Родина» — сумели организовать постановку техники на хранение «с отдельными недостатками». В большинстве хозяйств ситуация с хранением дорогой сельхозтехники была удручающей. В колхозах «Коммунар», «За коммунизм», «Оборона», «Искра», как отмечалось на сессии райсовета, техника была «разбросана в беспорядке, от грязи и растительных остатков большинство машин не очищены и не смазаны». На примере тракторной бригады колхоза «Коммунар»

можно оценить последствия беспорядочного хранения машин: «В этой бригаде две кукурузные сеялки стоят не очищенные еще с весеннего сева, цепи проржавели, в сошниках и банках остатки кукурузы. Самоходный комбайн от пожнивных остатков и грязи не очищен, один скат спущен. В подобном состоянии находятся силосный комбайн, лафетная жатка, зерновые сеялки» [5, л. 191]. Отсутствие какого-либо порядка в хранении сельскохозяйственных машин и агрегатов приводило к их ускоренному износу и приносило колхозам огромные убытки.

Ресурс тракторов и прочей сельхозтехники рассчитан на 5—10 лет эксплуатации. При этом следует отметить неравномерность износа различных узлов и агрегатов. Ускоренному износу подвержены поршневые группы двигателей, топливная аппаратура, коленчатые валы, опорные катки и т. д. После завершения сезона полевых работ для поддержания техники в рабочем состоянии необходим ее плановый ремонт различной степени сложности и трудоемкости. Во время выполнения сельскохозяйственных работ возникали ситуации, когда пиковая нагрузка на агрегат превышала расчетную во много раз (например, если тракторный плуг зацепил глубоко лежащий в земле камень-валун) и агрегат мог выйти из строя. Поэтому на практике далеко не каждая машина могла проработать без ремонта весь сезон.

В период существования производственной системы «МТС — колхозы» ремонт сельскохозяйственной техники выполнялся машинно-тракторной станцией. Теперь положение изменилось: колхозы стали собственниками сельскохозяйственных машин и должны были сами определять порядок их восстановительного ремонта. Многие колхозы в целях экономии денежных средств пытались обойтись собственными силами, а то и вообще без ремонта. Мастерские РТС простаивали. Так, на 20 октября 1957 г. в МТС Елецкого района было отремонтировано 37 тракторов, а на ту же дату 1958 г. в РТС — всего 6 тракторов [5, л. 191].

Руководство РТС столкнулось с нежеланием колхозов заключать договоры на ремонт тракторов и сельскохозяйственных машин. «Был я в колхозе “Путь к коммунизму”, — сообщал заведующий Хитровским отделением Елецкой РТС Швырев, — бригадир тракторной бригады Голев заявил, что они поставят на ремонт только 2 трактора, остальные будут ремонтировать в колхозе. Колхоз имени Максима Горького тоже большинство тракторов собирает сам ремонтировать» [5, л. 173].

Отмечая неорганизованность в работе тракторных бригад колхозов, было бы неправильным говорить о том, что во всех колхозах не понимали суть проблемы. Механик колхоза «Искра» Чудинов, выступая перед депутатами Елецкого райсовета, призывал своевременно готовиться к новому сезону: «У нас пока ремонт не начинался, и даже нет договора с РТС на ремонт. А сельскохозяйственный инвентарь в основном освобожден. Но ничего пока не делается. Правление колхоза неправильно делает, что механизаторов использует на другой работе. Один комбайнер комбайн бросил, не очистил от грязи и перешел на автомашину, или комбайнер Панин — бросил комбайн, разукомплектовал его. Я считаю, что капитальный и средний ремонт надо производить в РТС, а текущий ремонт — в колхозе» [5, л. 175].

О том, что фактором эффективности эксплуатации сельскохозяйственной техники является решение проблемы с ее ремонтом, говорил председатель райисполкома Скорик. Он убеждал председателей колхозов глубже вникать в работу машинно-тракторного парка. «Некоторые руководители колхозов не хотят везти технику в РТС и рассчитывают на месте ее отремонтировать. Такой председатель колхоза весной заплачет» [5, л. 178].

Изучение результатов работы колхозов в первый период проведения реформы 1958 г. на примере Елецкого района Липецкого области показывает большие трудности в выстраивании новой модели производственных отношений в аграрном секторе экономики.

Партийно-хозяйственные органы «держали руку на пульсе»: работа колхозов в условиях проводимой реформы находилась под их постоянным контролем. Двадцать седьмого марта 1959 г. состоялся пленум Липецкого обкома КПСС, который дал оценку деятельности колхозов за прошедший год. Наибольшее внимание уделялось нерешенным проблемам. Их было много. Особую тревогу у областного начальства вызывало состояние техники, купленной колхозами год назад у государства. До предстоящего весеннего сева оставались считанные недели, а во многих колхозах сельскохозяйственная техника была не готова к сезону.

В докладе секретаря обкома партии И. А. Медведева отразилась неблагоприятная обстановка в районах области с подготовкой тракторов и почвообрабатывающих орудий к весенним полевым работам. В частности, в колхозах Усманского района еще не успели отремонтировать 20 тракторов. Положение дел в колхозах Становлянского района было названо «совершенно неудовлетворительным»: на

конец марта в районе не было отремонтировано 11 тракторов, больше 20 сеялок, 23 культиватора, 34 плуга, не подготовлены катки и шлейфы. Об организации полевых работ, обеспечении полной загрузки тракторов на севе, правильном составлении посевных агрегатов «пока еще никто не думал». Обеспокоенность руководства области вызывало качество ремонта сложной сельскохозяйственной техники, потому что «много тракторов ремонтировалось в колхозах и без строгого контроля качества. Кто проверял — это полностью подтвердит», — подчеркнул И. А. Медведев [4, ф. 34, оп. 10, д. 8, л. 31—32].

Факты, приведенные в докладе секретаря обкома партии, свидетельствуют о том, что с реформой 1958 г. сознание колхозников, их отношение к колхозной собственности и к работе не изменилось. В этом плане сама аграрная реформа оказалась «холостым выстрелом». В район и область руководство колхозов отправляло многочисленные справки и отчеты, чтобы «начальство отстало». К бумаготворчеству колхозов следует относиться критически, многое там было приукрашено.

Вот несколько конкретных фактов, которые были обнаружены на пленуме обкома партии. Председатель колхоза имени Ф. Э. Дзержинского Чернавского района Пучков указал в отчете, что сеялки, культиваторы и другие прицепные машины готовы к севу, однако при проверке выяснилось: после озимого сева прошлого года «рука человека к ним не прикасалась». Подобная ситуация была выявлена и в других районах. В колхозе имени В. И. Ленина Задонского района «машины забыты настолько давно, что в ящиках сеялок оборудовала себе гнезда стая воробьев» [4, ф. 34, оп. 10, д. 8, л. 33].

Колхозы не имели гаражей и сараев для хранения тракторов и комбайнов, не говоря о почвообрабатывающих орудиях. Вся сельскохозяйственная техника находилась под открытым небом, ржавела, приходила в негодность. Вины колхозов в том не было, они не имели средств на возведение производственных зданий. Районное начальство с пониманием относилось к подобным фактам, а вот на областном уровне они расценивались как вопиющая бесхозяйственность. Начальник райсельхозинспекции Чаплыгинского района Щеголев в начале марта 1959 г. направил всем председателям колхозов телефонограмму следующего содержания: «6 марта 1959 г. в Вашем колхозе проводится проверка готовности сельскохозяйственной техники к весеннему севу. К указанному сроку произвести откопку всей техники (из-под снега. — *В. Т.*) и подготовить ее для проверки» [Там же].

Многие колхозы Липецкой области оказались не в состоянии вести самостоятельную хозяйственную деятельность. Одной из мер, направленных на «реанимацию» экономически несостоятельных колхозов, стало их укрупнение. На практике это означало объединение слабых хозяйств с сильными, при этом объединялись и их долги. По такому пути пошли многие регионы страны, в том числе и Липецкая область. В Липецкой области на 1 января 1959 г. насчитывалось 400 колхозов. За год их количество сократилось до 271: 119 колхозов укрупнилось, 10 были преобразованы в совхозы [4, ф. 34, оп. 11, д. 150, л. 69].

Реорганизация МТС поставила колхозы в более жесткие экономические условия, которым многие из них не соответствовали. В особенно сложном положении оказались колхозы областей Нечерноземной зоны РСФСР. Накануне реорганизации МТС Великолукский обком партии обратился в ЦК КПСС с просьбой создать в области 27 новых совхозов и расширить существующие за счет включения в их состав 122 колхозов, располагающих 284 тыс. га земельных угодий. Это были экономически слабые колхозы с большими долгами перед государством. При годовом доходе 28,2 млн руб. их задолженность государству составляла 22,5 млн руб., или 80% от дохода. Указанные хозяйства не имели возможностей для ведения расширенного производства. Тем не менее предложение Великолукского обкома КПСС не было поддержано [6, д. 174, л. 1—4].

Для органов власти на местах было очень важно привлечь дополнительные финансовые ресурсы государства для развития сельского хозяйства. Одним из таких мероприятий стало преобразование колхозов в совхозы и расширение землепользования совхозов за счет присоединения колхозов. Реорганизация МТС заставила государство пойти на расширение земель совхозов за счет колхозных угодий.

В 1958 г. Бюро ЦК КПСС по РСФСР рассмотрело предложение Совета Министров РСФСР об организации 51 нового совхоза и расширении землепользования 364 совхозов за счет земель 871 колхоза. Государственные возможности не позволили удовлетворить запросы регионов. В результате было дано согласие на организацию лишь одного совхоза в Костромской области и расширение землепользования 264 существующих совхозов. Бюро ЦК КПСС по РСФСР отклонило просьбу обкомов и облисполкомов об организации 8 совхозов в Горьковской области, 10 — в Костромской, 30 — в Архангельской, 1 — в Курской и 1 — в Челябинской [6, д. 170, л. 26].

Укрупнение колхозов в Липецкой области кардинально ситуацию не улучшило. По поводу бедственного положения, в котором пребывала большая часть липецких колхозов, руководство области обратилось в Бюро ЦК КПСС по РСФСР: «...Денежные доходы их [колхозов] не покрывают необходимых для хозяйств расходов, колхозникам мало выдают на трудодни денег и продуктов... значительная часть колхозников, механизаторов, в первую очередь молодежь, уходит из колхозов» [6, д. 245, л. 133].

На финансовое положение колхозов негативное воздействие оказывали долги прошлых лет, образовавшиеся в том числе и в результате просчетов правительственной политики. В немалой степени они были связаны с реализацией «плана преобразования природы». Одной из составляющих этого плана стало создание оросительных систем. В колхозах Липецкой области в 1947—1952 гг. было создано 283 орошаемых участка площадью 11,5 тыс. га под зерновые культуры. Эта затея себя не совсем оправдала, урожаи с поливных участков колхозы получали низкие, а с 1953 г. на орошаемых участках посевы не проводились. На строительство оросительных систем колхозы Липецкой области израсходовали 33,1 млн руб., из них за счет долгосрочного кредита Сельхозбанка — около 31,5 млн руб., или 95%. В течение 1949—1957 гг. колхозы сумели погасить ссуду в сумме 6,3 млн руб., после частичного списания их задолженность составила 12,6 млн руб. [6, д. 226, л. 42].

С учетом этих обстоятельств секретарь Липецкого обкома партии К. П. Жуков обратился в Бюро ЦК КПСС по РСФСР с просьбой списать долги колхозов, образовавшиеся в результате строительства оросительных систем. Заместитель заведующего Сельхозотделом ЦК КПСС по РСФСР В. Карлов подписал ответ: Совет Министров РСФСР не поддержал просьбу Липецкого обкома КПСС о списании долгов с колхозов в связи с тем, что ранее, в 1956 г., с них уже была списана задолженность по ссудам Сельхозбанка в сумме 8,6 млн руб. Погашение оставшихся долгов было продлено на 5 лет [6, д. 226, л. 43].

Выход из создавшегося положения липецкие власти видели в том, чтобы «прирезать к существующим совхозам 271 тыс. га земельной площади 46 экономически слабых колхозов». Кроме того, предлагалось организовать еще 23 новых совхоза на базе бывших усадеб МТС, отделений РТС и реорганизовать с расширением землепользования 2 отделения совхозов в самостоятельные совхозы на площади 511,4 тыс. га 80 экономически слабых колхозов. На это

требовалось 282,7 млн руб., в первую очередь для погашения долгов колхозов по ссудам банков, другим кредиторам и колхозникам. Долги колхозникам и трактористам составили при этом 17,6 млн руб. [6, д. 245, л. 134].

Таким образом, в среднем долг «экономически слабого» колхоза превысил колоссальную по тому времени сумму в 2,24 млн руб. Это свидетельствовало о полном разорении значительной части колхозов в результате осуществления реформы 1958 г. Самостоятельно выбраться из такого положения хозяйства не могли, поэтому просьба руководства Липецкой области правительством была удовлетворена: постановлением Совета Министров СССР от 28 января 1961 г. было разрешено 121 колхоз преобразовать в совхозы [6, д. 245, л. 136]. Таким путем государство решало проблему колхозных долгов и направляло дополнительные финансовые ресурсы на развитие сельского хозяйства.

Первые результаты реформы 1958 г. в другой центральной российской области — Брянской — также не внушали оптимизма. В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 января 1961 г. было проверено финансово-экономическое состояние всех брянских колхозов. В записке Брянского обкома КПСС, направленной в Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров СССР, отражено реальное положение колхозной экономики. Анализ показал: многие колхозы оказались «закредитованными и неспособными в ближайшие годы рассчитаться с государством». По состоянию на 1 января 1961 г. только 76 колхозов из 375 (или 20% от общей численности) имели «удовлетворительное финансовое положение», 131 колхоз (35%) испытывал «временные финансовые затруднения» и нуждался в дополнительной помощи со стороны государства [6, д. 340, л. 61].

В особенно тяжелом положении находились 168 брянских колхозов, или 45% от их общего количества. Они были не в состоянии погасить свои долги в ближайшее время даже «при условии выполнения всех производственных и финансовых планов». По этой группе колхозов только платежи, перешедшие с прошлого 1960 г., составили 15,7 млн руб., или 39% запланированного дохода текущего года. Кроме того, указанные колхозы должны были погасить долги текущего года, «значительно превышающие долги прошлого года» [Там же]. Как видно, почти каждый второй брянский колхоз к началу

1960-х гг. оказался экономически несостоятелен, не имел средств на расширенное производство. Более того, «долговая петля» затягивалась все сильнее.

В РСФСР в результате укрупнения, а также преобразования колхозов в совхозы в 1957—1960 гг. их число сократилось с 43 458 до 20 530, или более чем вдвое [6, д. 168, л. 170; д. 348, л. 85]. Таким образом, массовое укрупнение колхозов республики и их преобразование в совхозы в конце 1950-х — начале 1960-х гг. явилось следствием аграрной реформы 1958 г. Упразднение МТС, которые долгое время были системообразующей структурой колхозного производства, привело к тому, что значительная часть колхозов оказалась неспособной к ведению самостоятельной хозяйственной деятельности. Политика советского государства по реорганизации колхозов проводилась для того, чтобы поддержать сельское хозяйство и обеспечить производство продовольствия. Это были чрезвычайные мероприятия, они не могли скрыть глубину противоречий колхозного производства.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00386).

Список источников и литературы

1. *О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций* : постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 апреля 1958 г. № 425. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5271.htm (дата обращения: 18.04.2020).
2. Орлов Д. С., Ильиных В. А., Андреенков С. Н. Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х — 1980-х гг.: динамика, организационно-производственные и отраслевые структуры. Новосибирск, 2018.
3. Томили В. Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноморского Центра России в послевоенный период: 1946—1958 гг. М., 2009.
4. Государственный архив новейшей истории Липецкой области.
5. Государственный архив Липецкой области. Ф. Р-1229. Оп. 1. Д. 265.
6. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 46.

Политика государства в развитии подсобных предприятий и промыслов в сельском хозяйстве Нечерноземной зоны РСФСР во второй половине XX века

В статье прослеживается политика государства по развитию подсобных предприятий и промыслов в сельском хозяйстве Нечерноземной зоны РСФСР, выявляются причины ее низкой эффективности.

The article traces the state policy for the development of subsidiary enterprises and crafts in agriculture in the non-Chernozem zone of the RSFSR for decades, and identifies the reasons for its low efficiency.

Ключевые слова: подсобные предприятия, промыслы, аграрная политика, Нечерноземная зона РСФСР, постановления.

Keywords: subsidiary enterprises, fisheries, agricultural policy, non-Chernozem zone of the RSFSR, regulations.

Последствия Великой Отечественной войны, политика ликвидации «неперспективных» населенных пунктов, преобразование колхозов в совхозы, их укрупнение, урезание приусадебных участков, социально-бытовая неустроенность на селе, низкие заработки были главными причинами роста миграции, депопуляции российского села, ликвидации промыслов в опустевших населенных пунктах. Также они стали определяющими факторами сокращения колхозного крестьянства, роста числа колхозников-отходников, особенно в Центральном районе России, Нечерноземной зоне РСФСР.

Если в среднем по республике в 1950 г. насчитывалось более 1 млн колхозников-отходников (8% от общей численности трудоспособных колхозников), то во Владимирской области их доля составляла 25,1%, в Московской — 33,3%, а в Ростовской, напротив, только 2,2% [1, с. 88—89].

Для сокращения числа крестьян-отходников Совет Министров СССР 28 ноября 1951 г. принял специальное постановление, которое обязывало руководителей предприятий и организаций не принимать на работу сельских тружеников без разрешительных документов из их хозяйств [2, с. 389].

Развитие системы подсобных предприятий и промыслов в колхозах и совхозах в значительной степени могло бы снизить масштабы отходничества, укрепить экономику хозяйств. Вместо этого в соответствии с решениями XIX партийного съезда (1952) произошло изъятие промыслов и перерабатывающих предприятий из колхозов, включая производство кирпича, черепицы. Они были переданы в местную промышленность и промысловую кооперацию. У части хозяйств остались лишь небольшие цеха по переработке сельскохозяйственной продукции [3, с. 279]. Однако уже через год сентябрьский пленум ЦК КПСС разрешил колхозам и совхозам при наличии хозяйственной целесообразности, изготовлять своими силами и средствами кирпич, черепицу и известь. Двумя годами позже уже январский (1955) пленум ЦК КПСС рекомендовал колхозам формировать постоянные строительные бригады, организовывать обучение колхозников строительным специальностям, а также создавать предприятия и организации по производству строительных материалов [7, с. 316; 8, с. 479].

В конце 1950-х гг. была упразднена промысловая (производственная) кооперация, а все ее имущество перешло в собственность государственной местной промышленности. Местная промышленность включала предприятия пищевой и перерабатывающей промышленности, а также художественные промыслы, расположенные в сельской местности, в районных центрах. Большая их часть имела непрерывный цикл работы, но значительное число предприятий были сезонными. В осенне-зимний, несельскохозяйственный период на них могли трудоустроиться и сельские труженики. Ввиду того что огромное число селян в межсезонье не было обеспечено работой, наметилась прогрессирующая тенденция роста оттока сельского населения в города. И выход стали искать в возрождении промыслов, развитии подсобных предприятий колхозов и совхозов, но без серьезной финансовой государственной поддержки. В этом деле больше полагались на возможности хозяйств. И все же первая половина 1960-х гг. стала временем постепенного возрождения подсобных предприятий и промыслов.

В отдельные годы первой половины 1960-х гг. подсобные предприятия совхозов и колхозов по переработке сельскохозяйственной продукции, производству товаров народного потребления, строительных материалов из отходов промышленности и местного сырья получали прибыль на сумму свыше 1 млрд руб. Например, в 1964 г. подсобные предприятия и промыслы колхозов и совхозов, а также межколхозных предприятий произвели валовую продукцию на сумму более 5 млрд руб., что составило до 10% от общей стоимости сельскохозяйственной продукции. В то же время в середине 1960-х гг. в периоды межсезонья 8 млн чел. трудоспособного населения не были обеспечены работой в хозяйствах. Одновременно с этим шел процесс сокращения подсобных предприятий и промыслов [4, с. 149]. И это не могло не беспокоить высшее партийное руководство страны.

Среди важнейших направлений новой аграрной политики, определенной мартовским (1965) пленумом ЦК КПСС, было развитие подсобных предприятий и промыслов на селе. Практика показывала, что в колхозах и совхозах, где существовали подсобные предприятия и промыслы, сельские труженики в течение всего года были загружены работой, имели устойчивые заработки, а текучесть кадров снижалась.

Учитывая все эти обстоятельства, руководство страны в последние годы уделило достаточно серьезное внимание развитию подсобных предприятий и промыслов в сельском хозяйстве Нечерноземной зоны РСФСР, где текучесть кадров была наиболее высокой. Достаточно сказать, что только за период 1967—1973 гг. было принято 4 партийно-правительственных постановления по этой злободневной проблеме.

В Директивах XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 гг., принятых 8 апреля 1966 г., была поставлена уже конкретная задача по развитию в колхозах и совхозах, а также в межколхозных организациях подсобных предприятий и промыслов. Организация переработки сельскохозяйственных продуктов, производства строительных материалов, изготовления тары, товаров народного потребления предполагала использование местного сырья и отходов промышленности. Планировалось также создание в сельской местности сезонных филиалов промышленных предприятий [5, с. 251].

Реализуя решение съезда, ЦК КПСС и Совет Министров СССР неделю спустя, 16 апреля 1966 г., приняли совместное постановле-

ние «О развитии подсобных предприятий и промыслов в сельском хозяйстве». В следующем году, 16 сентября 1967 г., было подписано уже отдельное решение Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии подсобных предприятий и промыслов в сельском хозяйстве».

Органам исполнительной власти предлагалось не в ущерб сельскохозяйственному производству принять меры к развитию подсобных предприятий и промыслов в колхозах, совхозах и межколхозных организациях в целях обеспечения наиболее полного использования «сезонного излишка рабочей силы, материальных и сырьевых ресурсов, имеющихся в сельском хозяйстве». Промышленная переработка сельскохозяйственных продуктов, дикорастущих плодов, ягод, грибов, производство местных строительных материалов, товаров народного потребления, развитие производственных связей с промышленными предприятиями должны были стать сферой деятельности подсобных предприятий и промыслов. Кроме того, хозяйствам было предоставлено право принимать производственные планы деятельности подсобных предприятий и промыслов без последующего утверждения вышестоящими органами. Министерству и ведомствам пищевой и легкой промышленности, а также Центросоюзу было поручено разработать мероприятия по созданию в 1967—1970 гг. сезонных филиалов соответствующих промышленных предприятий. Целому ряду различных министерств и ведомств предлагалось подготовить в 1968—1969 гг. проекты подсобных предприятий в сельском хозяйстве и комплекты технологического оборудования для них. Для развития подсобных предприятий и промыслов промышленным предприятиям было разрешено продавать колхозам и межколхозным организациям излишние оборудование, транспортные средства, сырье, производственные отходы, а также выдавать им из своих ресурсов материалы и комплектующее оборудование для изготовления по договорам необходимой данному предприятию продукции. Кроме того, государство рекомендовало, чтобы цены на товары народного потребления, изготавливаемые подсобными предприятиями и промыслами сельхозпредприятий и реализуемые населению через торговую сеть, не превышали государственные розничные цены [2, с. 172—176].

Изменение политики государства по отношению к подсобным предприятиям и промыслам привело к росту их численности. За 1965—1968 гг. число подсобных предприятий и промыслов в сельском хозяйстве увеличилось в 1,5 раза, а уже в 1970 г. их насчитыва-

лось более 245 тыс. Они занимались переработкой сельскохозяйственных продуктов, дикорастущих плодов, ягод и грибов, выпуском отдельных товаров широкого потребления и кустарных изделий. В ряде районов Нечерноземной зоны РСФСР в 1967—1971 гг. доля переработки сельскохозяйственного сырья в работе подсобных предприятий и промыслов составляла 65% [6, оп. 3, д. 6269, л. 134]. Это позволяло обеспечить более полное использование сезонного излишка рабочей силы, материальных и других ресурсов, а также повысить денежные доходы колхозов. Только за один наиболее удачный 1968 г. ими было произведено продукции на 6,6 млрд руб. против 4,3 млрд руб. в 1965 г.

Обеспечивая контроль за развитием подсобных предприятий и промыслов, государство тем не менее стремилось переложить всю работу по организации и осуществлению их деятельности непосредственно на хозяйства. В частности, это нашло отражение в примерном Уставе колхоза, утвержденном ЦК КПСС и Советом Министров СССР 28 ноября 1969 г. В нем было закреплено положение о том, что колхоз в целях более полного и равномерного использования трудовых ресурсов, повышения доходности общественного хозяйства создает и развивает не в ущерб сельскохозяйственному производству подсобные предприятия и промыслы, может вступать в договорные отношения с промышленными предприятиями и торгующими организациями по созданию в колхозе филиалов (цехов) для производства различных изделий и товаров силами колхозников в периоды, свободные от сельскохозяйственных работ. Колхоз мог заключать договоры с государственными, кооперативными и общественными организациями на продажу полуфабрикатов и изделий подсобных предприятий и промыслов [2, с. 266].

В соответствии с положениями о Советах колхозов всех уровней (союзный, республиканский, областной, районный), утвержденными в июне 1971 г., в сферу их деятельности входило развитие подсобных предприятий и промыслов [2, с. 331, 334]. Однако это не означало, что государство отказывается от административно-командного диктата в этой сфере деятельности хозяйств.

Подтверждением неослабевающего контроля государства за работой колхозов и совхозов по развитию подсобных предприятий и промыслов было очередное постановление ЦК КПСС «О серьезных недостатках в развитии подсобных предприятий и промыслов в колхозах и совхозов» от 13 марта 1970 г. Как отмечалось в партийном

документе, в результате проверок были обнаружены не только недостатки, но даже извращения в работе предприятий и промыслов в колхозах и совхозах.

Во-первых, ЦК КПСС считал недопустимой практикой создание подсобных предприятий за пределами хозяйств: в городах, районных центрах, рабочих поселках, других областях и даже в столице. Так, совхозы «Константиновский», «Торгашевский», «Краснозаводский» Загорского района, колхоз «Путь Ильича» Волоколамского района Московской области открыли предприятия по выпуску промышленной продукции в Москве. Колхоз «За мир» Угодско-Заводского района Калужской области организовал в 1968 г. в столице мастерскую по производству шариковых авторучек и металлических этикеток.

Во-вторых, ЦК был против использования в них труда не членов хозяйств — лиц, не связанных с сельским хозяйством. Это относилось к хозяйствам Московской, Калининской, Калужской и других областей Нечерноземья. К примеру, из 2478 человек, работавших в подсобных цехах колхозов и совхозов Калужской области, 1200 человек (почти половина) не являлись тружениками хозяйств.

В-третьих, по мнению ЦК, отсутствие должного контроля за расходованием средств на заработную плату, ее начисление по произвольным нормам и расценкам приводили к выплате сумм, которые были намного выше, чем заработная плата работающих на сельскохозяйственных работах. Это порождало «рваческие тенденции», оказывало отрицательное влияние на квалифицированные кадры, работающие в промышленности, вызывало недовольство работников, занятых на сельскохозяйственных работах.

Партийные и государственные органы всех уровней обязывались устранить имеющиеся недостатки и усилить контроль за деятельностью подсобных предприятий и промыслов. Они были призваны развивать их с учетом имеющихся в сельском хозяйстве материальных и сырьевых ресурсов, наиболее полного использования сезонного излишка рабочей силы. Для упорядочения их функционирования правительству страны, Министерству сельского хозяйства СССР было предложено в трехмесячный срок разработать примерное Положение о подсобных предприятиях и промыслах колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий [2, с. 278—281]. Кроме того, постановление ЦК КПСС фактически установило жесткий государственный контроль над ценами на продукцию подсобных хозяйств. Реализация произведенной продукции должна была осуществляться только на основании типового договора хозяйств с ор-

ганизациями торговли. Однако на практике все оказалось сложнее, а положение в этом разделе постановления осталось практически не выполненным.

Уровень организации и деятельности подсобных предприятий и промыслов в автономных республиках и областях Нечерноземной зоны РСФСР не был одинаковым. Вместе с тем ситуацию во многих из них отражает пример Чувашской АССР.

За период 1967—1971 гг. валовой объем производства продукции подсобных предприятий и промыслов в Чувашской АССР вырос с 19,1 до 33,2 млн руб., или более чем в 1,7 раза. Стоимость основных фондов подсобных промышленных предприятий и промыслов составила 7769 тыс. руб. против 4267 тыс. руб., то есть увеличилась за эти годы в 1,8 раза.

Развитие подсобных предприятий и промыслов в колхозах автономной республики способствовало росту сельскохозяйственного производства, укреплению экономики колхозов, более эффективному использованию трудовых ресурсов и местного сырья, выпуску разнообразных товаров народного потребления.

В 312 колхозах Чувашской АССР работало около 2 тыс. различных подсобных предприятий и промыслов: мельницы и крупорушки (в 41,6% колхозов), лесозаготовительные и деревообрабатывающие предприятия (в 30%), ремонтные мастерские (в 19%), другие предприятия и цехи (в 19%), которые занимались солением овощей, производством кирпича, заготовкой бутового камня. В 1971 г. в колхозе «Искра» Красночетавского района был построен пенькозавод, на котором в осенне-зимний период работало около 50 колхозников. На базе отходов производства пенькозавода (с добавкой цемента) было освоено производство кострблоков, из которых построено три конюшни, телятник на 200 голов КРС, клуб на 250 посадочных мест, деревообрабатывающий цех. Ежегодная мощность по производству кострблоков составляла 120—130 тыс. штук, что было эквивалентно 1—1,2 млн штук кирпича. Ежегодная прибыль колхоза от реализации произведенной продукции составляла 40—60 тыс. руб.

Подсобные предприятия и промыслы колхоза «Путь Ильича» Умарского района — мельница, шерстобойка, ободно-тарный цех, ремонтная мастерская — ежегодно поставляли в торговлю продукции на сумму до 300 тыс. руб.

Вместе с тем недостатки в организации и деятельности предприятий и промыслов в Чувашской АССР были такими же, как и в других субъектах Нечерноземья.

Во-первых, несмотря на то что среднегодовая численность работников предприятий и промыслов в 1971 г. увеличилась по сравнению с 1967 г. на 1616 человек и составляла 4276 человек, существенного влияния на занятость она не оказывала. Количество предприятий было незначительным, а средняя численность работающих на них составляла лишь 4—6 человек, что не отвечало ни возможностям, ни потребностям колхозов. К примеру, отсутствие предприятий по переработке, хранению овощей и фруктов при недостаточных мощностях предприятий государственной консервной промышленности создавало значительные трудности в их сбыте. В лучшем случае сырье шло на корм скоту, в худшем приходило в негодность и уничтожалось. Так, в 1971 г. колхозами Чувашской АССР было скормлено скоту 52,9 тыс. ц овощей, или около 20 % валового сбора. При этом более 90 % потребляемых плодоовощных консервов завозилось в республику ежегодно с других территорий.

Во-вторых, нехватка необходимого количества подсобных предприятий и промыслов приводила к безработице колхозников в зимний период. В 1971 г. в РСФСР средняя занятость колхозников составляла 227 человеко-дней. В том же году в Чувашской АССР 134,5 тыс. трудоспособных колхозников (почти 80 % от их общей численности) имели среднюю выработку менее 200 человеко-дней, причем 54 тыс. (32,1 % от общего количества трудоспособных колхозников республики) работали менее 150 дней в году [6, оп. 3, д. 6269, л. 137].

В-третьих, отсутствие рабочих мест на колхозных предприятиях и промыслах приводило к росту «отходничества», что в значительной степени влияло на интенсификацию сельскохозяйственного производства. Так, в колхозе «Алга» Комсомольского района Чувашской АССР из 1774 трудоспособных колхозников более 800 человек в течение всего 1971 г. (за исключением июля) не участвовали в общественном колхозном производстве [Там же].

Несмотря на принимаемые государством меры положение с развитием подсобных предприятий и промыслов к середине 1970-х гг. не было стабильным, присутствовала тенденция к их сокращению. Тем более что это совпало с периодом усиления кризисных явлений в сельскохозяйственном производстве, что потребовало значительных финансовых средств для предотвращения экономического краха огромного количества колхозов и совхозов.

В связи с неблагоприятными погодными условиями в 1971—1973 гг. резко увеличилось число убыточных и низкорентабельных

хозяйств, особенно в Нечерноземной зоне РСФСР. Госплан СССР и Министерство финансов СССР затянули решение вопроса об оказании финансовой помощи нескольким тысячам сельхозпредприятий России, и последние были вынуждены задерживать выплату заработной платы сельским труженикам. В результате в 1972—1973 гг. резко возросло число колхозников-отходников, которые покидали свои хозяйства и устраивались на работу в городах, в рентабельных хозяйствах, строительных организациях, организовывали бригады «шабашников» и т. д. Отходничество вновь становится популярным среди сельских тружеников. Именно в этот период стала активно реализовываться программа ликвидации «неперспективных» населенных пунктов, что усиливало масштабы не только отходничества, но и миграции, оттока населения из сельской местности.

Эти и другие обстоятельства заставили Совет Министров СССР в мае — июне 1973 г. принять сразу два постановления, в которых звучала неприкрытая угроза-предупреждение не только в адрес колхозников-отходников, но и тех руководителей организаций, которые принимали их на работу. Была сделана ссылка на уже упомянутое постановление Совета Министров СССР от 28 ноября 1951 г., имевшее запретительно-разрешительный характер трудоустройства «отходников».

В первом постановлении Совета Министров СССР «О мерах по упорядочению деятельности подсобных предприятий и промыслов» (от 11 мая 1973 г.) были перечислены все недостатки в организации и деятельности подсобных предприятий и промыслов. К серьезным была отнесена практика, когда в напряженные периоды сельскохозяйственного труда работники подсобных предприятий и промыслов не переводились на полевые работы. Кроме того, в ходе проверок контролирующих органов было выявлено, что подсобные предприятия и промыслы нередко выпускали нерентабельную, убыточную продукцию либо сворачивали производство. В итоге правительство было вынуждено изменить ряд положений своих же более ранних постановлений (1967 и 1972 гг.) о порядке формирования цен на продукцию подсобных предприятий и промыслов. Теперь в случае убыточности или низкой рентабельности производимой продукции местным органам ценообразования разрешалось устанавливать цены исходя из экономически обоснованных затрат на производство этих товаров и уровня рентабельности в размере до 25%. Чтобы сохранить государственный контроль над производимой продукцией из

фондируемых материалов, а также из сырья, передаваемого подсобным предприятиям в порядке кооперации, решение о ее производстве могли принимать только райисполкомы или горисполкомы. Кроме того, в подсобных предприятиях и промыслах оплата труда рабочих, руководителей и специалистов переводилась на тарифные ставки и ту систему материального поощрения, которая действовала на аналогичных работах в совхозах и соответствующих производствах рай(гор)промкомбинатов [2, с. 385—388].

Последовавшие проверки вновь показали значительное увеличение числа крестьян-отходников. В отдельных хозяйствах их доля превышала 50% от общего количества членов сельскохозяйственных коллективов [6, оп. 3, д. 6269, л. 137]. По этой причине постановлением Совета Министров СССР «Об упорядочении отходничества колхозников на сезонные работы» от 19 июня 1973 г. было запрещено принимать на работу колхозников-отходников без заключения с ними договоров на проведение всех видов работ. Кроме того, требовалось наличие документа, подтверждающего согласие правления колхоза на выезд отходников для работы в других хозяйствах. Чтобы уменьшить рост числа колхозников-отходников, правительство требовало оплачивать их работу только в соответствии с тарифными ставками и системой материального поощрения, применяемыми на аналогичных работах в совхозах, строительных организациях и рай(гор)промкомбинатах [2, с. 388—389]. Однако растущий дефицит строительных кадров вынуждал хозяйства создавать строительные бригады из числа сельских тружеников. Колхозы вынуждены были привлекать наемные строительные бригады, которые, пользуясь высоким спросом, получали довольно крупные суммы денег из-за переплат. Колхозы выплачивали наемным бригадам премиальные, суточные, предоставляли бесплатное жилье, отпускали по заниженным ценам продукты питания, а зерно доставляли по месту жительства, даже в соседние области. В 1970—1971 гг. по итогам выборочных проверок финансовыми органами переплаты хозяйствами наемным бригадам составили 2593 тыс. руб. Заработная плата «шабашников» составляла 500—600 руб., в то время как у постоянных рабочих совхозов, также занятых на строительстве объектов, — 100—200 руб. [6, оп. 3, д. 6191, л. 148; д. 6194, л. 143].

В соответствии с программой преобразования Нечерноземной зоны РСФСР (1974 г.) резко возросло финансирование строительства производственных объектов на селе, с которым не справлялись под-

рядные строительные организации. Ежегодно не осваивались миллионы рублей государственных средств. В отдельных областях подрядчики осваивали только около 40% бюджетных денег, выделенных на капитальное строительство. Более того, они отказывались строить жилье, объекты соцкультбыта, с которыми было много «возни», но мало прибыли. Так, из запланированных в 1980 г. 5,1 млн м² жилья подрядчики взялись построить только 1,2 млн м² [6, оп. 9, д. 3963, л. 28—31]. Все остальное ложилось на плечи колхозов и совхозов. «Нас буквально замучил хозяйственный способ строительства. Во многих колхозах и совхозах очень мало людей, а они вынуждены отвлекать работников с ферм и полей или привлекать всякого рода незаконные и полузаконные бригады “шабашников”», — говорил в своем выступлении на совещании в ЦК КПСС 25 апреля 1980 г. министр сельского хозяйства РСФСР Л. Я. Флорентьев [6, оп. 9, д. 3963, л. 28].

Большой объем работ имел сезонный характер, а значит, уже государству пришлось прибегнуть к помощи отходников, численность которых продолжала расти. Чтобы фактически узаконить этот процесс, был принят указ Президиума Верховного Совета СССР «Об условиях труда рабочих и служащих, занятых на сезонных работах» (24 сентября 1974 г.), который и определил их права при устройстве на сезонную работу, учете стажа, назначении пенсии и т. д.

Кроме строительных кадров, программа преобразования Нечерноземной зоны РСФСР потребовала огромных трудовых ресурсов для работы на предприятиях сельской строительной индустрии, в мелиоративных организациях, учреждениях культуры, быта. Из городов молодые специалисты ехали в село с большой неохотой. Вот и приходилось руководителям колхозов и совхозов направлять в специальные учебные заведения не только выпускников сельских школ, но и молодежь, работавшую в сельскохозяйственном производстве и не имевшую специальности.

Потребность в специалистах неземледельческой деятельности из числа сельских тружеников сказалась на состоянии подсобных предприятий и промыслов, число которых уменьшалось. Сокращалось и количество их работников. Так, в Нечерноземной зоне РСФСР, где находилось самое большое количество подсобных предприятий и промыслов, к середине 1970-х гг. удельный вес этой категории селян снизился с 10 до 7% [4, с. 149].

Во второй половине 1970-х гг. наметилось ослабление интереса партийно-государственного руководства к проблеме подсобных предприятий и промыслов. Но это не означало, что на нее махнули рукой. С одной стороны, росло понимание, что без серьезного финансирования эту проблему быстро не решить. С другой стороны, снижение активности в этой сфере было связано с надеждой на то, что реализация планов преобразования Нечерноземья обеспечит если не всеобщую, то в больших масштабах постоянную занятость селян на сельскохозяйственных предприятиях по переработке сельхозпродукции, в строительстве, в сфере быта и т.д. Руководство предполагало, что в результате будет укреплена и экономика хозяйств, то есть основные задачи, стоявшие перед общественным производством, подсобными предприятиями и промыслами, будут успешно решены.

В связи с обострением продовольственной проблемы со второй половины 1970-х гг., а особенно в 1980-е гг., в центре внимания государства оказалось массовое развитие подсобных сельских хозяйств. Существовало немало примеров положительной деятельности подсобных предприятий и промыслов. Так, в колхозе «Путь Ленина» Волжского района Марийской АССР, специализирующемся на звероводстве, мясомолочном скотоводстве, подсобные производства работали на базе местного сырья и на основе кооперации с промышленными предприятиями района. Они выпускали более 70 наименований различной продукции: швейные изделия, продукцию деревообработки, полиэтиленовые пакеты, меховые изделия. На этих предприятиях было занято 100 чел. из 560 трудоспособных колхозников. Ежегодная прибыль составляла 352 тыс. руб. Она направлялась на строительство дорог, жилья и культурно-бытовых помещений. Сократился отток молодежи из колхоза, был создан стабильный трудовой коллектив, достигнута круглогодичная занятость колхозников, а полевые работы выполнялись в оптимальные сроки. Хозяйство полностью отказалось от шефской помощи, для пенсионеров была организована работа на дому.

Из 4,5 млн руб. прибыли, получаемой ежегодно в колхозе им. С. М. Кирова Балашихинского района Московской области, подсобное производство давало 1,7 млн руб. Здесь на основе кооперации с промышленными предприятиями производились смоляные канаты, строительная пакля, пластмассовые, швейные изделия и другая продукция [9, с. 41]. Были примеры иного порядка, характерные для

большинства районов Нечерноземья. Несмотря на то, что каждое шестое сельскохозяйственное предприятие Псковской области имело свои подсобные цехи, в общей сложности в них было занято лишь немногим более 1 тыс. человек. Из этого числа 120 человек работали в одном колхозе «Россия» Великолукского района, в швейном и консервном цехах [10, с. 39—40].

Таким образом, исследование документов партийных, государственных и хозяйственных органов, архивных материалов периода 1950—1980-х гг. показало, что в масштабах страны так и не была создана отлаженная система функционирования подсобных предприятий и промыслов и не решена основная их задача — сохранение кадров в сельскохозяйственном производстве, укрепление экономики хозяйств.

Только за 1971—1990 гг. сельское население России уменьшилось на 20%, а в Нечерноземной зоне — на 36%. В 1981—1988 гг. российские села покинуло 4,5 млн человек [11, с. 5, 13; 12, с. 85]. Уже в начале 1980-х гг. удельный вес убыточных колхозов достиг почти 50%, а совхозов — более 60% [13, с. 119, 317]. Не оправдала надежд на развитие подсобных предприятий и промыслов и аграрная реформа начала 1990-х гг.

Снижение, а затем практически полное прекращение государственного финансирования аграрного сектора экономики, разрушение системы сельскохозяйственного производства, сбыта продукции привели к убыточности большинства сельскохозяйственных предприятий, закрытию подсобных предприятий и промыслов, поставили село на грань выживания. В начале текущего века в сельском хозяйстве, включая приусадебные участки, было занято лишь около 60% экономически активного сельского населения. В числе не занятых имела значительная доля безработных или временно работающих.

Безработица на селе — одно из самых отрицательных последствий реформ 1990-х гг. По официальным данным, общая численность безработных на селе достигла 1,3 млн чел., а по неофициальным — свыше 3 млн человек. [14, с. 12]. В конце 1990-х гг. уровень безработицы на селе составлял более 9% [15, с. 238].

Основная причина безработицы заключалась в дестабилизации сельскохозяйственного производства, разрушении социальной сферы села, слабом развитии неземледельческих отраслей. Поэтому для решения проблемы безработицы и связанных с ней других социальных проблем в сельской местности необходимо расширение сферы занятости путем развития подсобных производств и промыслов как

одного из факторов укрепления экономики сельскохозяйственных предприятий. При этом появляется возможность получения дополнительных доходов, направляемых на развитие основных отраслей и на улучшение материального и культурного уровня жизни населения, создание дополнительных рабочих мест, освоение новых специальностей.

Нельзя не согласиться с отдельными экономистами, что в стране, прежде всего в Нечерноземной зоне, имеется огромный потенциал для развития местных промыслов и сельской промышленности, остающийся неиспользованным после ликвидации в 1950-е гг. промысловой кооперации и многолетнего запрета сельскохозяйственным предприятиям заниматься неземледельческой деятельностью. Развитие сельских промыслов, промысловой кооперации, открытие филиалов городских предприятий, организация работ на селе, сельского туризма, сбора сельским населением лекарственных трав, грибов, дикорастущих плодов, орехов во многом ослабляют проблему безработицы, занятости сельского населения в межсезонье, дают возможность дополнительного дохода, так как большие надежды на фермерство, «которое не только может себя обеспечивать во внесезонное время несельскохозяйственными занятиями, но и создавать рабочие места для окрестного населения», без постоянной финансовой помощи государства не оправдались [16, с. 201].

В первую очередь нужны целевые средства на развитие подсобных предприятий и промыслов. Яркий пример результативности такой политики — США, где в рамках специальной программы в 1978—1988 гг. из федеральных источников было направлено 573 млн долл. на создание в сельской местности предприятий пищевой, текстильной, машиностроительной промышленности и развитие сферы услуг. Помощь предоставлялась наиболее депрессивным общинам — с высоким уровнем безработицы, бедности, неразвитой инфраструктурой и негативной демографической ситуацией. За период действия программы в сельской местности было создано 20 тыс. новых рабочих мест [17, с. 296].

Список источников и литературы

1. *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М., 1992.
2. *Ленинская аграрная политика.* М., 1978.

3. *Никонов А. А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII—XX века). М., 1995.
4. *Денисова Л. Н.* Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960—1980-е годы. М., 1996.
5. *Материалы XXIII съезда КПСС.* М., 1966.
6. *Государственный архив Российской Федерации.* Ф. А-616.
7. *О мерах* дальнейшего развития сельского хозяйства СССР : постановление Пленума ЦК КПСС от 7 сентября 1953 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 8.
8. *Об увеличении* производства продуктов животноводства : постановление Пленума ЦК КПСС от 31 января 1955 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 8.
9. *Сельское хозяйство* Нечерноземья. 1987. № 5.
10. *Сельское хозяйство* Нечерноземья. 1986. № 3.
11. *Демографическая* ситуация и расселение населения в сельской местности РСФСР // под ред. Е. М. Гасилова [и др.]. М., 1986.
12. *Милосердов В. В.* Аграрная политика и проблемы развития АПК. М., 1990.
13. *Милосердов В. В., Милосердов В. К.* Аграрная политика России — XX век. М., 2002.
14. *Концепция* аграрной политики России в 1997—2000 годах. М., 1997.
15. *Аграрная* экономическая наука. М., 1999.
16. *Аграрная* реформа в России: концепции, опыт, перспективы. М., 2000.
17. *Рыночная* трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы. М., 2000.

**Кадровый состав сельскохозяйственных работников
накануне аграрной реформы 1990-х годов
(на материалах Липецкой области)**

На основе анализа протоколов совещаний работников агропромышленного комплекса, справок и отчетов Липецкого обкома КПСС выявляются трудности, усугубившие ситуацию с рабочими кадрами колхозов и совхозов накануне проведения аграрной реформы 1990-х гг.

Based on the analysis of the protocols of the meetings of agricultural workers, information and records of the Lipetsk oblast Committee of the CPSU revealed the difficulties that exacerbated the situation of workers of state and collective farms before the agrarian reform of the 1990s.

Ключевые слова: аграрная реформа, Липецкая область, колхозы, совхозы, кадровая проблема, квалифицированные работники, неквалифицированные работники.

Keywords: agrarian reform, Lipetsk region, collective farms, state farms, personnel problem, skilled workers, unskilled workers.

Накануне аграрной реформы 1990-х гг. колхозники и работники совхозов представляли собой многочисленную группу сельскохозяйственных рабочих, делившуюся на две подгруппы. Одна из них — квалифицированные работники, основным отличительным признаком которых было осуществление квалифицированного физического труда с применением машин и механизмов. Данная подгруппа отличалась неоднородностью, в нее входили механизаторы, трактористы, комбайнеры, водители, операторы машинного доения, операторы животноводческих комплексов. В зависимости от отрасли сельского хозяйства их условно подразделяли на механизаторские (работавшие преимущественно в растениеводстве) и животноводческие кадры.

Вторая подгруппа — неквалифицированные работники — объединяла представителей массовых профессий, занятых физическим (ручным или конно-ручным) трудом в растениеводстве и животноводстве: помощников комбайнера, скотников, доярок, телятниц, птичниц.

В годы аграрной реформы из-за тяжелого экономического положения произошло обвальное сокращение численности квалифицированных и неквалифицированных рабочих кадров всех профессий. В период с 1990 по 2002 г. в России количество трактористов-машинистов уменьшилось в 2,3 раза (или на 57%), работников животноводства — в 3,4 раза (или на 70%). Число неквалифицированных работников сократилось в 1,9 раза (или на 48%) [4, с. 31]. Наибольшее снижение численности имело место среди работников, занятых в животноводстве, поскольку эта отрасль сельского хозяйства находилась в самом удручающем положении.

Однако не стоит думать, что данная проблема стала порождением только лишь аграрной реформы. Накануне преобразований ситуация с рабочими кадрами в сельском хозяйстве тоже была непростой. Проведенные в 1986—1989 гг. социологические обследования показали, что имела место частая сменяемость кадров. В частности, полное обновление механизаторских кадров происходило каждые 8—9 лет [6]. В этот период основными причинами оттока из колхозов и совхозов квалифицированных рабочих были неудовлетворенность условиями труда, желание жить в городе, поиск высокооплачиваемой работы. Надо сказать, что такие характеристики механизаторов, как «большая текучесть кадров» и «стремление к уходу из деревень», были присущи им и в более ранний период — 1930—1950-е гг. [5].

На рубеже 1980—1990-х гг. практически все районы Липецкой области «испытывали дефицит рабочих кадров» несмотря на наличие 6 техникумов и 12 профтехучилищ, осуществлявших подготовку по сельскохозяйственным специальностям: агрономия, зоотехния, ветеринария [1, оп. 54, д. 76, л. 9].

В марте 1991 г. на совещании работников агропромышленного комплекса Липецкой области секретарь парторганизации совхоза «Барятинский» Данковского района И. Н. Толоченов обратил особое внимание на «проблему кадров», назвав ее «главной проблемой села». Он акцентировал внимание на трех важных аспектах. Первый — тяжелые условия механизаторского труда: «...кто сегодня измерил степень зараженности людей, работающих на тракторах с аммиачной водой, ядохимикатами. Ежегодно медицинские комиссии отстраня-

ют десятки людей этой профессии от работы». Второй — низкая продолжительность жизни: «...достаточно взглянуть в лица пенсионеров, среди них вы практически не найдете ни одного механизатора. Эти великие люди земли просто до этого времени не доживают». Третий — невысокая зарплата: «Заработная плата сегодняшних земледельцев настолько мала, что о ней просто говорить смешно» [1, оп. 54, д. 13, л. 37—38].

Истоки кадровой проблемы, по мнению заместителя председателя областного агропромсоюза И. И. Бритвина, крылись в том, что «на большинстве совещаний, заседаний разных органов и организаций главная производительная сила — человек — идет как придаток к производству. Хозяйственные показатели на первом месте, люди с их нуждами — на втором» [1, оп. 54, д. 76, л. 6].

Анализ протоколов совещаний работников агропромышленного комплекса, справок и отчетов инструкторов социально-экономического отдела Липецкого обкома КПСС позволил выявить трудности, с которыми приходилось сталкиваться квалифицированным и неквалифицированным работникам колхозов и совхозов накануне проведения аграрной реформы. Это тяжелые условия труда, односменная работа, невысокая заработная плата, слабый приток молодежи, низкий уровень профессионального мастерства квалифицированных работников, плохая организация профессиональных осмотров, ненадлежащее торговое обслуживание и проблемы с жильем.

В процессе трудовой деятельности механизаторы подвергаются сильному воздействию вредных факторов: «пылевого, шумового, вибрационного, загрязнения воздуха в т. ч. пестицидами, выхлопными газами двигателя». Влияние этих факторов усиливается на фоне «неблагоприятного микроклимата», сочетающего в себе «значительные физические усилия, нервно-психические нагрузки, нерациональную организацию рабочего места» [3]. Как следствие, механизаторы являются группой с высоким риском развития профессиональной патологии, среди них незначительна доля работников старше 50 лет.

На рубеже 1980—1990-х гг. основной возраст механизаторов, занятых в полеводстве, составлял 30—49 лет (65,3% от общего числа). Среди них 78,3% работников имели рабочий стаж свыше 10 лет. Более 69% работали на технике, не отвечавшей требованиям гигиены и эргономики. Опрос, проведенный в начале 1990-х гг., показал, что лишь 55,3% механизаторов были удовлетворены условиями тру-

да, 62% оценивали свою работу как тяжелую, 55% — как напряженную, 74,8% считали, что работа отрицательно влияет на состояние их здоровья [3].

Производственный процесс работников животноводства в рассматриваемый период также был сопряжен с воздействием негативных факторов — высоким уровнем загрязненности помещений различными газами, значительной физической нагрузкой при уходе за животными, опасностью заражения заболеваниями, передающимися от больных животных (бруцеллез, сибирская язва и др.).

Из-за нестабильности, большой текучести кадров и плохой дисциплины неквалифицированных работников действующим работникам на фермах приходилось трудиться без выходных и отпусков. Так, в колхозе «Искра Ленина» Лебедянского района Липецкой области некоторые доярки не были в отпуске по 3 года [1, оп. 54, д. 76, л. 13]. В области имели место случаи, когда из-за нехватки кадров доение коров осуществлялось специалистами (в отделении «Большевик» совхоза «Дмитровский» Липецкого района) [1, оп. 54, д. 76, л. 21] либо коров совсем переставали доить и отправляли в самозапуск (в совхозе «Куйманский» Лебедянского района из 530 коров доились лишь 190) [Там же, л. 13].

В ряде колхозов и совхозов на производстве отсутствовали элементарные бытовые условия. В 1990 г. в Липецкой области только три четверти молочно-товарных ферм были оборудованы комнатами отдыха, треть — душевыми кабинами, менее половины — местами для приема пищи (табл. 1). Ситуация на свиноводческих фермах была еще более удручающей.

Таблица 1

**Обеспечение производства бытовыми условиями
в животноводческой отрасли Липецкой области в 1990 г.**

Бытовые условия в животноводстве	Молочно-товарные фермы		Свиноводческие фермы	
	Количество, шт.	Доля, %	Количество, шт.	Доля, %
Фермы	721	100	201	100
Комнаты отдыха	554	76,8	76	37,8
Душевые комнаты	259	35,9	41	20,4
Помещения для приема пищи	316	43,8	47	23,4
Медицинские пункты	96	13,3	25	12,4

Источник: [1, оп. 54, д. 76, л. 11].

В справке социально-экономического отдела Липецкого обкома КПСС «О состоянии молочного животноводства в Лебединском районе» за 1990 г. говорилось: «На многих животноводческих фермах... не созданы нормальные условия для работающих: нет раздевалок, комнат отдыха и приема пищи, слабо механизированы трудоемкие процессы производства»; «плохие условия не позволяют работать высокопроизводительно» [1, оп. 54, д. 76, л. 13].

Тяжелые условия труда в сельскохозяйственном производстве делали необходимым перевод работников полеводства и животноводства на двухсменную работу в целях улучшения режима их труда и отдыха. Если механизаторских кадров это касалось преимущественно в весенне-летний период, то для животноводов данная проблема была актуальна круглогодично. Осуществление всего комплекса операций по уходу за коровами в течение суток при односменной работе было практически невозможным [2].

В 1990 г. в молочном животноводстве Елецкого района Липецкой области на двухсменном режиме работали 22 бригады, силами которых обслуживалось 54% всего поголовья скота [1, оп. 54, д. 76, л. 4]. Далеко не все сельхозпредприятия справлялись с поставленной задачей перехода на двухсменку. Так, по признанию начальника управления труда и занятости И. А. Лапыгина, на начало 1991 г. в Измалковском районе Липецкой области «недостаточно была проведена работа по организации двухсменки среди работников животноводства, в результате на большинстве ферм она распалась» [1, оп. 54, д. 76, л. 2]. На ферме колхоза им. Карла Маркса Липецкого района формально была внедрена двухсменка, но из-за большой текучести кадров отсутствовали подменные доярки (лишь в 1990 г. с фермы уволились 17 доярок) [1, оп. 54, д. 76, л. 22].

Из-за низкой зарплаты в 1990 г. большое количество квалифицированных работников стало уходить из колхозов и совхозов в кооперативы. Директор птицефабрики «Липецкая» А. М. Киселев отмечал: «Там (в кооперативах. — *И. Л.*) им дают зарплату в 3–4 раза больше, чем у нас». Это сильно беспокоило руководителей сельхозпредприятий. Они неоднократно обращались к областному руководству с просьбой «пересмотреть нормативы фонда заработной платы». Однако председатель областного Совета народных депутатов В. В. Донских в ответ на это заявил, что «производительность труда должна

опережать зарплату». «Зарплата — это ваше дело», необходимо «рассмотреть вопрос, но не баловать людей» [1, оп. 53, д. 129, л. 4, 10].

Оплата труда неквалифицированных работников была еще более низкой. В ходе инспекторской проверки животноводческих ферм Добровского района Липецкой области в январе 1991 г. состоялась встреча со скотниками молочно-товарной фермы №1 колхоза им. Калинина, на которой они «посоветовали на низкие заработки» [1, оп. 54, д. 76, л. 16]. В марте 1991 г. директор совхоза «Красный колос» Липецкого района Н. Г. Буслов говорил: «Нам нужно... по-настоящему заинтересовать в добросовестной работе своих рабочих и платить им настоящую зарплату. Мы должны честно признать большую несправедливость в оплате труда у инженерно-технических работников, руководителей всех рангов и у наших рабочих. Разница в зарплате все больше увеличивается, а снижение продукции в большинстве случаев произошло не по их вине» [1, оп. 54, д. 13, л. 32—34].

На рубеже 1980—1990-х гг. в колхозах и совхозах Липецкой области имела место острая нехватка кадров рабочих специальностей. Из-за слабого притока молодежи не происходило должного воспроизводства социальных групп квалифицированных и неквалифицированных работников.

Причинами низкого притока молодежи в сельское хозяйство являлись, во-первых, тяжелые условия труда и низкая зарплата, из-за чего происходило падение престижности профессий животновода и механизатора; во-вторых, халатное отношение местных властей к процессу подготовки квалифицированных рабочих кадров; в-третьих, невнимательное отношение местной власти к выпускникам техникумов и профтехучилищ, трудоустроившимся в колхозы и совхозы.

Накануне аграрной реформы в большинстве районов Липецкой области для выпускников техникумов и профтехучилищ, направляемых на работу в колхозы и совхозы, не создавались благоприятные условия труда и быта, позволявшие им обустроиться на новом месте. Как следствие, значительная часть молодых квалифицированных работников не задерживалась надолго на сельскохозяйственных предприятиях, пытаясь найти иные источники заработка (табл. 2).

Таблица 2

**Закрепляемость выпускников техникумов и профтехучилищ,
направленных на работу в отдельные районы
Липецкой области в 1990 г.**

Район	Направлено на работу в район, чел.	Закрепилось в районе	
		Чел.	%
Краснинский	40	11	28
Лебедянский	38	3	8
Лев-Толстовский	37	17	46
Становлянский	31	5	16

Источник: [1, оп. 54, д. 76, л. 9—10].

Ежегодно каждый район области мог отправлять на обучение в техникумы 55 человек. Однако районные власти не реализовывали эту возможность в полной мере. В 1989–1990 гг. Краснинский район направлял учиться лишь по 10—12 человек в год. Подобная ситуация сложилась также в Становлянском, Лебедянском, Лев-Толстовском районах [1, оп. 54, д. 76, л. 9].

В Лебедянском районе имелись хозяйства, где доярками трудилось особенно мало молодежи. В колхозе «Путь к коммунизму» лишь 2 доярки из 19 (10%) были молодого возраста, в колхозе имени XX партсъезда — 2 из 14 (14%), в совхозе «Куйманский» не было ни одной доярки в возрасте до 30 лет [1, оп. 54, д. 76, л. 14].

По мнению начальника управления труда и занятости И. А. Лапыгина, слабый приток молодежи на животноводческие фермы повлек за собой старение рабочих кадров. В 1991 г. отмечалось, что в Измалковском районе «из 420 доярок — 190 в возрасте старше 50 лет» [1, оп. 54, д. 76, л. 2]. В Лебедянском районе 21% доярок имел возраст 50 лет и старше [1, оп. 54, д. 76, л. 13].

Отличительной характеристикой социальной группы квалифицированных работников является наличие начального профессионального или среднего профессионального образования. Однако на рубеже 1980—1990-х гг. это условие не всегда выполнялось. На начало 1991 г. в Липецкой области для нормального функционирования сельскохозяйственного производства требовалось 30 тыс. квалифицированных работников, а по факту работало только 27 тыс. Из

них специалистами I и II классов было лишь 12,5 тыс. человек (то есть 47% от общего числа работающих). В 4 из 18 районов области ситуация была наиболее критической. Так, в Липецком районе только 34% квалифицированных работников были специалистами I и II классов, в Добринском районе — 33%, в Задонском — 30%, в Лебедянском — 24% [1, оп. 54, д. 76, л. 8].

Остро стояла и проблема проведения медицинских профосмотров, обязательных для квалифицированных и неквалифицированных работников сельского хозяйства. Из отчета о состоянии работы с кадрами в отрасли животноводства Липецкой области за 1990 г. следует, что в указанный период «в Добринском районе прошли профосмотр 59% от общего числа работающих, в Долгоруковском — 60%, в Лев-Толстовском — 37%, в Хлевенском — 62%» [1, оп. 54, д. 76, л. 11]. Поскольку организация профосмотров не требовала материальных затрат, то объяснить это можно лишь халатностью районных властей и руководителей предприятий.

Торговое обслуживание колхозников и работников совхозов осуществлялось в форме приезда автолавок местных райпо. Однако работа автолавок не была отлажена: во-первых, часто нарушался график их приезда; во-вторых, количество привозимых товаров было недостаточным; в-третьих, ассортимент товаров оставлял желать лучшего. Реакцией на это были многочисленные жалобы работников. Так, в колхозе «Звезда» Лебедянского района семья доярки А.М. Именник, имевшая 9 детей, «не могла в течение года купить для них ни колготок, ни носков, ни школьной формы и обуви» [1, оп. 54, д. 76, л. 13].

Нехватка жилья для рабочих кадров колхозов и совхозов имела место во всех районах Липецкой области. Данная проблема обострилась во второй половине 1980-х гг. из-за активизации процесса старения сельскохозяйственных работников. Это подтверждается стенограммой совещания председателя Совета народных депутатов Липецкой области В.В. Донских с директорами птицефабрик в октябре 1990 г. Руководитель птицефабрики «Добринская» В.И. Бугров отмечал необходимость строительства «хотя бы одного 36-квартирного дома» в Хворостянском отделении фабрики, где в очереди на квартиры стояли 100 человек. Ситуация усугублялась тем, что в 1991 г. ожидался уход на пенсию 50% птичниц, а фонд свободных квартир для новых работников отсутствовал. Директор птицефабрики «Липецкая» А.М. Киселев также говорил о большой (200 человек) оче-

реди на квартиры и обратил внимание на еще одну проблему. На птицефабрике участились случаи, когда работники, получив долгожданное жилье, сразу же увольнялись. Основываясь на этом, А. М. Киселев предложил «вынести решение о выселении людей, которые прекращают трудиться на нашем предприятии» [1, оп. 53, д. 129, л. 3—4].

Таким образом, проблема рабочих сельскохозяйственных кадров, достигшая своей критической точки в годы аграрной реформы 1990-х гг., стала назревать еще до начала преобразований. Она стояла очень остро и неоднократно обсуждалась на заседаниях партийных органов и совещаниях работников агропромышленного комплекса.

Список источников и литературы

1. *Государственный архив* новейшей истории Липецкой области. Ф. 34.
2. *Карташов Л.П., Куранов Ю.Ф.* Машинное доение коров. М., 1980. URL: <http://animalialib.ru/books/item/f00/s00/z0000041/st038.shtml> (дата обращения: 12.05.2020).
3. *Кирюшин В.А.* Научные основы оптимизации условий труда механизаторов полеводства : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 1995. URL: <http://medical-diss.com/medicina/nauchnye-osnovy-optimizatsii-usloviy-truda-mehanizatorov-polevodstva#ixzz6L0SN2hHU> (дата обращения: 12.05.2020).
4. *Материалы бухгалтерских отчетов субъектов РФ в Минсельхозе России* // Долгушкин Н.К. Трудовой потенциал российского села: состояние и перспективы. М., 2004.
5. *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001.
6. *Ярошенко И. Ф.* Как удержать механизатора в деревне // Социологические исследования. 1990. № 5. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/993/831/1219/13-Yaroshenko.pdf> (дата обращения: 12.05.2020).

ОБ АВТОРАХ

Бершадская Ольга Владиславовна, канд. ист. наук, Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Краснодар.

E-mail: berscoll@mail.ru

Дианова Елена Васильевна, д-р ист. наук, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск.

E-mail: elena-dianowa@yandex.ru

Жданович Людмила Николаевна, канд. ист. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: lzhdanovich@mail.ru

Жиров Николай Анатольевич, канд. ист. наук, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, Елец.

E-mail: zhirov-nikolai@mail.ru

Иванов Владимир Иванович, д-р ист. наук, Южный филиал Российского института культурологии Министерства культуры РФ, Краснодар.

E-mail: ivanovst@mail.ru

Карпачёв Михаил Дмитриевич, д-р ист. наук, Воронежский государственный университет, Воронеж.

E-mail: m-karpach@mail.ru

Китанина Таисия Михайловна, д-р ист. наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург.

Козлов Сергей Алексеевич, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН, Москва.

E-mail: centfeod-iriran@yandex.ru

Комиссаренко Аркадий Иванович, д-р ист. наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва.

E-mail: arkadiy109@rambler.ru

Кондрашин Виктор Викторович, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН, Москва.

E-mail: vikont37@yandex.ru

Ланской Григорий Николаевич, д-р ист. наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва.

E-mail: gri_lanskoi@list.ru

Логунова Инна Викторовна, канд. ист. наук, Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Липецк.

E-mail: inna.logunova12@gmail.com

Нарыкова Нина Михайловна, д-р ист. наук, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург — Пушкин.

E-mail: narykova@yandex.ru

Никулин Валерий Николаевич, д-р ист. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: nikuliny@mail.ru

Роднов Михаил Игоревич, д-р ист. наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, Уфа.

E-mail: rodnov@ufacom.ru

Смирнова Ольга Алексеевна, канд. ист. наук, Оренбургский государственный институт искусств им. Л. и М. Ростроповичей, Оренбург.

E-mail: oasmirnoff@rambler.ru

Степанова Лилия Геннадиевна, канд. ист. наук, Кубанский государственный университет, Краснодар.

E-mail: liliya_stepanova@list.ru

Томилин Виктор Николаевич, д-р ист. наук, Липецкий государственный педагогический университет, Липецк.

E-mail: tomilin58@mail.ru

Черкасова Марина Сергеевна, д-р ист. наук, Вологодский государственный университет, Вологда.

E-mail: mscherkasova@mail.ru

Шевельков Анатолий Иванович, канд. ист. наук, Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна.

E-mail: shevelkov51@mail.ru

†*Шустов Константин Борисович*, канд. ист. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

Научное издание

СЕВЕРО-ЗАПАД
В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ
Межвузовский тематический сборник
научных трудов

Выпуск 26

Под редакцией

Никулина Валерия Николаевича

Редактор *Д. А. Малеваная*. Корректор *С. В. Ильина*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 25.12.2020 г.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 17,9

Тираж 250 экз. (1-й завод 51 экз.). Заказ 124

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6